

Части речи И з а л о г

Л.М. МЕДВЕДЕВА

(На материале английского языка)

996208

Киев
Издательство при Киевском
государственном университете
издательского объединения «Вища школа»
1983

Введение

Гибкость языка как инструмента мысли и коммуникации в значительной степени обеспечивается способностью языковых единиц к варьированию. Вполне закономерно поэтому то большое внимание, которое в современных лингвистических исследованиях привлекает проблема формального и семантического варьирования единиц языка на разных уровнях его структуры.

Специфика вариативности сообразно закономерностям той или иной языковой подсистемы требует изучения общих и частных свойств варьирования, представляющих интерес не только в конкретном языке, но и в общетеоретическом плане. По мере увеличения числа работ, исследующих проблему вариативности языка, возникают новые вопросы, ждущие своего изучения. И это естественно, ибо «истина... всегда неполна, ибо опыт всегда незакончен»¹.

Поскольку языковые категории не укладываются полностью в жесткие рамки определенной системы (структуры), внесистемные факты должны исследоваться так же тщательно, как и системные. «Выпадающие из системы» языковые явления, именуемые в современной лингвистике «переходными» или «промежуточными», обнаруживаются в различных подсистемах и на разных уровнях языка и не могут не привлекать лингвистическую мысль. Плодотворность их углубленного изучения определяется необходимостью выявления всего многообразия отношений между элементами языковой структуры, раскрывающего внутреннюю динамику языка в процессе его функционирования.

Современные лингвистические исследования на этом уровне ориентируют, в частности, на изучение функционального и семантического сближения частей речи в различных языках, в значительной степени обеспечивающегося возможностью их транспозиции. Далекое не последняя роль в межкатегориальных преобразованиях, способствующих взаимопереходу частей речи и их последующей вариативности, принадлежит характеру «сочетающихся» смыслов, совместимости/несовместимости значений исход-

ной и производной единицы. Вопрос о том, какие значения исходного слова могут сохраняться в семантической структуре производного слова, а какие — нет, по праву относится к актуальнейшим проблемам словообразования. Если до недавнего времени данная проблема рассматривалась в основном в лексическом плане, т. е. изучался характер значений исходного и производного слова, а грамматическим свойствам словообразования внимание уделялось лишь спорадически, то в настоящее время на повестку дня встал вопрос о необходимости исследования семантики производных слов с сохраненными грамматическими значениями исходных основ² — вопрос, имеющий самое непосредственное отношение к проблеме связи словообразования и грамматики, лексики и грамматики, который может быть также сформулирован как «грамматика в лексике».

Лексические и грамматические значения, как известно, не обязательно различаются по содержанию. Включение соответствующих значений в число грамматических основывается, прежде всего, на формальных особенностях их выражения, противопоставленности друг другу и свойстве обязательности. Такие значения, лежащие в основе грамматических классов и единиц в замкнутых системах, относятся к категориальным. Выражение категориальных (грамматических) значений в конкретных языках не исчерпывается, однако, системой их грамматических форм, а включает и некатегориальные способы, обуславливающие варьирование в передаче идентичного мыслительного содержания. Особую актуальность в этом плане приобретает, следовательно, изучение различных частей речи с точки зрения взаимодействия в их семантике лексического и грамматического.

В диалектической противопоставленности категориальных и некатегориальных способов выражения грамматических значений и их вариативности особая роль принадлежит межкатегориальным заменам лингвистического знака и синтаксической деривации, обеспечивающим проникновение грамматического в лексическое, повышающим информативность языковых единиц.

Процессы, связанные со словообразованием, лежат на стыке грамматического и лексического. В словообразование обычно включается и корреляция однокорневых слов, принадлежащих к разным частям речи. Эта проблема, однако, неотделима от теории частей речи и является одной из нерешенных в современном языкознании³. Актуальность ее исследования определяется, в частности, недо-

статочной изученностью особенностей номинативных функций производных слов «гибридной» семантики, относящихся к периферии частей речи как совмещающих значения исходной и результативной единиц деривации не только лексического, но и грамматического характера.

К заимствуемым глагольными производными значениям, имеющим грамматическую природу, можно отнести, например, такие грамматические значения глагола, как залог, вид, время. Категориальные по своей природе, эти значения, благодаря словообразовательным процессам, связывающим глагол с другими частями речи, облакаются в «некатегориальную» форму и могут рассматриваться как значения-ретенты.

Предметом нашего рассмотрения являются глагольные производные с одним из названных значений, имеющим «явно не лексическую природу», но проявляющимся в семантике неглагольных частей речи. Таким значением есть грамматическое категориальное значение пассива, выражение которого в современном английском языке не может быть ограничено пассивной формой глагола, поскольку оно обнаруживается в семантической структуре глагольных производных — существительных, прилагательных и наречий.

Изучение особенностей семантики и синтаксиса кардинальных частей речи — глагольных производных — с учетом присутствия в их семантической структуре семы-ретента [пассив]⁴ направлено на раскрытие закономерностей их образования и функционирования и предполагает исследование их трансформационного потенциала, основывающегося на системной связи производных с корреляционными единицами синтаксического уровня. Избранный аспект изучения частей речи с семой [пассив] позволяет глубже раскрыть особенности их номинативных функций.

Адекватный анализ языковых единиц как лексического, так и грамматического уровня требует учета их формальной и содержательной сторон. В данном случае тип словообразовательного значения, предопределяющий особенности смысловой структуры производных — слов различных частей речи, устанавливается с учетом семантических аспектов деривационного форманта и источника наименования, а также особенностей их взаимодействия; определяется роль и место залоговой семы среди других составляющих семантической структуры слова, а также случаи «игры» сем, их подавления.

Взаимодействие сем в структуре производного слова может быть причиной многих семантических эффектов,

в том числе и его лексикализации. Релевантность семы [пассив] для функционирования производного, возможность ее актуализации и причины ее «подавления» связываются с понятием «степень эффективности семы [пассив]». В корпусе отглагольных прилагательных и изречий выделяются три группы производных соответственно трем степеням эффективности семы [пассив], в диагностировании которых большое внимание уделяется анализу валентностных и сочетаемостных характеристик производных.

Грамматическая категория залога своей сутью, как известно, связана с предложением. Анализ глагольных производных с семой [пассив] не может поэтому ограничиваться определением их сугубо внутренних свойств. Многоаспектность описываемого объекта требует комплексного и системного подхода к его изучению не только в парадигматическом, но и синтагматическом плане. Анализ связей, отношений и функциональных свойств анализируемых производных обеспечивает осознание их сущности.

Системное изучение частей речи с залоговой семой включает познание их роли в формировании содержательной стороны высказывания и особенностей его грамматического оформления. Исследование динамики функционирования частей речи с семой [пассив] позволяет установить их роль в тема-рематической организации предложения, выявить прагматические аспекты таких предложений. Семантико-синтаксические отношения между обязательными и факультативными компонентами предложения, представленными различными частями речи с семой [пассив], рассматриваются в аспекте моделирования таких предложений, межмодельной и внутримодельной вариативности. Возможность реализации пассивного значения не только категориальными, но и некатегориальными способами связывается с проблемой синонимии на уровне форм предложения.

Разрабатываемый анализ неглагольных частей речи с заимствованным грамматическим значением направлен на выявление не только идеальных случаев межчастеречной вариативности, сопровождающейся актуализацией залогового (пассивного) значения, но и семантического варьирования производных — слов различных частей речи — как проявления особенностей присущих им номинативных функций.

Вопросы теории грамматического залога

О глагольной номинации

Основная особенность глагольной номинации состоит в ее относительном характере. Значения глаголов не являются автономными, так как фиксирующиеся в их семантике понятия «действие», «процесс», «состояние» «обычно воспринимаются одновременно с предметами, которые от них неотделимы»¹.

Номинативная ценность и синтагматическая значимость глагольных лексем предопределяется двумя типами предметной направленности: субъектной и объектной, соответственно которым принято выделять два основных семиологических типа глагольных наименований: субъектный и объектный. В языке мыслительные категории субъекта и объекта воплощаются в конкретные члены предложения — подлежащее и дополнение. Особенностью английского языка является противопоставленность глагольных лексем не по их связям с субъектом или объектом, а, скорее, по субъектно-объектным и объектно-субъектным связям. Именно несовпадение семантической и синтаксической переходности/непереходности в современном английском языке является основой возникновения смешанных типов глаголов — субъектно-объектных и объектно-субъектных — и позволяет говорить об отсутствии четкой границы между переходными и непереходными глаголами.

Отношение подлежащее — сказуемое — дополнение в номинативном минимуме глагольного предложения является результатом экспликации лексических релятивных сем «субъект» и «объект», присутствующих в значении опорного предикатного слова (глагола) и предопределяющих его валентностные свойства. Валентностная классификация глаголов, выделяющая одновалентные, двухвалентные, трехвалентные и другие глаголы, основывается, следовательно, на учете функциональных релятивных сем как разновидности лексических релятивных сем². Правосторонняя связь глаголов с существительными, характеризующая двухвалентные глаголы, — источник многих семантических эффектов, в том числе и порождения залоговых отноше-

ний. Пассивная форма глагола является способом экспликации лексической релятивной семы.

Среди грамматических значений различных языков выделяются значения, соотносимые 1) с явлениями действительности; 2) с мыслительными категориями, а также 3) значения, которые выражают отношения между словами³. Залоговые значения, выражающие ориентированность глагольной интенции на объект, соотносимы с мыслительными категориями. Пассив, как способ вторичной тематизации одного из аргументов предиката, относится к коммуникативным категориям, роль которых сводится к обеспечению предметного единства текста и информативности его компонентов⁴.

Категория залога является одной из наиболее дискуссионных в грамматике — факт, отмечавшийся многими советскими и зарубежными лингвистами⁵.

К спорным вопросам как в общей проблеме теории грамматического залога, так и в описаниях залога, построенных на материале конкретных языков, относятся такие, как определение залоговой семантики и характера залоговых противопоставлений, интерпретация залога с точки зрения его уровневой принадлежности, отграничение пассива действия от пассива состояния, «собственно» залоговых форм от именного сказуемого и многие др.

УРОВНИ ЯЗЫКА И ЗАЛОГ

В традиционной грамматике категория залога трактуется как морфологическая категория глагола, которая, как и всякая морфологическая категория, представлена противопоставлением категориальных форм действительного и страдательного залога⁶. Морфологическая концепция залога в русском языке разрабатывалась Ф. Ф. Фортунатовым, А. М. Пешковским⁷. К морфологическому уровню относит категорию залога М. М. Гухман, отмечая при этом, однако, что смысловая структура залоговых оппозиций в индоевропейских языках реализуется только в пределах определенных синтаксических отрезков⁸. Аналогичная точка зрения была высказана и Р. В. Басовой⁹. Морфологической категорией, проявляющейся в противопоставлении «действительный залог — страдательный залог», считает залог II. Циммерман. Следует сказать, что такой вывод делается несмотря на то, что при описании страдательного залога автор оперирует понятием подлежащего как члена предложения¹⁰.

Однако, на наш взгляд, не следует утверждать, что включение залога в класс морфологических категорий отражает его сущность. Если употребление глагола в различных временных, аспектуальных и залоговых формах и можно рассматривать в качестве примеров вариативности в глагольной группе, то при этом необходимо констатировать, что это — явления разного порядка, так как вариативность временных и аспектуальных форм глагола относится к самому глаголу, а вариативность активных и пассивных форм затрагивает и другие члены предложения¹¹. Тот факт, что грамматическая категория залога не «замыкается» на глагольном слове и для ее осмысления необходимо привлекать другие члены предложения, составил основу критического пересмотра чисто «морфологического» подхода к залогу.

На необходимость учитывать синтаксические факторы при описании залоговых различий указывалось неоднократно как в отечественной, так и зарубежной литературе. Синтаксическую концепцию залога развивали известные русские ученые А. А. Потсбия и И. И. Мещанинов, датский ученый О. Есперсен¹². На более тесную связь категории залога, в отличие от других глагольных категорий, с синтаксическим уровнем указывается и в лингвистической литературе последних десятилетий¹³. Учитывая синтаксические связи глагола в предложении, А. М. Мухин считает необходимым рассматривать залог в синтаксическом плане, поскольку уязвимость его трактовки как морфологической категории, по справедливому замечанию автора, и состоит как раз в том, что залоговые значения глагола, его залоговые противопоставления описываются не сами по себе, а на базе синтаксических связей глагола в системе предложения¹⁴.

Обозначение различных типов соответствий между актантами (членами предложения) и партиципантами (участниками ситуации), которое считается содержанием залоговой оппозиции, свидетельствует, по мнению А. А. Холодовича, о связи категории залога с синтаксисом предложения¹⁵. Аналогичной точки зрения придерживается В. С. Храковский, отмечая, что в рамках универсального подхода к залогу его следует трактовать как синтаксическую категорию, реализация которой происходит в оппозиции исходной и производной синтаксической конструкции¹⁶.

Своеобразие категории залога заключается, однако, в том, что она связана не с одним, а, по крайней мере, с двумя уровнями языка — морфологическим и синтакси-

ческим, что и учитывается при морфолого-синтаксическом подходе к его описанию. Преимущество морфолого-синтаксической теории залога в том, что ей удается преодолеть ограниченность как морфологической, так и синтаксической концепции залога¹⁷.

Однако, по нашему мнению, адекватное описание залога может быть достигнуто лишь при учете еще и лексического уровня, на котором мы получаем сведения о собственно лексической семантике глагольной леммы. Залоговая парадигма каждого глагола, как убедительно доказал Г. Г. Сильницкий¹⁸, определяется его лексическим значением, различные залоговые разряды глаголов базируются на их различных лексико-семантических классах, а залог представляет собой, следовательно, многоплановую лексико-синтаксическую (или морфолого-лексико-синтаксическую) категорию, отображающую соотношение между лексическим типом глагола и синтаксической структурой глагольного предложения.

ЗАЛОГ И ДИАТЕЗА

В последние десятилетия в советской лингвистике широкое распространение получило исследование залога с позиций семантического синтаксиса. Популярной является универсально-типологическая концепция диатез и залогов, разрабатываемая с конца 60-х годов группой структурно-типологического изучения языков ЛО Института языкознания АН СССР. Исходным при описании залога является понятие соответствия (диатезы)¹⁹. Диатеза означает соответствие актантов глагола (членов предложения) партиципантам (участникам) ситуации. Различаются исходная и производная диатезы. Если диатеза — это соответствие членов предложения партиципантам ситуации, то исходная (прямая) диатеза характеризуется изоморфностью партиципантов ситуации членам синтаксической структуры, т. е. Субъект занимает позицию 1-го актанта, Объект — 2-го и т. д. Диатеза, фиксируемая в исходной конструкции, — исходная (прямая). Переход от исходной конструкции к производной, сопровождающийся изменением исходной диатезы, состоит в том, что партиципанты ситуации либо вовсе не обозначаются в предложении, либо обозначаются не теми членами предложения, что в исходной конструкции.

Залог определяется как 1) деривационные отношения, связывающие исходную и производную конструкции²⁰, и

2) регулярное обозначение в глаголе соответствия между единицами синтаксического и семантического уровней²¹. Пассив (пассивные конструкции, конструкции пассивного залога) определяется как производная конструкция, в которой, в отличие от исходной, обозначенный (лексически выраженный) в предложении конкретный субъект не занимает позиции подлежащего. Такие конструкции являются диатезами с «пассивной» маркировкой. Приведенное определение пассива позволяет подвести под данное понятие не только традиционный пассив, но также и безличные, каузативные и эргативные предложения.

Определение залога с точки зрения соответствия семантического и синтаксического уровней не раскрывает особенности залоговой семантики глагола, тем более, что один из авторов данной концепции утверждает: «Нет никакого специфического пассивного (страдательного) значения. Это значение, которое традиционно приписывается глаголу в пассивной конструкции, но разумным образом не определяется, является плодом добросовестных научных заблуждений»²². Определение залога как обозначения в глаголе соответствия между единицами семантического и синтаксического уровней указывает на смысловое содержание лишь постольку, поскольку в нем употребляется форма и семантика (семантический уровень, т. е. субъект, объект). Однако из этой формулировки неясно, какому смысловому заданию служит изменение соотношения между единицами семантического и синтаксического уровней предложения²³. «Семантическим» дополнением к определению залога, предложенному А. А. Холодовичем и его последователями, может, очевидно, служить его описание с учетом направленности глагольного действия²⁴. Основу распространенного в лингвистике положения, будто значение страдательного залога состоит в направленности действия на подлежащее, составляет, как считает И. Циммерман, особенность 1-го актанта (подлежащего), сохраняющего семантическую специфику объекта исходной конструкции²⁵. Изменяя свою позицию по отношению к центру ситуации — глаголу, — актанты не могут, однако, не влиять на характер глагольного действия. Они не просто заполняют позиции в ситуации, а являются ее «активными» участниками, поскольку имеют собственное содержание²⁶. Процессы, действия не могут, как известно, восприниматься изолированно от предметов, так как они от них неотделимы. Эта особенность их взаимной связи проявляется в их языковой репрезентации, в частности в залоговой форме глагола, сигнализирующей об определенной направленности про-

цесса как результата взаимодействия понятийных категорий Sb, Ob²⁷ и действия с синтаксическим содержанием модели предложения, в которой они воплощаются.

Семантическое определение различия между активом и пассивом оказывается возможным при таком подходе к теории значения, когда не семантика противопоставляется грамматике (синтаксису), а в самой семантике различаются разные взаимодействующие между собой аспекты и уровни — языковые (в том числе и грамматические) значения и понятийные категории, языковая семантика и смысл. Грамматические категории актива и пассива характеризуются идентичностью смысла, так как они интерпретируют одни и те же понятийные категории субъекта и объекта в их понятийном соотношении к действию. Различия в залоговых отношениях актива и пассива являются различиями в языковой семантической интерпретации указанного понятийного соотношения; при активе глагольный признак представлен как исходящий от его носителя, в роли которого выступает Субъект, а при пассиве глагольный признак представлен как направленный на его носителя, в роли которого выступает Объект.

Такой подход к залогу позволяет учесть не только морфологические, но и формально- и содержательно-синтаксические различия предложений, отличающихся по залогу. С таких позиций описывает залог А. В. Бондарко²⁸.

ЗАЛОГ И ПЕРЕХОДНОСТЬ

Связь залога и переходности проявляется, прежде всего, в том, что категория залога ограничена переходными глаголами, т. е. глаголами, в семантике которых присутствуют лексические релятивные семы «субъект» и «объект». На связь залога с переходностью глагола указывали многие лингвисты²⁹. Суть связи категории залога с переходным характером глаголов сводится к тому, что только переходные глаголы могут иметь взаимоисключающие формы актива и пассива, образующие грамматическую категорию залога. Это относится не только к английскому, но и к словацкому³⁰, немецкому³¹ языку, а также всем современным индоевропейским языкам, в которых залог является компонентом парадигмы переходного глагола³².

Мнение о том, что категория залога присуща только множеству переходных глаголов, не является, однако, единственным. А. В. Бондарко, например, считает, что противопоставление актива и пассива охватывает всю гла-

гольную лексику³³. Точка зрения, согласно которой не существует глаголов, стоящих вне залога, и залог как грамматическая категория охватывает все глаголы, принята новейшей академической грамматикой русского языка³⁴. Уязвимость такой точки зрения показана М. М. Гухман³⁵. Неправомерность данного подхода очевидна также если рассматривать залог, опираясь на понятие соответствия: производная диатеза может быть образована только в том случае, если есть, по крайней мере, два актанта, которые должны поменяться местами, второй актант — дополнение, как известно, возможен только при переходном глаголе.

Некоторые авторы считают, что залог как грамматическая категория является производным от переходности. И. Циммерман, например, различает 1) исходную переходность — свойство, проявляющееся у глагола на уровне так называемой глубинной лексико-синтаксической структуры, т. е. в его исходной диатезе, и 2) производную переходность, которая является результатом синтаксических преобразований, происходящих в результате перераспределения синтаксических функций³⁶.

Рассматривая вопрос о синтаксической категории переходности, имеющей самое непосредственное отношение к определению действительного и страдательного залогов, А. М. Мухин считает невозможным опереться на понятие переходности при определении страдательного залога в таких, например, случаях: (1) *They were assigned seats* и (2) *The bed had not been slept in*, так как, по мнению автора, в предложении (1) подлежащее обозначает не объект, а адресат действия, а в предложении (2) представлена непреходная глагольная синтаксема³⁷. При понимании переходности в широком смысле единицы, именуемые А. М. Мухиным синтаксемами, являются традиционными дополнениями (объектами), причем синтаксема *in the bed* (в активном предложении) может рассматриваться как характеризующаяся значениями объектности и локативности. С. Д. Кацнельсон, например, рассматривает «домой» в «вернуться домой» как субстанциональное дополнение к глаголу³⁸. Возможность употребления таких специфических членов предложения с локативной семантикой в функции подлежащего пассивных предложений обеспечивается, по мнению Г. Тюина, экстралингвистическими факторами, в частности наличием (а) непосредственно наблюдаемого результата, (б) опосредованно наблюдаемого результата: а) *Everything looked deserted, the streets seemed not to have been walked on for centuries*; б) *The bed has not been slept in by Marie Antoinette*³⁹.

Подход к анализу предложения с позиций семантического синтаксиса, ориентирующегося на анализ содержательной стороны лингвистических единиц, позволяет выявить семантическую неоднозначность его членов. Так, в предложениях (1) *The host ushered her into the room.* (2) *They equipped him with the necessary tools.* (3) *They told her nothing about the incident.* (4) *Nobody slept in the bed* объектам соответствуют семантические роли (1) пациента, (2) реципиента, (3) адресата и (4) места и пациента.

При тематизации объекта, ведущей к нарушению изоморфности семантического и синтаксического компонентов предложения, что фиксируется в пассивной форме глагола-сказуемого, в качестве семантически неоднозначного члена предложения будет выступать субъект, выражая следующие семантические роли:

- (1) пациента: *She was ushered into the room;*
- (2) реципиента: *He was equipped with the necessary tools;*
- (3) адресата: *She was told nothing about the incident;*
- (4) места и пациента: *The bed was not slept in.*

Именно совмещение ролей локатива и пациента обеспечивает именам типа *the bed* (*Nobody slept in the bed*) возможность выступать в качестве субъекта пассивного предложения. В предложении *George Washington lived in this house* дополнение *this house*, по мнению Т. Лангендоена, выполняет не только локативную роль, но и роль пациента, поскольку сообщает нам не только о том, где жил Джордж Вашингтон, но и «в чем» он жил. Обозначая пациент, *this house*, следовательно, может употребляться в качестве субъекта пассивного предложения, предлог же, указывающий на его локативную роль, занимает место после глагола. Построенные по аналогичной модели предложения *George Washington remained in this house* и *George Washington lived in Virginia* не могут, однако, иметь пассивных аналогов, поскольку глагол *remain (in)* не может употребляться с объектом, выполняющим роль пациента, а *Virginia* не может считаться пациентом глагола *live in*⁴⁰.

ВАЛЕНТНОСТЬ И ЗАЛОГ. О СЕМАНТИКЕ ЗАЛОГА

Глагол, именуемый в традиции переходным, является глаголом объектного (субъектно-объектного, объектно-субъектного) семиологического класса или двухвалентным. Реализуемая им способность сочетаться с элементами, называемыми участниками обозначаемой ситуации, может

рассматриваться как его характеристика в плане валентности.

«Пассивоспособность» глаголов, следовательно, предопределяется их валентностными свойствами: пассивные конструкции могут быть образованы транзитивными глаголами, обладающими, по крайней мере, двухместной валентностью.

Описывая залог через валентность глагольных лексем, Г. Г. Сильницкий определяет грамматическую категорию залога как отображающую регулярные соотношения между элементами валентных парадигм лексем глагола, которые коррелируют с регулярными изменениями в их значении. Из определения следует, что в залоговых разрядах фиксируются регулярные соответствия между изменениями валентности у глагола и семантическими сдвигами в его значении⁴¹. Валентностная теория залога, как и иерархический принцип описания структуры предложения, восходит к работам французского лингвиста Л. Теньера, который в определении залога исходил, однако, не из валентности глагола как таковой, а из семантики самой категории, считая, что основным его признаком является характер направления глагольного действия⁴².

Залог — это единственная категория глагола, для характеристики которой релевантны признаки трех уровней — лексического, морфологического и синтаксического.

О правомерности отнесения залога к морфолого-лексико-синтаксической категории свидетельствует, в частности, «двухъярусный» семный состав морфологических форм актива и пассива, включающий, соответственно, семы 1) (а) [активность субъекта]; (б) [центробежность глагольного действия] и 2) (а) [аффицированность субъекта]; (б) [центростремительность глагольного действия]⁴³. Описание значения грамматической категории при помощи такой семы, как [субъект] (активный, аффицированный), является указанием на релятивный характер залоговых сем, что непосредственно связано с лексической семантикой глагола, в свою очередь предопределяющей его валентность. Названные семы являются дифференциальными (дистинктивными) признаками грамматической оппозиции *актив*: *пассив*. Сема [активный субъект] наличествует в случае изоморфности семантического и грамматического субъекта (а, следовательно, и семантического и синтаксического уровней), в то время как сема [аффицированный субъект] указывает на отсутствие такого соответствия, имеющего место при заполнении позиции

грамматического субъекта (подлежащего) семантическим объектом, иначе говоря, при перемещении актантов.

Следует указать еще на одну особенность категории залога, в частности пассива. Страдательный залог, в отличие от действительного, не только сигнализирует о производности функции подлежащего, как принято считать⁴⁴, но и указывает на факультативность функции дополнения, т. е. можно говорить об обязательности одной из релятивных сем двухвалентного глагола при его употреблении в активном залоге и факультативности — в пассивном. Пассивная форма глагола является свособразной маркировкой факультативности правосторонней валентности глагола. Если обязательная в синтаксическом плане позиция субъекта характеризуется вариативностью семантики, то факультативная в синтаксическом плане позиция объекта — (относительным) «постоянством», «стабильностью» семантики: она заполняется в основном агенсом действия, называемого глаголом в пассивном залоге. Одна из причин употребления пассивного залога состоит в возможности «манипуляций» с агенсом: устранять его из обычной для него позиции и помещать на позицию объекта или (в большинстве случаев) оставлять невыраженным⁴⁵. Неудивительно поэтому, что пассив ассоциируется с уменьшением валентности глагола⁴⁶; небезынтересно, что имеются языки, где пассивный залог не употребляется, если существует возможность выражения агенса называемого глаголом действия.

Действительно, нельзя не обратить внимание на тот факт, что наличие пассивной конструкции в разных языках объясняется, прежде всего, возможностью построения предложений без агенса, а не возможностью низведения агенса с косвенным способом его выражения, как это имеет место в полной (трехчленной) пассивной конструкции. Сопоставляя эти две функции пассива как грамматическую и стилистическую, Ю. Г. Курилович отмечает, что основная причина употребления пассивных конструкций сводится к выполнению грамматической, а не стилистической функции, поскольку есть языки, в которых пассив служит только грамматическим целям (латынь или классический арабский), и нет языка, где пассив употреблялся бы исключительно для стилистических целей⁴⁷.

Особенность предложений с пассивной формой глагола, в которых реализуется как только обязательная, так и обязательная и факультативная валентности, сводится к «низведению» субъекта с его обычной позиции подлежащего (первого актанта) и возможности оставить незаполненной субъектную валентность глагола, столь важную в

коммуникативном плане. Вполне правомерно поэтому рассмотрение деятеля (в пассивной конструкции) как маргинальной части высказывания, поскольку его можно опустить⁴⁸.

«Правило» пассива, следовательно, состоит в том, что в предложениях, описывающих процессы (activities or acts), агенс может не занимать позицию подлежащего только в том случае, если глагол употребляется в специальной форме⁴⁹. Другими словами, если в позиции подлежащего находится не актанта, называющий субъект действия, а любой другой актанта, глагол употребляется в специальной форме, указывающей на факультативный характер его субъектной валентности и центростремительность называемого им процесса. Грамматическая категория залога (а) актив, (б) пассив, следовательно, представлена оппозицией таких рядов грамматических форм (минимум) двухвалентных глаголов, которые характеризуются 1) (а) обязательной и (б) факультативной субъектной валентностью; 2) (а) центробежной и (б) центростремительной направленностью выражаемого ими признака по отношению к его носителю, который 3) представлен (а) агенсом и (б) неагенсом.

Некатегориальные способы выражения категориального значения пассива

ПАССИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ПАССИВНАЯ ПРЕДИКАЦИЯ

Дискуссионной в современной науке о языке была и остается не только проблема значения, но и функций («назначения») пассива. Необходимость его употребления в большинстве случаев, как правило, связывается с возможностью или необходимостью оставить невыраженным субъект действия, называемого глаголом, и особенностями актуального членения предложения¹. Некоторые лингвисты, в частности Р. Лакофф, вообще сомневаются в необходимости пассивного залога². Полемизируя с Р. Лакофф, Дж. Стэнли пытается, и безуспешно, доказать, что пассив далеко не бесполезен³. Употребление данного залога является «осознанным», например, в правительственных документах, научной и художественной литературе. Рассматривая пассив с точки зрения речевых актов (Speech Acts), Дж. Стэнли приводит целый ряд примеров, свидетельствующих о том, что пассив помогает отвлечь внима-

ние от производителя названного глаголом действия, особенно когда он вообще опускается, и внимание сосредоточивается на других компонентах предложения. Это относится, в частности, к использованию пассивного залога в документах Пентагона, где его употребление позволяет избежать указания на конкретных лиц, ответственных за осуществление определенных военных акций.

Некоторые авторы работ по стилистике считают грамматический пассив «грозой» хорошего стиля. Л. Пейн, например, жалеет, что его нельзя полностью изъять из языка, так как он все же выполняет некоторые функции. Основная задача этого «бесцветного» (colorless) залога сводится, по ее мнению, к передаче насилия над кем-либо, несчастья с кем-либо. В примере *She was hit by a car* пассивный залог передает атмосферу несчастья, а активный — *a car hit her* — звучит нелепо. «В каждом случае, — отмечает Л. Пейн, — пассивный залог предельно ясно указывает на то, что подлежащее является не действующим лицом, а лицом, над которым совершают действие. Это и есть именно тот эффект, к которому стремится писатель: он создает чувство шока, беспомощности перед лицом несчастья»⁴. Вряд ли можно согласиться с таким категоричным описанием функционального назначения пассива, сводящегося к ограниченному числу случаев, представляющих, главным образом, негативные, с точки зрения человека, ситуации. Достаточно привести самые нейтральные ситуации, представленные в пословицах: *What is done, cannot be undone; No sooner said than done; Soon learnt, soon forgotten; Rome was not built in a day* и т. д. Много примеров употребления пассива в «нешоковых» ситуациях можно найти и в художественной литературе.

При рассмотрении пассива обращает на себя внимание не только вариативность пассива и актива, обеспечивающая описание одной и той же ситуации как со стороны субъекта, так и со стороны объекта, но и варьирование разноуровневых единиц, объединенных семей [пассив]. Однако об этом факте почему-то умалчивают большинство авторов, рассматривающих в своих работах проблемы пассива. «Иногда мы забываем, — пишет Г. Тернер, — что «*Caesar conquered Gaul*» варьируется не только с «*Gaul was conquered by Caesar*», но также с «*Caesar's conquest of Gaul*» и «*The conquest of Gaul by Caesar*», а также «*The conquest of Gaul*» и «*Caesar's conquest*». Имеются, конечно, отличия в эмфазе, детализации времени и деятеля, но такие различия и являются предметом стилистики именно в этом ее значении — в изучении нюансов»⁵.

Актив и пассив позволяют рассматривать понятийное соотношение Субъекта, Объекта (и т. д.) и действия в разных перспективах: а) активной (со стороны субъекта [агенса], осуществляющего действие) и б) пассивной (со стороны не субъекта⁶, а другого актанта, испытывающего действие или состояние, им вызванное). Такие предложения характеризуются одним и тем же денотативным значением, поскольку они описывают один и тот же факт объективной действительности, и различным сигнификативным значением, так как реальные соотношения между участниками данной ситуации представляются говорящим в таких предложениях в различных ракурсах. Понятие пассивной перспективы предложения, так же как и понятие пассивной предикации, было впервые выдвинуто и обосновано основоположником Пражской лингвистической школы В. Матезиусом. При пассивной перспективе предложения организация его лексического и грамматического материала показывает, что любое лицо или предмет, стоящие в «контекстуальном центре внимания» (не обязательно грамматическое подлежащее), затронуто, затрагивается или будет затронуто определенным внешним действием, исходящим из другого места⁷. Пассивная предикация понимается более узко, как структура грамматического предиката, указывающая на то, что на грамматический субъект направлено действие, что он затронут действием, называемым в предикате⁸.

Соотношение пассивной перспективы и предикации обусловлено особенностями конкретного языка. Так, например, в русском языке пассивная перспектива обнаруживается в предложениях как с пассивной, так и с активной залоговой формой глагола-сказуемого, например: *Нас наградили. Вас критикуют*. Такие предложения известны в традиционной грамматике как неопределенно-личные.

Особенность английского языка состоит в том, что в нем пассивная перспектива, как правило, выражена пассивной предикацией. Первые шаги в применении понятия пассивной предикации к анализу английского предложения сделал В. Матезиус, который выделил пять ее типов: 1) предикация, выраженная грамматическим (причастным, по терминологии Матезиуса) пассивом: *The play is performed by our best actors*; 2) номинативно-квалификативная предикация: *For centuries they were subject to a steady and cruel persecution*; 3) адвербиальный тип пассивной предикации: *Four other ships of the same type are just now under construction*; 4) посессивный тип пассивной предикации: *He had his reward at once*; 5) перцептивный

тип пассивной предикации: At these words I *found my heart beating* violently. В некоторых типах пассивной предикации выделяются подтипы⁹.

По нашему мнению, предлагаемая В. Матезиусом классификация типов пассивной предикации в современном английском языке нуждается в уточнении и дополнении. Что касается так называемого номинативно-квалификативного типа пассивной предикации, хотелось бы обратить внимание на необходимость дифференцированного подхода к структурам, в вершине которых находятся существительное и прилагательное, хотя бы уже потому, что они не всегда совпадают по форме. К существительным, образующим с отглагольными именами структуры, описывающие ситуацию со стороны объекта (т. е. характеризующиеся пассивным значением), относятся такие общие и более конкретные по своему значению слова, как *object, subject, centre, victim* и др.: The sole motives of this clever fraud ...were to become an *object of admiration and astonishment* to men... (J. Fowles). The saint is shocked almost as if the *victim of a practical joke* (J. Fowles).

Главный в смысловом отношении компонент данной конструкции не обязательно выражен отглагольным именем, однако глагол имплицитруется контекстом и направление предикативного признака остается центростремительным: She *was* undoubtedly the belle of the barbeque, the *centre of attention* (M. Mitchell). For one appalling moment Mrs. Poulteney thought she *had been* the *subject of a sarcasm* (J. Fowles).

Выражать пассивную предикацию можно также усеченными конструкциями без стержневого слова общей семантики. Ср.: ...she was to be seen in her box at the opera every night, and her diamonds were *the envy of all beholders* (S. Maugham). She also spread vicious scandals concerning another young lady, widely admired for her talents and therefore *an object of envy* (J. Fowles).

Что касается структур другой подгруппы, то в их вершине находятся переходные прилагательные (прилагательные направленного признака)¹⁰ типа *subject, worth, liable, immune, prone* и т. д., которые в сочетании с ситуативными именами способны описать ситуацию со стороны объекта: The Court of Appeals held that "the Executive *is not subject to judicial control* or direction in such matters" (W. McClure). ... Alas! That the steady and resolved continuity of design necessary to the accomplishment of sweeping operations *should be liable to interruption* by drink (J. Galsworthy). The leader does not even normally attend

the annual conference, except to deliver a speech at the end of the conference which is *not open to discussion* (J. Harvey and K. Hood). По сравнению с лексическим значением существительных, центральных компонентов рассмотренных выше пассивных структур, лексическое значение прилагательных отличается большей конкретностью и поэтому они нередко вносят дополнительные смыслы в значение всей структуры, например модальность, отрицание: A sudden fear seized Soapy that some dreadful enchantment *had rendered him immune to arrest* (O. Henry). Аналогичные конструкции могут быть также образованы существительными — производными прилагательных направленного признака: Ср.: (1) But *are* your two household gods quite *free of blame*? (J. Fowles). (2) Independence would be indicated by: ...*freedom from control or interference* by other states (D. O'Connell).

К указанному типу пассивной предикации приближаются структуры, в вершине которых находится глагол в пассивном залоге: It (the Charter) is antecedent to these treaties, since it is now only that preparations are being begun for the first of these treaties which a few months hence *to be submitted to the sanction* of an international conference (First Assembly). I ... *was now exposed to general view* on a pedestal of infamy (Ch. Brontë).

К адвербиальному типу пассивной предикации В. Матезиус относит именные сочетания с предлогами *in* и *under*. В английском языке, однако, многие другие предлоги могут образовывать предикативные структуры пассивного значения, например, *on*, *upon*, *out of*, *above*, *beyond*, *in*, *within*, *past*: ...their scholastic colleagues were *above criticism* (M. Spark). ...some conclusions about this life that are not *within the reach* of the masses of man (E. Doctorow). Что касается выделяемых В. Матезиусом посессивного и перцептивного типов пассивной предикации, то один из подвидов посессивной предикации может быть объединен с перцептивной предикацией в одну группу с точки зрения их формальной организации. Ср.: 1) I *had one Colossus bulging* over my shoulders; I had my door broken *in* и 2) I *found my heart beating* violently. В обоих случаях с действием непосредственно связано не грамматическое подлежащее, а дополнение. В этом — «структурное» сходство данных типов предикации. Отличие их состоит в том, что в примере (2) имена, представленные грамматическим субъектом и объектом, являются кореферентными и соотносятся как часть — целое, а субъект «испытывает» действие, происходящее помимо его воли: I found my heart

beating violently — My heart was beating violently. Следует сказать, что пассивная предикация может выражаться также конкретным (агентивным) именем и прилагательным, например: *I am your employee*. A pair of red briefs *became visible* (J. Fowles).

Пассивность (пассивная перспектива) может характеризовать не только главную предикацию, основные типы которой названы выше, но и зависимую от основной, подчиненную ей вторичную предикативность. Дополнительный предикативный план может создаваться в предложении ситуативными (производными от глагола именами абстрактной семантики) именами, выражающими пропозицию, в результате чего синтаксически простое предложение оказывается семантически сложным. Так, предложение *He has changed beyond recognition* должно прочитываться как *He has changed very much. He cannot be recognized. (He has changed so much that he cannot be recognized)*.

Асимметричность семантической и синтаксической структур таких предложений состоит не только в том, что синтаксически простое предложение выражает несколько пропозиций, но и в том, что в рамках простого предложения совмещаются несколько смысловых отношений в результате сочетания в грамматическом субъекте признаков субъекта и объекта. В данном предложении основная предикация характеризуется активной перспективой, а вторичная, подчиненная основной, — пассивной. Разнообразные способы выражения пассивной предикации, так же как и пассивной перспективы, в современном английском языке оставались до настоящего времени неисследованными. О необходимости исследования пассивной предикации, в оформлении которой заняты не только глагол в пассивном залоге, но и другие части речи, свидетельствует, в частности, значительный удельный вес существительных и прилагательных, участвующих в ее выражении. Результаты

Таблица 1

Части речи	Количество предикаций	%
Глагол	3410	72,78
Существительное	812	17,34
Прилагательное	463	9,88
Σ	4685	100

анализа способов выражения пассивной предикации различными частями речи в английском предложении, проведенного методом сплошной выборки предложений с пассивной предикацией из произведений английских и американских авторов общим объемом 4 тыс. страниц, представлены ниже (см. табл. 1).

Уже сами количественные параметры неглагольных частей речи, занятых в выражении пассивной предикации (около 30% зарегистрированных случаев), указывают на целесообразность их изучения ¹¹.

КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ

Сопоставление различных типов пассивной предикации в современном английском языке показывает, что в их выражении принимают участие различные части речи: глаголы, прилагательные, существительные — производные переходных глаголов. Пассивная предикация, представленная пассивной формой глагола, является формально-маркированным способом выражения пассивного значения. Все остальные типы пассивной предикации могут быть «сведены» к грамматическому пассиву:

- 1) He had his reward at once → He was rewarded at once.
- 2) He was on trial → He was (being) tried.
- 3) They were subject to a cruel persecution → They were cruelly persecuted.
- 4) The reaction is still measurable → The reaction can be still measured.
- 5) I am your employee → I am employed by you.

Особенность всех предложений с пассивной предикацией (и пассивной перспективой) состоит в том, что в них описываются ассоциируемые с лицом процессы (динамические или статические), однако лицо (агенса) не занимает позиции подлежащего, более того, большинство предложений являются безагентивными, так как в их поверхностной структуре не содержится указание на агенса. Напомним правило грамматического пассива: если в позиции подлежащего не выражен агенса глагольного действия, глагол должен употребляться в специальной форме («получать специальное окончание или употребляться в специальной конструкции») ¹². Как следует из приведенных выше предложений, пассивная форма глагола ни в одном из них не употреблена, последняя представлена лишь в перифразах предложений-примеров. Отсутствие агенса в позиции грамматического субъекта, центростремительная направленность выражаемого предикатными словами процесса (статического или динамического) и аффицированность субъекта (грамматического) — вот черты, общие для предложений с грамматическим пассивом и без него, свидетельство общих выражаемых ими отношений, сходной интерпретации

понятийных категорий Субъект — действие (состояние) — Объект.

При использовании слова в качестве члена предложения его словарное значение, как известно, сохраняется, но слово дополнительно приобретает коммуникативное значение. «Неагентивный» характер функционального значения существительного в позиции грамматического субъекта приобретается в процессе порождения смысла предложения и непосредственно связан с особенностью значений взаимодействующих членов предложения как слов определенного подкласса в пределах той или иной части речи¹³. Такими подклассами слов в составе, например, (а) глаголов и (б) существительных выступают (а) переходные и непереходные глаголы, (б) одушевленные и неодушевленные существительные. Если обобщенные значения частей речи выступают в виде категориальных (например, процессуальность, субстанциональность), то значения выделяемых подклассов принято относить к субкатегориальным (переходность/непереходность; одушевленность/неодушевленность и т. д.). Такие парадигматические отношения слов на уровне семантических категорий и классов, принадлежащих к одной и той же части речи, имеют большое значение не только для лексико-семантической¹⁴, но и для синтаксической системы любого языка. Субкатегориальные признаки одушевленности/неодушевленности, характерные для существительных, могут рассматриваться как скрытые компоненты высказывания, выполняющие функцию различения лексических значений его предиката, ср.: *Стол накрыт скатертью* и *Стол был накрыт официантом*, *Дети причесываются няней* и *Дети причесываются гребенкой*¹⁵. Следовательно, при выделении модели предложения (его структурной схемы) необходимо принимать во внимание не только схему в целом и категориальное значение отдельных компонентов, конституирующих данную структурную схему и обычно рассматривающихся в качестве модельобразующих (обязательных), но и субкатегориальные значения, поскольку за последовательностью «имя-глагол-имя», как следует из предложений, построенных по этой схеме, стоят разные типовые схемы. Взаимодействие субкатегориальных значений со схемой приведенных выше предложений состоит в том, что типовой схемой в данном случае является не последовательность «имя-глагол-имя», а «последовательность классов слов, в которых введено указание на подклассы слов»¹⁶. Взаимодействие категориальных и субкатегориальных значений слов, выступающих в качестве конкретного члена предложения (подле-

жащего и дополнения), сообщает им конкретные функциональные значения (1) объекта и субъекта и (2) субъекта и инструмента. Взаимодействие лексики и грамматики не может быть ограничено только названными отношениями категориального и субкатегориального.

В основе лексико-грамматических группировок слов внутри частей речи могут лежать их словообразовательные связи. Характер функциональных значений членов предложений или словосочетаний может непосредственно зависеть от «отраженных» (заимствованных) в семантике производных слов значений исходных слов. Ср.: (1) I am youг *employer* (2) I am youг *employee*. Существительные *employer* и *employee* называют (1) субъект и (2) объект действия, обозначенного в их глагольной основе. Пассивность предложения (2) обуславливается пассивным значением производного имени-предикатива, различная залоговая семантика существительных-предикативов *employer* и *employee* предопределяет различные функциональные значения подлежащих предложений: (1) — субъект и (2) — объект. Значительная роль, принадлежащая семантической структуре компонентов высказывания для установления его грамматической характеристики, определяет актуальность исследования не только эксплицитных категорий, но и категорий, не получающих непосредственного выражения во внешней структуре языка. Пассивное значение, представленное в соответствующей грамматической форме глагола, является грамматическим по своей природе, эксплицитным по способу выражения. Активные и пассивные формы глагола, как и всякие грамматические формы и их оппозиции, конституируются на базе объединения и противопоставления по категориальным признакам. Залоговые значения в английском языке могут быть отнесены к категориальным, так как они опираются на формальные ряды глагольных форм и их оппозицию.

Интересной представляется проводимая А. В. Бондарко классификация значений в грамматике с точки зрения их категориальности/некатегориальности. Однако нельзя не заметить противоречий в предлагаемой концепции. Вызывает сомнения, например, то, что в предложениях 1) *Он слышал, как капли падали в воду* и 2) *Он слышал, как капли падают в воду* значение отнесенности действия к прошлому в первом случае является категориальным, а во втором — некатегориальным¹⁷. Такое заключение противоречит определению категориальных значений, формулируемому автором: «Категориальными в грамматике являются обладающие свойством обязательности инва-

риантные значения, присущие грамматическим классам и единицам. Эти значения лежат в основе оппозиций классов и единиц в замкнутых системах»¹⁸. Следовательно, в обоих предложениях значение отнесенности действия к прошлому является категориальным, а способы его выражения соотносятся как категориальный (1) и некатегориальный (2). Аналогичным образом можно трактовать залоговую семантику и способы ее выражения в английском языке. Значения, которые обязательно выражаются в языке, называются грамматическими, в отличие от лексических — факультативных значений¹⁹.

Поскольку одни и те же значения могут быть выражены в различных языках по-разному — в одном языке лексическими средствами, в другом — грамматическими, можно сделать вывод об обязательности тех или иных значений только для определенного, конкретного языка. Языковое значение может считаться грамматическим, если оно облечено в регулярно реализующуюся в языке форму. Принимая во внимание данную особенность грамматических значений, можно говорить о совпадении многих значений, в том числе и залоговых, во многих языках, т. е. они будут обязательными не для одного, а для многих языков. Залоговые значения — это грамматические значения, соотносимые с мыслительными категориями. На обязательность этого значения глагола («или делать, или подвергаться действию») указывал еще Аристотель²⁰. Аналогичную мысль по поводу обязательного выражения данного значения в языке высказал и Э. Сепир, рассматривая характер отношения между членами предложения *The farmer kills the duckling*: «Можно умолчать о времени, месте и числе и о множестве других понятий всякого рода, но нельзя увернуться от вопроса, кто кого убивает. Ни один из известных нам языков не может от этого увернуться»²¹. Залоговые значения, имеющие специальные (грамматические) формы и являющиеся обязательными для переходных глаголов, следует относить к категориальным (обязательным). Поскольку перечисленные выше различные типы пассивной предикации остаются вне разрядов грамматических оппозиций глагола, хотя аналогичны им по содержанию (примеры иллюстрируют их сходство с маркированным членом залоговой оппозиции), они должны рассматриваться как некатегориальные способы выражения категориального значения пассива. Категориальные и некатегориальные способы выражения категориальных значений соотносятся как прямые и косвенные. Существование категориальных и некатегориальных способов выра-

жения грамматических значений обеспечивает их вариативность в пределах грамматической системы языка. Грамматическое описание языка должно поэтому включать не только прямые (эксплицитные), но и косвенные²² способы выражения грамматических значений, в частности пассива.

Проблема некатегориальных способов выражения категориальных значений глагола имеет самое непосредственное отношение к вопросам скрытой (имплицитной, латентной) грамматики, привлекающей все большее внимание исследователей последних десятилетий²³. С. Д. Кацнельсон определяет скрытую грамматику как «грамматические сигналы, имплицитно содержащиеся в синтаксических сочетаниях и в семантике слов», а скрытые категории — как «подразумеваемые категориальные признаки, не имеющие самостоятельного выражения в языке», по выражающиеся опосредованно, «при посредстве слов и словесного контекста», и выполняющие «содержательные функции грамматической классификации слов на классы и подклассы, а также функции синтаксической валентности»²⁴. Излагая свою концепцию скрытой грамматики, С. Д. Кацнельсон обращает особое внимание на то, что не каждая грамматическая категория получает прямое и непосредственное выражение в грамматических формах данного языка. Поскольку многие грамматические категории оказываются «запрятанными в значениях слов и синтаксических связях слов в предложении», задача исследователя состоит в том, чтобы выявить и описать скрытые грамматические категории, «не освященные грамматической традицией». «Несмотря на многовековое развитие грамматики, такой грамматической дисциплины не существует. Она, можно сказать, зарождается в наши дни»²⁵. Попытка выделения скрытых категорий отдельных частей речи, обусловленных их субкатегориальными значениями, предпринята И. И. Ревзиным²⁶.

Неописанной в грамматиках современных языков оказывается, однако, не только «скрытая грамматика категорий, не освященных грамматической традицией», но и скрытая грамматика категорий, в «грамматичности» которых вряд ли можно сомневаться. Интересным представляется рассмотрение подкласса глаголов с субкатегориальным значением отношения (модальность, оценка и т. д.), выражающих скрытые грамматические значения утверждения/отрицания²⁷. В данном случае противопоставление скрытой грамматики «явной» базируется на понятии не значений, а способов их выражения.

Следовательно, скрытая грамматика в узком ее понимании исследует традиционные грамматические значения, представленные неграмматическими способами. Если признавать имплицитное выражение формальным (в самом широком смысле)²⁸, так как оно выступает в качестве косвенного результата, следствия, выраженного теми или иными формальными показателями соотношения единиц, представленных в конкретном высказывании, их определенной сочетаемости и взаимодействия с элементами контекста, то эксплицитное и имплицитное выражение необходимо противопоставлять как формальное соответственно в узком и широком смысле.

Имплицитные грамматические значения исходных основ могут выявляться в семантике производных слов. Примечательно, что, описывая некоторые скрытые грамматические категории современного немецкого языка, И. И. Ревзин ставит вопрос о возможности подобного подхода к словообразованию современного немецкого языка и приходит к выводу о том, что вопрос о скрытых категориях в словообразовании остается дискуссионным²⁹.

Следует отметить, что на возможность выражения пассивного значения русскими отглагольными существительными и прилагательными указывал еще М. М. Покровский, а позднее — В. В. Виноградов³⁰. Случаи видового противопоставления в парах существительных типа удвоение-удваивание, прыжок-прыганье отмечал А. М. Пешковский³¹. Е. А. Иванникова рассматривает выражение отглагольными существительными значений вида как следствие их семантической соотнесенности с глаголом³².

О. Д. Митрофанова отмечает, что залоговое значение у русских отглагольных существительных передается именами наряду с видовой характеристикой действия. О таких значениях существительных автор считает целесообразным говорить не в формально-грамматическом, а в семантико-синтаксическом плане³³.

На «обычность» у отпредикатных существительных значений типично глагольных категорий (например, каузатив: движение-Сaus + движение; время: ветеран войны-участник войны, прош. время) указывает Ю. Д. Апресян³⁴.

В современном немецком языке отглагольные существительные и прилагательные могут выражать активные и пассивные значения, для отглагольных существительных характерны также значения аспектуальности и темпоральности, например: *Lehrling*, *Phlegling*, *hörbar*, *vergeblich*, *verscheucht*. Плодотворность изучения «скрытых» грамматических значений производных, соотносимых со значения-

ми грамматических категорий производящих основ, отмечалась многими учеными ³⁵.

Перспективность дальнейшей разработки проблем скрытой грамматики на материалах конкретных языков определяется необходимостью выявления различных точек соприкосновения грамматических и лексических значений в языке. Английский язык все больше развивается, как неоднократно указывалось, в сторону аналитизма, причем аналитические тенденции отмечаются на разных уровнях языковой структуры ³⁶. Поскольку под аналитичностью принято понимать раздельность выражения лексических и грамматических значений ³⁷, естественным представляется изучение роли лексической системы языка в осуществлении принципа раздельного выражения лексических и грамматических значений ³⁸. Следует, однако, обратить внимание и на другую тенденцию в развитии языка, не менее «активную», чем «стремление» к аналитизму, и противоположную ей — состоящую не в отделении лексического от грамматического и, наоборот, грамматического от лексического, а в проникновении грамматического в лексическое. Здесь имеются в виду случаи сохранения категориальных значений глагола в семантике глагольных производных, примеры которых приведены выше.

На наличие у английских производных существительных и прилагательных активных и пассивных значений обратил внимание еще О. Есперсен ³⁹. С тех пор данная проблема затрагивалась в статьях и диссертационных исследованиях лишь спорадически, причем исследователей привлекали, как правило, части речи, залоговое значение которых маркировано суффиксальной формой — это отглагольные существительные имена лица на -ee и прилагательные на -able/-ible ⁴⁰. Синтаксическим коррелятом таких образований является глагол в пассивном залоге. Тесная связь всего класса производных с синтаксисом отмечалась во многих работах советских и зарубежных лингвистов ⁴¹.

Исследуя процесс создания слов, Е. С. Кубрякова, например, приходит к выводу, что если итогом словообразовательных актов является создание знаков-названий, то сам процесс словообразования — это сложный процесс превращения знаков-сообщений в знаки-названия ⁴². Ведущим признаком исходных знаков (знаков-сообщений, предложений) является, как известно, признак предикативности. Поэтому анализ семантики производных на синтаксической основе, какими являются, например, отглагольные существительные и прилагательные с семой [пас-

сив], естественно, требует анализа особенностей предиката и его дополнений и обстоятельств, например: *justifiable* — that can be legally or morally justified; *killable* — capable of being killed (esp.) legally.

Подтверждением существования живых связей словообразования и синтаксиса являются не только воссоздаваемые гипотетические знаки-сообщения, лежащие в основе знаков-названий, но и встречающиеся в текстах примеры создания новых наименований (существительных с пассивным значением) на основе синтаксических единиц, например: I believe that all the people who stand to profit by a war and who help provoke it *should be shot* on the first day it starts... The author of this book would be very glad to take charge of this shooting... and see that it would be performed as humanely as possible... (some of the *shoot-ees* would undoubtedly behave more correctly than others) and see that all the bodies were given decent burial (E. Hemingway).

В советском языкознании центральным понятием словообразования является понятие словообразовательной мотивированности (производности), при которой значение производного слова рассматривается сквозь призму значения исходного слова как им обусловленное. Исходное (первичное) и производное (вторичное) слова соотносятся как мотивирующее и мотивированное. Словообразовательная мотивация определяется как «отношение между двумя однокоренными словами, значение одного из которых либо а) определяется через значение другого, либо б) тождественно значению другого во всех своих компонентах, кроме грамматического значения части речи»⁴³. Рассматриваемые отглагольные существительные, прилагательные, паречия, следовательно, являются моно- или полимотивированными⁴⁴ словами с заимствованным значением «пассив». Семантическое сближение частей речи, объединенных семей [пассив], обеспечивает их варьирование: The land is flat ... ; a white cluster of grain elevators rising as gracefully as Greek temples *are visible* long before a traveller reaches them. Holcomb, too, *can be seen* from great distances (T. Capote). *Findings* which may be interpreted as suggesting answers to our third question *are found* in the "markedness" studies of Greenberg ... (J. Fillmore). The exact nature of this material and its relationship to the peroxidation are the subject of continuing investigation... The ability ... to utilize the ... analogues as cofactor *has also been studied*. ... Further *studies* are necessary on this discrepancy (Biochemistry).

Поскольку переход предложения, например, в имя сопровождается не только изменением его синтаксических особенностей, но и семантическими сдвигами⁴⁵, представляется целесообразным рассматривать производные слова и исходные синтаксические конструкции не только и не столько как семантические эквиваленты, но и как единицы с различной семантической структурой, с различными синтаксическими функциями и различным местом в системе конкретного языка. Рассмотрение общих и частных закономерностей варьирования разных средств наименования одного и того же предполагает, следовательно, описание особенностей номинации слов с заимствованными значениями, образующих своеобразные подклассы в пределах грамматико-лексических классов.

К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ [ПАССИВ]

Разные способы выражения значения пассива представляют собой совокупность языковых единиц с общим коммуникативным заданием. Единицы такого рода принято объединять в поле (грамматико-лексическое, функционально-семантическое)⁴⁶. Разрабатываемая А. В. Бондарко теория функционально-семантических категорий включает и проблему залоговости. Согласно данной теории, каждая функционально-семантическая категория (ср. грамматико-лексическое поле)⁴⁷ представляет собой группировки языковых элементов, которым присущ целый ряд общих черт: 1) общие инвариантные семантические функции; 2) взаимодействие явлений, относящихся к разным сторонам языка в парадигматике и синтагматике; 3) определенные структурные признаки: а) членение «центр (ядро) — периферия»; б) концентрация целого комплекса грамматических оппозиций в морфологической категории и непосредственность, незамкнутость, непарадигматичность оппозиций в кругу периферийных компонентов; в) максимальная функциональная нагрузка (центр) — уменьшение такой нагрузки (периферия); г) наибольшая специализированность определенного языкового средства для реализации определенной семантической функции (центр) — меньшая степень специализированности, побочная роль в реализации данной функции (периферия); д) регулярность, высокая частотность употребления языкового элемента (центр) — нерегулярность или меньшая регулярность, меньшая употребительность (периферия); е) регулирующая

и консолидирующая роль центральных явлений по отношению к периферийным; 4) постепенные переходы, частичные пересечения⁴⁸. Важной чертой грамматических и неграмматических средств, объединяемых в функционально-семантическую категорию, является содержательная соотносительность выражаемых ими значений, способность к взаимному притяжению или отталкиванию, создающие условия для взаимодействия разнородных элементов⁴⁹.

Что касается «приложимости» данных черт к функционально-семантической категории (грамматико-лексическому полю) залоговости, то вызывает сомнение наличие взаимодействия разнородных единиц в синтагматике в указанном выше смысле. Вряд ли можно утверждать, что части речи — глагольные производные — с пассивным значением (равно как и образуемые ими конструкции) взаимодействуют с глагольными залоговыми формами в плане дополнения их значения в предложении, как, например, слова типа «прежде», «завтра», сочетающиеся и взаимодействующие в линейной речевой цепи с различными временными формами глагола. Иначе говоря, части речи с пассивным значением, а также конструкции, образуемые с их участием, выступают в предложении не в качестве «сопроводителей» глагольных залоговых форм, а в роли их субститутов, то есть они ведут себя подобно ядерным компонентам поля. Поэтому, на наш взгляд, неправомерно относить, как это делает А. В. Бондарко, конструкции лексического пассива типа *Он терпит обиды, Он испытывает давление со стороны* к периферии поля залоговости⁵⁰. «Пассивные»⁵¹ части речи, как и образуемые ими сочетания, не могут быть включены, однако, в ядерную часть поля, так как они не относятся к грамматическому уровню, поскольку являются самостоятельными лексемами (или сочетанием лексем), единицами словаря, а не грамматическими формами, и выражают значение пассива, в отличие от грамматических форм глагола, косвенно. Наблюдается противоречие между природой этих элементов, поскольку они относятся к лексическому уровню, и их функционированием — они употребляются подобно грамматическим формам глагола, — противоречие, которого лишены, например, конstituенты поля темпоральности. Что касается поля залоговости, то компоненты, в семантической структуре которых вычленяется сема [пассив], должны, очевидно, включаться не в периферию поля, а в ядерную или околоядерную его часть. Включение таких единиц в ядерную часть поля изменит ее характер и повлечет постулирование уровней внутри ядра, в то время как их

отнесение не к уровню ядра (грамматики) и не к уровню периферии (лексики), а к какому-то промежуточному уровню будет означать признание за этими единицами статуса межуровневых.

Упорядоченность конstituентов поля залоговости, отвечающая их функциональному статусу, может быть достигнута также путем выделения в его структуре не двух «неделимых» компонентов — центр (ядро) и периферия, а выделением в центральной части доминанты (собственно центра) и наиболее тесно связанной с ней ядерной части⁵². Вполне правомерным представляется поэтому указание Е. И. Шендельс на двоякий характер отношений между грамматическими и лексическими компонентами поля: 1) отношения взаимодействия и 2) отношения взаимозамены. Первый тип отношений обнаруживается в том случае, когда лексические компоненты употребляются в одном линейном ряду с грамматическими, конкретизируя, уточняя, ослабляя или, наоборот, усиливая их значения, второй тип — при употреблении лексических единиц вместо грамматических, что, естественно, исключает их одновременное соположение⁵³.

Рассматриваемые А. В. Бондарко «неглагольные» способы выражения залоговых значений нельзя, следовательно, отнести к периферийным. Но, подобно периферийным компонентам, они также могут образовывать оппозиции, которые не являются, однако, замкнутыми, последовательными, парадигматичными, поскольку выражаемые ими залоговые значения не оформлены как морфологическая категория, а принадлежат отдельным лексемам или получаются в результате их взаимодействия, например: *to give a smile — to receive a smile; to put on record — to be on record; addressor — addressee; tolerant — tolerable* и др.

Для функционально-семантического поля, как уже отмечалось, характерны постепенные переходы, частичные пересечения, основанные на множественности признаков языковых явлений, согласно которым явление может относиться не к одному, а к нескольким полям. Что касается языковых единиц с пассивным значением, то и они могут оказаться причастными к нескольким полям. Это относится, в частности, к предложно-именным сочетаниям (ПС), совмещающим значения залоговости и темпоральности. Такие ПС функционируют в качестве второстепенных членов предложения и совмещают выражение пассива с передачей а) предшествования действию, называемому глаголом-сказуемым; б) одновременности, например: а) *I want all astronomical data gathered and arranged to be destroyed*

in a split second *on order* (M. Leinster); б) Every single man would come off the ship *under guard...* (A. Nourse)

Совмещение сем залоговости и темпоральности в семантической структуре свидетельствует о том, что поля темпоральности и залоговости не являются замкнутыми системами, а имеют открытый характер и могут пересекаться.

Грамматическая категория времени и лексические средства выражения времени, в данном случае — предложно-именные сочетания — соотносятся как «общее» — «конкретное». Предложно-именные сочетания, как и всякие периферийные лексические средства обозначения времени, взаимодействуют с ядерной частью поля (грамматической формой глагола, выражающей время), «подхватывая» грамматическое значение времени, уточняя, повторяя его и т. д.

Залоговые формы глагола и лексические средства (в данном случае — предложно-именные сочетания) соотносятся как «эксплицитное» — «имплицитное». Основанием для их сопоставления в одном случае оказывается характер значения, в другом — способ его выражения⁵⁴.

Различный характер взаимодействия лексических конститuentов с ядерной частью соответствующих полей предполагает, очевидно, отведение этим конститuentам разных мест в их полях. Данные языковые единицы не могут быть отнесены непосредственно к периферии поля залоговости, как уже отмечалось, поскольку они являются субститутами грамматических форм пассива, в то время как в поле темпоральности они занимают место на его периферии, выступая в качестве «сопроводителей» временных форм глагола — ядерных компонентов поля. Из различного соотношения функционального и семантического в пределах единиц различных уровней, предопределяющего их различную природу, их функциональные свойства⁵⁵, и вытекает необходимость тщательного исследования последних.

О ПОЛЕВОЙ СТРУКТУРЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Абстрактные, «грамматикализованные» категории предмета (предметности), качества или признака представляют то общее, что лежит в основе группирования слов конкретного языка в грамматико-лексические классы (части речи). С точки зрения семасиологии, принципы различения частей речи заключаются, по мнению В. В. Виноградова, в «очень абстрактных, отрешенных от частного и конкретного, «грамматикализованных», так сказать, категориях предмета или предметности, качества или призна-

ка, приписываемого предмету, действия или состояния и т. п.»⁵⁶. Понятие предметности является общим (категориальным) значением (понятийной основой) существительных, понятие качества, признака и признака признака (обстоятельный признак) — соответственно прилагательных и наречий. Трудность определения данного грамматического значения состоит, как известно, в том, что оно является формальным по своему содержанию, его назначение — придать определенную форму предмету (материалу) мысли человека, в результате чего оно как бы сливается с лексическим значением, становится неотделимым от него⁵⁷. Именно поэтому функция, например, всякого существительного, обозначающего не только конкретный предмет, но и действие, качество, сводится к тому, чтобы представить как конкретный предмет внешнего мира, так и действие и качество в виде одинаково самостоятельного, конкретного предмета мысли. Именно такое понимание понятия «предметность» дает основание объединять как конкретные имена, так и имена абстрактной семантики в класс существительных. Отглагольные существительные, в отличие от исходных глаголов, выражают действие не само по себе, выступающее в качестве признака предмета, а как носитель признака — субстанцию. Уподобляясь предмету грамматически, такие существительные в предложении характеризуются теми же отношениями, что и предмет, у них возникает оттенок значения предметности⁵⁸.

Известно и другое понимание значений, названных выше общекатегориальными, составляющих понятийную основу частей речи. Предметность, например, рассматривается не как общее грамматическое значение всей части речи, а как лексико-семантическое свойство ее ядра, т. е. существительных, обозначающих конкретные предметы реального мира⁵⁹. Правомерность такой точки зрения диктуется подходом к существительному как к явлению полевой природы.

Существование различных взглядов на характер грамматического значения частей речи объясняется, очевидно, трудностью определения данного значения, так как классы различных частей речи являются не гомогенными, а гетерогенными группами. Например, среди существительных, как уже отмечалось выше, можно найти не только слова, обозначающие предметы, но и слова, производные от глаголов и прилагательных и обозначающие «опредмеченные» действия, качества; среди прилагательных имеются слова с процессуальным и предметным значением (отглагольные и отсубстантивные прилагательные); среди наречий —

отадъективные с качественным значением и отглагольные с процессуальным значением (ср. деепричастие в русском языке). Правомерным представляется отнесение значений, перенесенных из других частей речи, к числу вторичных⁶⁰. Такие производные справедливо характеризуются как синтаксические дериваты⁶¹ на том основании, что, сохраняя лексическое значение исходной основы, они изменяют ее синтаксическую функцию. В отличие от «истинно» предметных, процессуальных, качественных и других слов, производные слова, принадлежащие к различным частям речи, как уже отмечалось, являются «гибридными», так как совмещают значение, например, предмета и действия (construction, punishment), признака и действия (playable). Если первые характеризуются целостностью парадигмы, то вторые — ее дефектностью. Производные существительные абстрактной семантики, например, не имеют формы множественного числа и падежа. Несовместимость с категорией сравнения могут обнаруживать «гибридные» прилагательные. Все это является подтверждением неоднородного характера слов, объединяемых в определенную часть речи.

У слов «гибридной» семантики отсутствует, следовательно, однозначное соответствие между их понятийной основой и частеречной характеристикой. Поскольку такие несоответствия обнаруживаются в кругу различных частей речи, неудивительно, что на повестку дня встал вопрос о необходимости полевого подхода к их описанию. Различные трактовки понятия поля в лингвистике, которые находим у разных авторов, обусловлены различными задачами исследования⁶². Плодотворность изучения частей речи с позиций теории поля впервые показана В. Г. Адмони на примере числительных⁶³.

Полевая природа обнаруживается не только у числительных, но и у других частей речи, характеризующихся неоднородностью семантики⁶⁴. При помощи принципа «поля» осуществляется анализ прилагательных, их внутреннее членение⁶⁵, а также анализ всей системы частей речи с ее делением на знаменательные и служебные⁶⁶.

Как у всякого объекта полевой природы, у кардинальных частей речи в современном английском языке вычленимо ядро (центр) и периферия. У существительных, например, ядерную часть занимают имена, обозначающие конкретные предметы («образцовые» существительные), а периферию — имена производные, подводящие под понятие предметности понятия действия и качества. Слова центра и слова периферии соотносятся как 1) соответствующие всем признакам данного класса слов и 2) удовлетво-

ряющие лишь части этих признаков. Основное отличие, например, периферийных существительных от ядерных состоит в гибридности их семантики, предопределяющей возможность передачи ими значений, не свойственных словам ядра. Присущие им значения действия или качества обеспечивают их семантическое сближение с глаголами и прилагательными (с которыми существительные связаны и словообразовательными отношениями). Именно транспонированные, перешедшие в новую часть речи слова составляют ее периферию. Имена конкретных предметов (ядерный компонент поля), как известно, противостоят именам абстрактным (периферии поля) как слова с денотативно-сигнификативным значением и слова с сигнификативным значением. Следует отметить, что именно «смешанный» характер семантики периферийных существительных, прилагательных, наречий (в нашем случае — глагольных производных) дает им возможность вместе с общим абстрактным значением исходной основы глагола удерживать и некоторые его грамматические значения, в частности залоговые, например: *punishment* (*punishing or being punished*), *adoption* (*adopting or being adopted*) и т. д. Значения такого рода принято называть отраженными, заимствованными⁶⁷. Заимствовав эти значения у исходного глагола, производные «удержали» их в своей семантике. Поэтому представляется целесообразным отнести их к классу значений-ретентов (от лат. *retentus* — «удержанный, сохраненный»⁶⁸). Если считать, что глагольные производные относятся к периферии соответствующей части речи, то взаимодействие частей речи как объектов полевой природы будет идти по линиям 1) центр — периферия; 2) периферия — периферия. Сфера взаимодействия частей речи не может ограничиваться их категориальными формами — средствами реализации категориальных значений, как утверждают, например, Б. Е. Зернов и О. Д. Попова⁶⁹, поскольку категориальные значения могут находить выражение и в некатегориальных способах.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ С СЕМОЙ-РЕТЕНТОМ [ПАССИВ]

Изучение особенностей производных частей речи, учитывающее заимствованное у исходного глагола значение пассива (значение — ретент), требует, прежде всего, анализа их семантической структуры с целью обнаружения залоговой семы. Под семантической структурой слова⁷⁰

понимается относящийся к плану содержания набор сем, семантических единиц, расположенных в определенной иерархии и представляющих его значение⁷¹. Проникновение в семантическую структуру слова обеспечивается применением метода компонентного анализа, который сводится к разложению семантической структуры единиц лексического, морфологического и синтаксического уровней на мельчайшие семантические элементы — семы⁷².

Широкое применение компонентного анализа, характерное для лингвистических исследований последних десятилетий, способствовало достижению объективности получаемых результатов. Достоинство данного вида анализа состоит в том, что в его терминах можно анализировать единицы как лексического, так и грамматического уровня. Известно, что первоначально данный метод успешно применялся при исследовании единиц лексического уровня⁷³. Возможность вычленения элементарных смысловых единиц (сем) не только при анализе лексических единиц, но и грамматических форм слов обеспечила его использование также при изучении разноуровневых единиц⁷⁴.

Вычленение залоговой семы-ретента [пассив] у глагольных производных при помощи методики компонентного анализа предполагает их анализ как в парадигматике, так и в синтагматике. В первом случае, например, учитываются синонимические и словообразовательные связи слов, во втором — особенности сочетаемости единиц, проявляющиеся в их функционировании; возможно также использование трансформации как метода эксперимента, проверка на подстановку (субституцию), обращение к соответствию исследуемых единиц в других языках и т. д., т. е. применение методики исследования, основы которой по своей сути восходят к разработанному в свое время Л. В. Щербой так называемому эксперименту в языкознании. Л. В. Щерба считал, что без эксперимента почти невозможно заниматься синтаксисом, лексикографией и стилистикой и что громадное преимущество изучения живых языков и кроется в возможности применения эксперимента, с помощью которого можно действительно надеяться подойти в будущем «к созданию вполне адекватной действительности грамматики и словаря»⁷⁵.

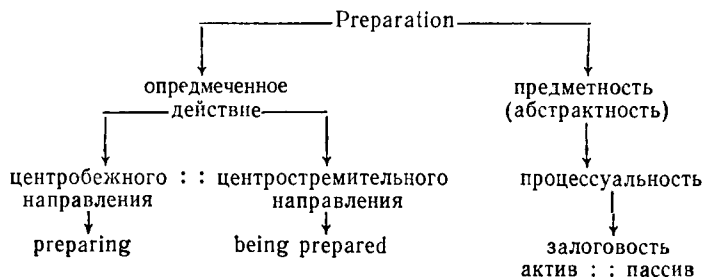
Парадигматический путь исследования семантической структуры слова предполагает также изучение его словарных дефиниций, плодотворность использования которых неоднократно отмечалась в литературе⁷⁶. Дефиниционный подход обеспечивает описание семантики слова в терминах значений других слов (а не компонентов значений

слов). Нельзя, однако, сказать, что в толковых словарях используется единый способ раскрытия семантики слов. Можно, скорее, говорить о комбинации синонимического, описательного, комбинированного, функционального и других способов⁷⁷. Дефиниционный подход учитывает и регистрирует существующие в языке грамматические отношения; недостаток его, однако, состоит в возможности образования кругов (*vicious circles*): изучая толкования слов, входящих в дефиницию контрольного слова, исследователь может столкнуться со словом, которое уже встречалось⁷⁸.

Поскольку подтверждением наличия залоговой семы в структуре значения анализируемого слова является ее экспликация при помощи грамматической залоговой формы, основным ориентиром в словарных дефинициях, естественно, есть пассивная форма глагола, участвующего в толковании значения производного от него слова.

Если цель компонентного анализа лексических единиц — представить значение отдельного слова (лексико-семантического варианта) в его полном объеме в терминах сем, что связано с целым рядом трудностей, то в данном случае применение компонентного анализа сводится прежде всего к выявлению в семантической структуре слов отдельных частей речи семы-ретента [пассив]. Иерархический характер организации сем в структуре слова, как уже говорилось, предопределяет необходимость выяснения места семы [пассив] в определенной иерархии⁷⁹. Общекатегориальная сема части речи, к которой принадлежит анализируемое слово, будучи наиболее важной, определяющей грамматический статус слова как части речи, занимает высшую ступеньку в иерархии сем. Подчиненной ей оказывается сема, «ведущая» для исходного слова. Например, у существительных типа *preparation* залоговая сема занимает подчиненное положение по отношению к семам предметности (абстрактности) и процессуальности.

Иерархию сем в структуре ситуативного имени можно представить следующим образом (см. схему 1):

В отличие от суффикса -(a)tion, суффикс -ee сообщает не только о категориальном значении части речи, но и обладает семой агентивности и семой пассива — «лицо, являющееся объектом действия», т. е. данное значение выступает как частное словообразовательное значение существительных, образованных по названной словообразовательной модели. Необходимо также учитывать характер взаимодействия сем в определенной иерархии и его влияние на результирующий смысл слова. Реализация семы-ретента [пассив] непосредственно зависит от реализации вышестоящих смысловых компонентов. При нейтрализации, например, семы [процессуальность], занимающей высшую ступеньку в иерархии сем, нейтрализуется и залоговая сема, что отражается на сочетательных способностях производного. Ср.: 1) Our job is to see that speaker does not have to contend with *unspeakable* collections of consonants (R. Jelles), где прилагательное *unspeakable* реализует пассивное значение *that may not or cannot be spoken*; 2) Her face was made up but haggard with a look of *unspeakable* irritability (D. H. Lawrence), где пассивное значение прилагательного «подавляется» оценочной семой, приобретаемой в данном контексте, его значение может быть описано как: *too bad or objectionable to be expressed in words*.

Признание системности языка требует изучения роли и места частей речи с семой [пассив] в этой системе. Неотделимость теории частей речи от синтаксиса обусловлена, как известно, тем, что части речи образуют члены предложения, а между синтаксическими свойствами языковых единиц и их семантическими признаками существует, как известно, регулярное соответствие, внутренняя связь. Исчерпывающее описание частей речи с семой-ретентом [пассив] не может быть получено путем их анализа только в парадигматике, учитывающей «отношения по вертикали», а должно включать исследование особенностей их дистрибуции «по горизонтали», т. е. в синтагматике. Необходимость анализа единиц с пассивным значением в двух планах обусловлена взаимосвязанностью и взаимообусловленностью синтагматических и парадигматических свойств слов. Употребляясь в конкретных речевых актах, лексические единицы реализуют свои сочетательные способности, которые не являются, однако, ни произвольными, ни случайными, а подчиняются особым закономерностям, которые принято объединять понятием валентности⁸⁰, как проявление системных связей единиц языка в процессе его функционирования. Лексическое значение слова задает условия для появления в предложении как обязательных, так

и факультативных «партнеров», которые и выявляют сочетательные возможности данного слова в предложении⁸¹.

Если при помощи компонентного анализа выявляется наличие семы-ретента [пассив] в семантической структуре слова (парадигматический уровень), то при помощи валентностного анализа представляется возможным показать, каким образом наличие пассивной семы, а также занимаемое ею место в иерархии сем сказывается на сочетательных способностях слова, в какой степени и каким образом семантическая структура слова связана с ее валентностью, предопределяет ее. Валентности отводится значительная роль при анализе синтагматических аспектов анализируемых частей речи, поскольку описание определенной части речи вряд ли может быть полным без учета ее валентных свойств. Несмотря на дискуссионность целого ряда вопросов, связанных с теорией валентности, данному понятию принадлежит важное место в современных лингвистических исследованиях, что объясняется, прежде всего, его межуровневым характером: валентность находится, по словам Г. Хельбига, как бы в точке пересечения лексикологии, синтаксиса и лексической семантики⁸².

Теория валентности, одним из основателей которой принято считать Л. Теньера⁸³, разрабатывалась как зарубежными, так и отечественными лингвистами⁸⁴. Основные тенденции современной теории валентности проявляются в уровне расширении понятия валентности, включающего не только синтаксический, но и логико-семантический уровень, а также в том, что анализ в терминах валентности применим не только к глаголу, но и к другим частям речи, в том числе и к глагольным производным с залоговой семой-ретентом.

Поскольку валентность всякого слова — это «перевернутая категория смысла высказывания», причастная единому смыслу коммуникативного акта⁸⁵, рассмотрение производных с пассивной семой не должно ограничиваться их разложением на отдельные семантические элементы.

Комплексный подход к изучению частей речи выделенного здесь типа, естественно, невозможен без их анализа в предложении как основной единицы синтаксиса с учетом его организации по определенной, характеризующейся объемом и динамизмом модели, выявление которой, будучи связанным с семантикой конкретных членов, предполагает рассмотрение внутримodelьных и межmodelьных модификаций⁸⁶. Анализ не только формально-структурного но и тема-рематического принципа организации предложений, включающих в качестве своих членов различные части

речи с семей-ретентом [пассив], непосредственно относиться к аспектам функционального (актуального) синтаксиса, необходимость изучения которого убедительно показана Н. А. Слюсаревой⁸⁷.

Следующее далее рассмотрение двух частей речи — отглагольных прилагательных и наречий — строится на описанных выше приемах и методах⁸⁸.

Имя прилагательное

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАССИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Из всех частей речи наибольшее сходство с глаголами обнаруживают, как известно, прилагательные, имеющие, как и глагол, значение признака. На близость значений этих частей речи указывает, например, Дж. Лакофф, предлагая рассматривать их в качестве разновидности одной «лексической категории» — глагола¹. Предикатный характер семантики глаголов и прилагательных обуславливает особенности их значения и употребления. Вряд ли можно описать семантику и синтаксис глагола, полностью игнорируя при этом те субстанции, предметы, отношения между которыми он призван выражать, поскольку многие действия мыслятся обычно не сами по себе, изолированно от предметов, а, напротив, применительно к ним. Это относится и к прилагательному, номинативная значимость которого конкретизируется в минимальных синтагмах, образуемых им в сочетании с существительными. «Без существительного, явного или подразумеваемого, нет прилагательного», — отмечал Л. В. Щерба².

Если семантическая несамостоятельность глаголов состоит в том, что они обозначают не абстрактные действия (состояния, процессы), а действия в отношении к их объектам и/или субъектам, то семантическая несамостоятельность прилагательных обусловлена их соотносительностью с определяемым ими словом — существительным, а, следовательно, на их значение «проецируется значение носителя признака»³. Поскольку глаголы и прилагательные предполагают отнесенность к существительному, М. И. Стеблин-Каменский считал возможным говорить о производности значений «глагольности» и «прилагательности» от значений предметности⁴. Имена существительные, семантически совместимые с глагольными и адъективными лексемами, вы-

ступают в качестве конкретизаторов выражаемых ими семантических отношений. Не имея собственной денотации, глаголы и прилагательные выполняют денотативную функцию через посредство имен, с которыми образуют разного рода синтагмы. Именно поэтому глаголы и прилагательные — слова с сигнификативным (относительным) характером значения — могут рассматриваться как близкие классы слов.

Прилагательное как часть речи не является, однако, гомогенным классом слов. Качество как понятийная основа прилагательных может выражаться словами данной части речи не только непосредственно, но и опосредованно — через отношение к предмету или действию. На такую особенность прилагательных в русском языке обратили внимание Г. П. Павский, М. М. Покровский, А. А. Потехина и И. И. Мещанинов, а затем В. В. Виноградов⁵. Если анализировать прилагательные с позиций теории поля, то можно выделить в качестве его центральной части — ядра — производные прилагательные (самые «прилагательные» из прилагательных), в то время как прилагательные, выражающие качество через отношение к предмету или действию, будут относиться к его периферии. Можно предположить, что чем больше, например, «глагольности» обнаруживается в семантике прилагательного, тем дальше такие прилагательные удаляются от ядерных, тем оощутимее их связи со словами другой части речи — глагола, выступающими в качестве его исходных основ. Следовательно, наиболее близко соприкасающимися словами, относящимися к грамматико-лексическому классу глаголов и прилагательных, будут слова, связанные словообразовательными отношениями. Прежде всего именно такие прилагательные и обнаруживают способность выразить значение пассива, заимствованное у исходного глагола.

В пассивном залоге, как известно, могут употребляться двухвалентные (по меньшей мере) глаголы, включающие в свое значение релятивные (или реляционные) семы [субъект] и [объект]. Реляционное значение, присутствующее в лексической семантике глаголов, сказывается не только на характере их грамматических категорий и образуемых ими структурных типов предложений, оно предопределяет и особенности их производных. Двухвалентные глаголы с их двухпризнаковым типом семантики допускают описание называемой ими ситуации как со стороны субъекта, так и со стороны объекта, выступая в качестве источника деривации активных и пассивных прилагательных. Если значение качества присуще производным прилагательным,

тельным, то производные прилагательные включают в свою семантику и значение отношения. Следует сказать, что этот «релятивный» характер качественной семантики особенно ярко проявляется у прилагательных, образованных при помощи суффикса -able (-ible/-uble) от основ переходных глаголов «через пассив». Понятие реляционной структуры, пришедшее в лингвистику из логики, позволяет яснее увидеть сходство рассматриваемых прилагательных и глаголов. Предварительное сравнение функционирования прилагательных данного словообразовательного ряда и однокоренных глаголов в пассивном залоге свидетельствует об определенном изоморфизме их номинаций: ... class distinctions are as clearly observed, and as clearly observable, as in any other human hive (Т. Capote).

С точки зрения логики такие предложения, являющиеся высказываниями об агентивно-объектных отношениях, строятся по формуле⁶ xRy (или xPy) и должны быть отнесены к реляционным предложениям, так как указывают на отношение между аффицированным объектом и агенсом⁷. Различаются данные предложения по своим структурным схемам (моделям) как а) глагольные и б) адъективные. Способность прилагательного образовывать реляционное предложение обеспечивается в данном случае его производным характером, словообразовательными и семантическими связями с переходным глаголом. Референтное значение исходных глаголов и образованных от них прилагательных совпадает: они выражают действие⁸. Способность прилагательных представлять отношения между его аргументными сущностями как объектно-субъектные объясняется присутствием в их семантической структуре релятивных сем [субъект] и [объект]. Неизменность характера отношений, выражаемых такими прилагательными (объект — субъект, но не наоборот), объясняется присутствием в их семантической структуре семы [пассив]. Пассивное значение у глаголов сводится к выражению центростремительной направленности выражаемого ими процессуального признака и реализуется на уровне предложения. У прилагательных, образованных «через пассив», данное значение заимствуется у глагола, является семой-ретентом и выступает в виде неотъемлемого компонента их семантики, располагаясь в порядке сем ступенькой ниже от значения признака — доминирующей семы производного, относящей его к классу прилагательных. Если выражаемые глаголом действия или состояния представлены как процессы, то значение действия у производных прилагательных подводится под понятие качественного признака, который при-

нято считать семантической основой прилагательного как части речи. Поскольку такие прилагательные указывают на признак в его отношении к действию, то представляется естественным включить их в состав относительных⁹.

Выделение заимствованной у глагола семы [пассив] в семантической структуре слов другого грамматико-лексического класса — прилагательных — требует изучения особенностей выражения значения пассива отличной от глагола частью речи, наличие которых безусловно, поскольку уже сама принадлежность слов к «иной» части речи не может не отражаться на их лексико-семантических качествах¹⁰, способах соединения в них значений и смысловом объеме этих слов.

Существование трансформационных отношений между прилагательными на *-able* и пассивными конструкциями, образуемыми исходными глаголами, выявлено при анализе прилагательных на *-able* в рамках генеративно-трансформационного подхода к языку¹¹. Семантическая соотнесенность прилагательных и коррелятивных пассивных глаголов подтверждается также тем, что возможные «варианты прочтения» прилагательного, употребляющегося, например, с интенсификатором *well*, обусловлены особенностями значений *well* + *V*¹².

Поскольку семантическая корреляция словообразовательных и синтаксических структур не должна отождествляться с их взаимозаменяемостью¹³, представляется правомерным свести задачу лингвистического анализа словообразовательных отношений к тому, чтобы более точно установить характер изменений, имеющих место в исходной единице при ее преобразовании в структурную единицу другого уровня¹⁴. Наследование производными прилагательными залоговых отношений, реализуемых исходным глаголом в конкретной синтаксической структуре, сам факт ретенирования семы [пассив] вряд ли могут послужить достаточным основанием для полного отождествления прилагательного пассивного значения с пассивной формой глагола. Сравнить грамматические значения синтаксической структуры со словами гораздо сложнее, чем грамматические значения двух слов¹⁵, тем более, что к настоящему времени еще не разработана методика таких исследований, нет специальных работ, посвященных данным проблемам, хотя актуальность их изучения подчеркивалась неоднократно¹⁶.

Мысль о выражении пассива прилагательными не нова. О возможности выражения пассивного значения русскими прилагательными писал еще М. М. Покровский, пассивный

характер немецких прилагательных на *-bar* типа *brauchbar, drehbar, hörbar* отмечала М. Д. Степанова¹⁷. На пассивное значение французских отглагольных прилагательных на *-able (-ible, -uble)* указывали Ф. Брюно, Л. И. Илия¹⁸.

Рассматривая вопрос приложимости понятий «активный» и «пассивный» к некоторым английским прилагательным (например *eatable, credible*), О. Есперсен отмечал, что они образованы от глагола или связаны с ним, не уточняя, однако, характера и «степени» их связанности¹⁹. Наличие общих признаков у прилагательных на *-able* и у пассивных причастий побуждало некоторых исследователей ставить вопрос об их отнесении к классу «третьего причастия»²⁰. Предположения о возможности рассмотрений слов на *-able/-ible* в качестве своеобразных пассивных причастий высказали А. И. Смирницкий²¹, Р. Н. Инфантьева²², Н. Б. Гвишиани²³. Необходимо отметить несовпадение точек зрения лингвистов, усматривающих в связи прилагательных на *-able/-ible* с исходным глаголом а) словообразовательные и б) словоизменительные отношения. Широкое распространение прилагательных с суффиксом *-able* во французском языке послужило основанием для отведения ему в некоторых работах не только словообразовательной, но и формообразовательной функции²⁴.

По нашему мнению, группа прилагательных с пассивной семой, в том числе и образования на *-able/-ible*, требует дифференцированного подхода, поскольку в семантической структуре производных может иметь место «игра» сем, подавление залоговой семы. Важной задачей поэтому и является выявление места семы [пассив] в их иерархической структуре, а также определение степени ее влияния на валентностные характеристики производных, их сочетаемость.

Возможность выражения пассивного значения производными прилагательными обеспечивается их словообразовательными и семантическими связями с глаголами. В результате возникает необходимость рассмотрения взаимодействия семы [пассив] со значением словообразовательных суффиксов, что непосредственно связано с применением морфемного анализа.

В образовании отглагольных прилагательных с пассивным значением участвуют суффиксы *-able; -worthy; -y; -ous; -ive; -some; -ful; -less; -ile*. Квантитативно-доминирующей является группа прилагательных, оформленных суффиксом, который принято обозначать как *-able*²⁵. Именно за такими прилагательными закрепился статус пассивных. Если принять во внимание, что суффиксальная система

Таблица 2

Прилагательные с суффиксом:	Количество прилагательных	%
-able	1485	84,95
-ible	253	14,48
-uble	10	0,57
Σ	1748	100

языка является сложной структурой морфологического уровня, включающей все варианты (алломорфы) суффиксальной морфемы, и если следовать логике языковых фактов, то логично было бы, очевидно, считать -able алломорфом суффикса -ble. Данный суффикс проник в английский язык в ранненовоанглийский период с латинскими производными, где он имел, в зависимости от характера глагольной основы, фактически две формы -abilis и -ibilis. Учитывая происхождение суффикса и особенности его реализации в языке-источнике, П. М. Карашук справедливо замечает, что, возможно, правильнее было бы считать в качестве суффикса не -able, а форму -ble, как это делает, например, Г. Суит²⁶. Аналогичным образом рассматривает этот суффикс и О. Есперсен, отмечая, что, кроме -able и -ible, имеется еще форма -uble: understandable, eatable; visible, resistible; soluble²⁷.

Количественные параметры соотношения прилагательных с вариантами суффикса -ble можно представить в виде таблицы, составленной на основании анализа производных прилагательных данного типа, зафиксированных в обратном словаре²⁸ (см. табл. 2).

Значительную ясность в статус суффикса -able и его алломорфа (аллографа) -ible внесла Т. М. Беляева. Если генетически -able и -ible восходят к латинскому суффиксу -bilis, образовавшему отглагольные прилагательные, то в английский язык суффикс проник в форме -able через посредство французского. Модель с суффиксом -ible (сюда же, очевидно, следует отнести и суффикс -uble) не вошла в словообразовательную систему английского языка, а современные английские прилагательные с данным суффиксом — это заимствования из латинского языка (deductible, productible, discussible, dismissible)²⁹. В современном английском языке существует немало прилагательных, характеризующихся вариативностью суффиксов -able/-ible. Среди них, например, выделяются графические варианты (producible — produceable) и неполные синонимы (retractable — retractible, admittable — admissible). Интересной представляется попытка рассматривать исчезновение прилагательных на -ible как результат «аналогического выравнивания»³⁰. Продуктивным в современном английском

языке может считаться только суффикс *-able*, образующий прилагательные на исконной основе³¹. Следовательно, есть все основания трактовать *-able* в качестве самостоятельного суффикса, а не алломорфа суффикса *-ble*. Необходимо отметить, что все производные данной модели, зарегистрированные в последнем словаре неологизмов, оформлены суффиксом *-able*³².

В современном английском языке насчитывается целый ряд прилагательных, образованных на исконной основе и функционирующих параллельно с заимствованиями, например: *habitable — livable, divisible — dividable, explicable — explainable, perceptible — perceivable, producible (producible) — productible, soluble — solvable, extensible — extendible, irrefragable — unanswerable*. С одной стороны, заимствования являются членами ряда однотипных слов, с другой — в синхронной системе английского языка они не могут быть разложены на непосредственно составляющие их основу и суффикс, следовательно, в синхронном плане нельзя говорить об их мотивированности другой единицей, являющейся по отношению к ним исходной, мотивирующей. Иначе говоря, они не удовлетворяют параметрам, которые входят в определение производных суффиксального типа³³. В заимствованных словах, в отличие от исконных, основа не совпадает со словом в структурном плане, т. е. является не свободной, а связанной³⁴. Несмотря на неполночленность³⁵ структуры таких производных — в английском языке нет слов, совпадающих с основами *ed-* (*edible*), *leg-* (*legible*), *intellig-* (*intelligible*) и т. д., — представляется правомерным отнесение этих прилагательных к производным. Процесс образования прилагательных со свободными и связанными основами может быть описан формально как *Vtr + able → Adj* (или *Vtr + able/ible → Adj*)³⁶, поскольку идентичность суффиксов может свидетельствовать об идентичности деривации слов³⁷. Можно, очевидно, говорить о наличии соотносительности «прилагательное — глагол», даже если слова не совпадают формально, ср.: 1) *edible — eat* и 2) *discussible — discuss*. Соотносительность а) полночленных и б) неполночленных прилагательных с глаголом является, следовательно, а) формальной и семантической: *hear — hearable, justify — justifiable, oppose — opposable* и б) семантической: *see — visible, understand — intelligible, read — legible*.

С точки зрения современного английского языка существенно, однако, то, что они обозначают³⁸, а не возможность / невозможность их членности в синхронном плане. Правомерность «недифференцированного» (с точки зрения

членности и производности) подхода к двум названным структурным типам прилагательных обуславливается также наличием в семантической структуре тех и других семы [пассив]. Если пассивное значение прилагательных, членных на основу и суффикс в синхронном плане, эксплицируется при помощи употребляющегося в пассивном залоге исходного глагола, то у синхронно-нечленных прилагательных такая экспликация обеспечивается обращением к семантически соотносимому (синонимичному), близкому по значению глаголу (или прилагательному): *audible* — *that can be heard, hearable*; *intelligible* — *which can be understood* и т. д.

Прилагательные, образующие пары типа *eatable* — *edible*, совпадающие по значению [пассив], не являются, однако, абсолютными синонимами. Названные прилагательные, например, дифференцируют понятие, которое в русском языке выражается прилагательным «съедобный». Русское прилагательное оказывается семантически недифференцированным³⁹, так как означает «вкусный» и «годный в пищу», «не ядовитый». Вариативность прилагательных *eatable* и *edible* состоит также в том, что первое характеризуется оценочным значением [+] *fit to be eatable, good to eat*. Ср.: 1) *The prison food was scarcely eatable* (Hornby). 2) *Are these berries edible, or are they poisonous?* (Longman) Аналогичным образом различаются и другие пары прилагательных.

Принимая во внимание свободный / связанный характер основы производных, оформленных суффиксом *-able* (и *-ible*, *-uble*, поскольку они также функционируют в современном английском языке), и принадлежность основы к определенной части речи (включая ее субкатегории), можно выделить следующие структурно-семантические группы пассивных прилагательных, оформленных суффиксом *-able* и его вариантами:

I. Производные со свободными основами, включающие прилагательные, образованные от: 1) основ переходных глаголов (*believable, understandable, eatable*). В данную группу входят и прилагательные *creditable, walkable, livable, sleepable*, мотивированные глаголами, причисляемыми обычно к непереходным. Значения таких прилагательных принято считать активными (*creditable*) или развивающимися в сторону большей адъективизации и все дальше отходящими от характерного для них значения относительного признака⁴⁰. Неправомерность вывода об активном значении, например, прилагательного *creditable* подтверждается, в частности, его словарной дефиницией: *de-*

serving credit or esteem, praiseworthy⁴¹. Употребляющийся при глаголах walk, live, sleep в активном залоге актанта совмещает в себе функции локатива и объектива, что обеспечивает возможность его функционирования в качестве грамматического субъекта в предложении с пассивной формой этих глаголов; 2) некоторых именных основ (measurable, carriageable, magazinable, marketable, sal(e)able); 3) глагольных фраз (un-in-one-breath-utterable, come-at-able, get-at-able, un-keep-off-able)⁴².

II. Производные со связанными основами включают заимствованные прилагательные (memorable, audible, visible, edible, intelligible, legible и др.). Пассивное значение свойственно прилагательным всех перечисленных выше групп, в том числе и некоторым отыменным, что подтверждается, в частности, их словарными дефинициями: sal(e)able — that can be sold: fit for sale; marketable — readily salable⁴³.

К группе прилагательных, образованных от сочетаний глагол + послелог, Г. Марчанд относит и accountable, reliable, отмечая, что они утратили частицы for (account for) и on (rely on); в случаях типа (un)get-at-able, (un)put-downable, где они сохраняются, Г. Марчанд именует at, down инфиксами. В. Адамс приводит пример вклинивания суффикса -able между глаголом и предлогом: Nobody could ever meet anyone remotely fallable-in-love-with on the Irish mail (Evening Standard)⁴⁴. Отмечая, что суффикс -able имеет не одно, а несколько значений, она обращает внимание на отличие в значении суффикса -able при его присоединении а) к глагольным и б) именным основам: а) allowable-can be allowed; б) knowledgeable-having knowledge, companionable-fitted to be, behaving like, a companion⁴⁵. На наш взгляд, различия в семантике производных обусловлены не столько значением суффикса, сколько значением исходной основы, ее взаимодействием с суффиксом.

Что касается суффикса -able, непосредственно осуществляющего функцию «перевода» глаголов (имен) в класс прилагательных, то одной из причин той легкости, с которой он выполняет транспонирующую функцию, принято считать его совпадение с прилагательным able. Характеризующие данный суффикс и прилагательное отношения рассматриваются как отношения инверсии⁴⁶, т. е. если able сочетается с инфинитивом и фраза имеет активное значение (able to do), то семантика производного с суффиксом -able может быть сведена к перифразе able to be -ed (able to be done).

Если считать, что грамматический пассив принадлежит категории конверсивности⁴⁷, то способность осуществлять

конверсные преобразования следует отметить и у рассматриваемых прилагательных с семей [пассив].

Анализ особенностей семантики и синтаксиса анализируемых прилагательных показывает, однако, что они не «втискиваются» в прокрустово ложе чистых единиц-конверсивов. Значение далеко не всех прилагательных может быть адекватно отражено указанной выше перифразой. Нельзя игнорировать модальные, оценочные и эмоционально-усилительные компоненты в их семантике. Возникает, следовательно, необходимость рассмотрения особенностей прилагательных с точки зрения «приращения смысла», а также характера взаимодействия семы [пассив] с модальными, оценочными и другими компонентами, обнаруживающимися в их семантической структуре.

Отмечая продуктивный характер суффикса *-able*, Фаулер указывает, что этот суффикс может присоединяться к любому переходному глаголу, образуя прилагательные со значением «*able or liable, or allowed, or worthy, or requiring, or bound to be-ed*»⁴⁸. Уже из такого обобщенного представления семантики анализируемых прилагательных можно сделать вывод о синкретизме их значений, совмещающих прежде всего пассивное и варьирующиеся модальные значения. О вариативности модальных значений в семантике а) различных или б) одних и тех же прилагательных свидетельствуют присутствующие в их дефиниции модальные глаголы и их эквиваленты: а) *collectible — that can be collected; compensable — that can be compensated; divisible — capable of being divided; notifiable — that must be notified (to public health authorities);* б) *payable — that must (may) be paid.*

Сравнение описания производных прилагательных в одноязычных словарях показывает, что «нестабильность» толкования одних и тех же производных в различных словарях сводится лишь к различиям в выражении модальных оттенков, залоговый же компонент значения остается неизменным и дается во всех словарях: Ср.: *admissible — that can be allowed or considered (Hornby), worthy of being considered (Funk), capable of being considered (Webster); chargeable — that can be, is liable to be charged (Hornby); that may be or is liable to be charged (Funk).* Поэтому закономерным представляется интерпретация таких прилагательных в терминах модализованной пассивной предикативной фразы (*a modalized passive predicative phrase*) с вариативностью модальности а) возможности и необходимости (*necessity and possibility*) и б) долженствования и позволения (*obligation and permission*): *His anger is justifi-*

fiable → His anger can be justified; His anger is such that it can be justified. His assets are *unrealizable* → His assets (are such that they) cannot be realized. Вариативность модальных значений, например, а) необходимости и б) возможности у одного и того же прилагательного обусловлена контекстом: а) The bill is *payable* at any office и б) This bill is *payable* immediately⁴⁹. Способность прилагательных выражать одновременно модальные значения (варьирующиеся от контекста к контексту) и значения пассива позволяет характеризовать их как семантически емкие образования, обеспечивающие компактное выражение мысли. Ср.: а) This bill can be paid at any office и б) This bill must be paid at any office.

Кроме модального значения, в семантике производных прилагательных с семой [пассив] обнаруживаются оценочные семы, эксплицирующиеся в дефинициях глаголами и прилагательными с оценочным значением, выступающим в качестве своеобразной «основы» построения дефиниции. Например: *adorable* — worthy of adoration; *liv(e) — able* — fit to live in, worth living; *commendable* — worthy of praise; *censurable* — deserving censure.

Между оценочным значением прилагательных, производных оценочных предикатов и модальным значением необходимости и долженствования (а не возможности) принято проводить параллель. «Сказать, что «something is *valuable, preferable, commendable, deplorable, enviable, detestable, etc.*», — это значит сказать, что «it ought to be, а не it can be, valued, preferred, commended, deplored, envied, detested, etc.», — пишет Дж. Лайонз⁵⁰.

Вариативность семантики некоторых прилагательных проявляется на уровне «оценочная сема — модальная сема» при постоянной семе [пассив], причем модальность представлена семой [возможность]. Реализация модального или оценочного значений обусловлена контекстом, что может быть наглядно продемонстрировано, например, описанием в одном из толковых словарей прилагательного *noticeable*: 1. *worthy of notice*: Noticeable for the variety and harmony of its colouring; 2. *capable of being observed*: give the water noticeable, but unpleasant taste (Webster).

Нельзя не остановиться еще на одной особенности дефиниций рассматриваемых производных прилагательных: во многих случаях они включают не глагол в пассивном значении, а существительное, инфинитив или герундий, что послужило для некоторых авторов основанием для вывода об отсутствии у них пассивного значения. Так, Р. Н. Инфантьева исключает из числа пассивных производные при-

лагательные, имеющие «иную» словарную дефиницию, типа *advisable — wise, sensible to be advised; lovable — deserving love, worthy of love*⁵¹. Пассивное значение не всегда выражается грамматической формой и может обнаруживаться в семантике не только прилагательных, но и производных наречий, существительных. Известны случаи активного по форме инфинитива, который в определенных условиях контекста может реализовать пассивное значение и т. д. При этом пассивное значение не дано в непосредственном наблюдении, существительное и инфинитив реализуют значение пассива, которое не маркировано их формой, но, как и в случае с прилагательными, возможна его экспликация при помощи глагола в пассивной форме, проверкой сочетательных особенностей слова и т. д. Естественным представляется поэтому включение таких единиц в дефиницию для обобщенного представления действия, ассоциируемого с его объектом и т. д. Показательны дефиниции отдельных производных в различных словарях или в одном и том же словаре, где значение пассива представлено с разной «степенью» эксплицитности. Ср.: *adorable — worthy of adoration* (Funk); *worthy of being adored* (Webster); *criticizable — that may be criticized; subject to criticism* (Webster).

Можно говорить, следовательно, о существовании зависимости между грамматическими значениями 1) облекающимися в специальную (грамматическую) форму и 2) заимствованными производным словом, что позволяет описывать вторые через первые.

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЕМЫ [ПАССИВ] У ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Сложная семантическая структура производных прилагательных на *-able*, образующих в современном английском языке далеко не однородную группу слов, побуждала некоторых исследователей искать причины этой семантической неоднородности в особенностях их суффиксов. Р. В. Терзян, например, считает, что в современном английском языке существует два суффикса-омонима — *able*₁ и *able*₂. Первый выделяется в составе прилагательных, имеющих только адъективное значение (*formidable*), и поэтому является непродуктивным, а второй — широко продуктивный суффикс, образующий прилагательные от основ переходных глаголов⁵².

Всю сложность и неоднородность семантики производных прилагательных относит на счет образующих их от глагольных основ суффикса и С. Ульман. Он отмечает, что суффикс *-able* может иметь несколько значений, что является причиной нерасчлененности семантики производных (*creates misunderstanding, ambiguity*). Например, суффикс *-able* имеет различное значение в словах *desirable, readable* и *eatable, knowable, debatable*, что, по мнению С. Ульмана, у некоторых авторов явилось причиной ошибочного анализа прилагательных *desirable* и *knowable* как слов одного порядка⁵³.

При таком подходе к производным, на наш взгляд, игнорируется семантика исходного (мотивирующего) слова, которая во многом обуславливает значение производного слова. Поэтому определение семантики производной единицы, естественно, требует установления не только общего грамматико-лексического статуса исходной единицы деривации, но и особенностей в ее значении и употреблении, ее семантической и синтаксической валентности. Поскольку отдельные особенности семантики и синтаксиса исходной единицы деривации могут закрепляться в семантике мотивированного слова, правильное прочтение результативной единицы возможно только при тщательном анализе особенностей мотивирующего знака. Это относится и к рассматриваемым здесь пассивным прилагательным — образованиям на синтаксической основе. Залоговое значение сообщается прилагательным в результате существования между ними и исходными глаголами не только словообразовательных, но и семантических связей как между мотивирующими и мотивированными единицами. Так как отглагольное прилагательное объективирует ту или иную валентность производящего⁵⁴, для представления его значения, его семантической структуры следует восстановить окружение мотивирующего глагола, т. е. «установить предикат со всеми его дополнениями или же обстоятельствами»⁵⁵.

Для толкования значения производных типа *readable* представления процесса деривации в формальном плане типа *Vtr + able → Adj* оказывается недостаточным. Рассматривая процесс образования прилагательных данной словообразовательной модели, Дж. Лайонз отмечает, в частности, что с семантической точки зрения *readable* несколько выпадает из системы таких прилагательных, так как его толкование не укладывается в формулу «*capable of being read*», а значение словосочетания *a readable novel* может быть представлено как *a novel that one can read with pleasure or interest*. Следовательно, значение *readable*

можно скорее определить исходя из лексемы *read*, а не формулы *read + able* ⁵⁶.

Возможность употребления глагола и мотивированного им прилагательного в одном синтагматическом ряду показывает, что значение *readable* не является простым сложением значения переходного глагола *read* и суффикса *-able*, в противном случае возникла бы тавтология: *After six weeks at Driffield Court Louise had read all the readable novels that had been left behind by the summer guests (M. Dickens)*.

Уяснить семантику прилагательного *readable*, как и других аналогичных производных, можно лишь путем обращения к функционированию глагола *read* в предложении с учетом его синтаксической и семантической валентности. Глагол *read*, как известно, может функционировать как переходный и непереходный. Семантика данного непереходного глагола *read* ограничена, как правило, наречием качественной оценки; актант, занимающий позицию грамматического субъекта, представлен неодушевленным существительным, поэтому является не семантическим субъектом действия, а, скорее, представляет его объект, а глагольный признак, следовательно, характеризуется в этом контексте центростремительной направленностью. В данном случае налицо отсутствие изоморфизма между семантическим и синтаксическим уровнями при центростремительной направленности предикативного признака, что, однако, не выражено в глагольной форме и являет собой один из примеров асимметрии языкового знака. Не случайно такое «отклонение от нормы» привлекало и продолжает привлекать исследователей. Опионз, например, считает, что в таких случаях значение непереходного глагола совпадает с пассивным или возвратным ⁵⁷.

Показательны соответствия из других языков, где в аналогичных случаях используется глагольный пассив или рефлексив: *Cogn sells at a good price*, лат. *venditur* (пассив), франц. *se vend* (возвратный глагол), нем. *wird verkauft* (пассив), русск. *продается*, укр. *продається*. Предложения такого рода удачно охарактеризовал Р. А. Будагов: «Здесь материал оказывается единым, а языковые структуры разные, совсем несходные» ⁵⁸, что, несомненно, свидетельствует о наличии в английском языке системных и антисистемных явлений. О. Есперсен считает, что в конструкциях типа *The book sells well* мы имеем дело с понятийным пассивом (*notional passive*) ⁵⁹. Л. С. Бархударов усматривает в них «среднее» или «медиальное» значение формы действительного залога ⁶⁰. Очевидно, в таких пред-

ложениях переходный глагол без дополнения, чаще всего в сопровождении обстоятельства качественной оценки, выступает как грамматическая полиструктура (термин Р. А. Будагова): структуры с непереходным глаголом *read* в предложениях с подлежащими, выраженными существительными с различными субкатегориальными значениями, оказываются неравнозначными, поскольку глагол реализует различные залоговые значения. Ср.: 1) *John reads well* и 2) *The book reads well*. Грамматическая оппозиция активный (действительный) : : пассивный (страдательный) залог, представленная по-разному оформленными глаголами, в современном английском языке выявляет его системные возможности. Система языка не может, однако, выявить все его потенции, «другие возможности одной и той же единицы языка могут обнаруживаться уже с помощью другой системы (структуры) или оказаться вне всякой системы (структуры)»⁶¹.

Реализации «неактивного» значения активным по форме глаголом *read* способствует целый ряд факторов: его непереходное употребление, определяющее его наречие⁶², семантика грамматического субъекта. Сравнивая конструкции *text that reads easily* и *horse that runs fast*, З. Вендлер подчеркивал, что их правильное понимание обеспечивается осознанием одушевленного / неодушевленного характера определяемого существительного: «while it is the horse that does the running it is not the text, but the reader, that does the reading»⁶³. Если *horse* воспринимается как субъект обозначенного глаголом действия, то *text* необходимо понимать только в объектном смысле. Можно, следовательно, говорить об импликации в этом случае семантического субъекта — реального (или потенциального) исполнителя действия. Поскольку субъект присутствует только на семантическом уровне и не может эксплицироваться вследствие формальной немаркированности глагола в залоговом плане, семантическую субъектную валентность у глагола *read* в подобном случае следует охарактеризовать как неактивную⁶⁴ или потенциальную, в отличие от семантической активной (способной реализоваться в предложении) субъектной валентности, как это имеет место у глаголов с пассивно маркированной формой. Если и можно говорить о реализации глаголами семы [пассив] в предложениях: 1) *The book was read by everybody here* и 2) *The book reads well*, то следует указать на несовпадение сем в «качественном» плане (на что, естественно, указывают формы глаголов). Большую «эффективность» проявляет сема [пассив] у глагола в форме пассивного залога, по-

сколько глагол способен реализовать обе валентности — субъектную и объектную, менее эффективной является тема [пассив] у глагола во втором предложении, употребляющегося в форме активного залога, что служит своеобразным запретом реализации его субъектной (семантической) валентности.

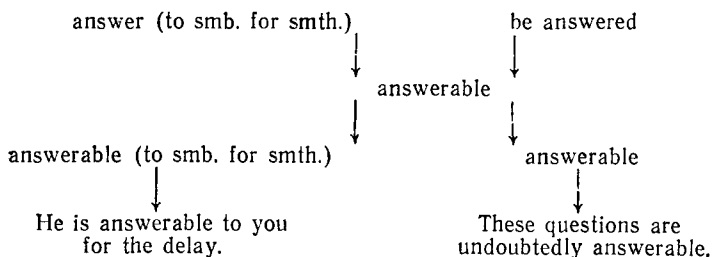
Так как в основе примеров типа *the clothes washed easily; these books are not going to sell quickly* лежит признак характеристики процесса как такового, М. А. К. Халлидей называет этот тип «ориентированным на процесс», в противоположность типу, «ориентированному на деятеля», как во фразе *the clothes were washed*⁶⁵. Уместно вспомнить, что, анализируя залоговое значение глаголов в случаях типа *ящик выдвигается, стекло не гнется, палка не сгибается*, В. В. Виноградов считал его качественно-пассивно-безобъектным на том основании, что действие здесь замыкается в самом субъекте, выражая наличие у него характеристического свойства субъекта, способности подвергаться определенному действию. При этом он отмечал, что данная разновидность пассивного значения «ярче выступает в формах настоящего времени, а также при наличии наречных качественных определений образа действия», подчеркивая, что «значения формируются не столько присоединением суффикса *-ся* к переходным глаголам известной семантической группы, сколько взаимодействием, комбинацией ряда факторов»⁶⁶. Рассматривая случаи типа *The paper cuts easily; the rock lifts easily*, У. Чейф также отмечает наличие здесь семантического сдвига у глагольных корней, которые исконно являются действиями-процессами, но при помощи деривационной единицы, именуемой автором «деактиватив», превращаются в корни, обозначающие просто процесс⁶⁷.

Свойство многих английских глаголов реализовать в различных контекстах как переходную, так и непереходную валентность проявляется и в производных от их основ прилагательных на *-able/-ible*. Если в целом можно согласиться с тем, что ключевые существительные опорных конструкций (например, *a collapsible chair, a breakable cup, a playable ground*) могут репрезентироваться тремя членами базового предложения (*the chair collapses; John broke the cup; John plays on the ground*)⁶⁸, все же необходимо заметить, что некоторые ключевые существительные опорных конструкций допускают двоякую интерпретацию в базовом предложении, т. е. могут репрезентироваться разными его членами. Следует, очевидно, конструкцию *a breakable cup* рассматривать как восходящую не к одному, а к двум

базовым предложениям, в которых глагол реализует а) переходную (*John broke the cup*) и б) непереходную (*the cup broke*) валентности.

Если у глагола залоговое значение реализуется только на уровне предложения и является эксплицитным, поскольку он употребляется в определенной морфологической форме, то у прилагательных залоговое значение — неотъемлемый компонент их семантики, характеризующий их как отдельные лексемы (единицы словаря). Залоговая оппозиция у глагола — это оппозиция его морфологических форм: *tolerate* — *be tolerated*. У прилагательных залоговая оппозиция возможна не на уровне грамматических форм слова, реализующихся в предложении, как это имеет место у глагола, а на уровне отдельных лексем, образованных от одного глагола по различным словообразовательным моделям: *tolerant* — *tolerable*, *comprehensive* — *comprehensible*. Такие прилагательные выражают активный и пассивный признаки соответственно, выступая в качестве мономотивированных глагольных производных: *She had, indeed, the decided but tolerant temperament...* (J. Galsworthy) ...on this basis his companions appeared to be *tolerable* examples of local colour and national character (T. Capote). Непасленность залогового значения характерна для прилагательных, которые образованы от основ переходных глаголов, допускающих, как правило, производство прилагательных только по одной словообразовательной модели. Такие прилагательные, как *answerable*, следует отнести к полимотивированным, а точнее — двумотивированным образованиям, характеризующимся семей [пассив] (см. схему 2):

Данное прилагательное в соответствующих условиях контекста реализует семы [актив] либо [пассив], означая соответственно 1) ответственный, несущий ответственность (*responsible to smb. for smth.*), и 2) такой, на который можно возразить или ответить (*that can be answered*),

причем первое значение прилагательное реализует только в позиции предикатива или постпозитивного определения. Ср.: 1) You are *answerable* to him for it. An *answerable* man. ...a legislative body politically *answerable* to the people (Webster). 2) Such a question is not *answerable*. An *answerable* question. ...an interrogation confined to questions supposedly *answerable* in one word (Webster).

Производные прилагательные сохраняют не только лексическую семантику исходного глагола, но и особенности его управления — to answer to smb. for smth. — answerable to smb. for smth.: The question *was answered* in no time — Such a question is not *answerable*. Прилагательное *answerable*, следовательно, фиксирует валентности обоих ЛСВ глагола *answer*, что является своеобразной основой возникновения в семантике производного нерасчлененного залогового значения. Аналогична природа и других прилагательных, двумотивированных по залогу: *accountable*, *sensible*, *opposable*, *alterable*, *damag(e)able* и др.

Привлечение отдельных фактов, относящихся к употреблению глаголов и их валентностных характеристик, понадобилось для того, чтобы лучше уяснить особенности семантики образуемых на их основе прилагательных. Что касается прилагательного *readable*, то можно сказать, что в случаях типа *the book is readable*, *a readable book* оно отсылает нас к такому глаголу *read*, который употребляется в качестве непереходного в сопровождении наречия качественной оценки. Прилагательное *readable* вбирает в себя именно это значение глагола *read*, сообщая предметному слову постоянный качественный признак. На это значение производного указывают и его словарные дефиниции: *capable of being read with pleasure or interest*, *interesting or enjoyable to read*. Сема-ретент [пассив] у прилагательного *readable* характеризуется той же «ущербностью», что и у глагола. Существительное, к которому относится прилагательное, прочитывается как (семантический) объект, его субъектная валентность, как и у глагола, остается на уровне импликации и никогда не реализуется, поэтому она может быть названа потенциальной, а предложение типа **It was readable by me* является неотмеченным. На невозможность употребления при таких прилагательных дополнений с предлогом *by*, обозначающих деятеля, указывал А. И. Смирницкий, приводя в качестве примера *readable* — **a letter readable by me*⁶⁹. Следует, однако, сказать, что у целого ряда прилагательных реализация субъектной валентности оказывается возможной: ...*a superior paramount law, unchangeable by one of the actors alone*, or it is on a

level with an act of one people... and *can be altered by one people* (W. McClure). Примечательно, что реализация субъектной валентности возможна и у прилагательного *readable*, как, например, у неологизма *machine-readable*, толкуемого как *able to be processed directly by a computer*⁷⁰. У данного прилагательного отсутствует оценочная сема, оно реализует значение *capable of being read, that can be read*. Прилагательное *readable* в этом употреблении двухвалентно, оно образовано через грамматический пассив (а не процессно-ориентированную конструкцию, как, например, *the book reads well*) и его субъектная валентность является не потенциальной, а активной: *machine-readable — which can be read by the machine*, ср. также *readable handwriting, readable inscription*.

Анализ особенностей семантической и синтаксической валентности прилагательного *readable*, реализующего качественно-оценочное значение, и его сравнение с прилагательным *readable*, лишенным оценочной семы, показывает, что «взаимодействие» сем [качественная оценка] и [пассив] сводится к преобладанию первой семы, в результате чего субъектная валентность не только остается нереализованной, но и не может быть реализованной.

Невозможность реализации субъектной валентности обнаруживается и у прилагательных типа *inexpressible, incomparable, unspeakable, unutterable*. Более того, определяемые ими имена вряд ли могут быть «прочитаны» как объекты (*unspeakable impudence, unutterable joy*), поскольку прилагательные реализуют сему [интенсивность]. Сема [пассив] у таких прилагательных является предельно ослабленной, она присутствует только на уровне словарных дефиниций: *inexpressible — too great or too strong to be expressed in words; incomparable — too great in degree to be compared with other examples*. Таким образом, есть все основания говорить о неоднородности группы прилагательных с семой [пассив], создающейся в результате «игры» присутствующих в их семантической структуре сем. Их различия можно представить с помощью введения понятия «степень эффективности семы [пассив]», проявляющейся в валентностных характеристиках прилагательных. Прилагательные с активной семантической субъектной и объектной валентностью образуют класс прилагательных с 1-й степенью эффективности семы [пассив] — [пассив¹], прилагательные с активной семантической объектной и потенциальной субъектной валентностью являются прилагательными со 2-й (меньшей) степенью эффективности семы пассив — [пассив²]; 3-я степень эффективности семы пас-

сив [пассив³] характеризует прилагательные с предельно ослабленным пассивным значением, присутствующим только на уровне словарных дефиниций.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С СЕМОЙ [ПАССИВ¹]

Наибольшая (1-я) степень эффективности семы [пассив] характерна для прилагательных, обозначающих признак, непосредственно связанный с действием (процессом), т. е. сохраняющих концептуальное значение действия (процесса). Эта группа включает прилагательные, образованные через субъектно-ориентированные конструкции (грамматический пассив) акциональных и экспериенциальных глаголов типа⁷¹: а) *apply, measure, punish, accept, capture, appoint, try, obtain, buy, purchase*; б) *see, hear, understand, distinguish, recognize, realize, conceive, recall, notice*, проявляющиеся соответственно как действия и процессы. Образованные от таких глаголов через пассив прилагательные обозначают не актуальное, а потенциальное действие (процесс)⁷², пассивную возможность совершения действия (восприятия процесса), названного исходным (однокоренным) (для полночленных прилагательных) или соотносительным (синонимичным) (для неполночленных прилагательных) глаголом. Их словарные дефиниции, соответственно, включают модальные глаголы. Синкретизм значения прилагательных обусловлен, следовательно, присутствием в их семантической структуре сем [модальность] и [пассив]: *alterable* — *that can be altered*; *applicable* — *that can be applied*; *payable* — *that can (is to) be paid*. У прилагательных этой группы наиболее ярко выступает «гибридный» характер семантики, обусловленный «сосуществованием» глагольных и адъективных признаков. Данные прилагательные наследуют синтаксические свойства сочетаемости исходных глаголов, в большинстве случаев сохраняя особенности их управления. Ср.: *pay to* → *payable to*: ...It would be a negligence for a banker to take for private account cheques *payable to taxcollectors*... (L. Hailsham); *compare (associate) with* → *comparable (associable) with*: ...he discovers in Tennyson a greatness *comparable with that of Darwin* in his field (J. Fowles). *Compare to* → *comparable to*; *attribute (apply, prefer) to* → *attributable (applicable, preferable) to*; *divide in (to)* → *divisible in (to)*.

В основе однотипных синтаксических связей глаголов и прилагательных лежат тесные словообразовательные и семантические связи⁷³. Такие прилагательные и глаголы

соотносятся как семантические категории слов с одинаковыми формами синтаксической сочетаемости, а связи слов в строе образуемых ими словосочетаний являются не только грамматически обусловленными, но и семантически ограниченными.

Особенности сочетательных способностей слов, их управления (синтаксическая валентность) принято связывать с особенностями их семантической валентности. Поскольку рассматриваемые прилагательные образованы от глаголов через пассив, естественно ориентироваться на валентность глагола в пассивном залоге. Несмотря на тождественность семантической валентности глаголов в пассивном и активном залогах⁷⁴ (в обоих случаях она обязательна), их синтаксическая валентность, как известно, не является неизменяющейся. У глаголов в пассивном залоге имеет место редуцирование синтаксической валентности: субъектная валентность, облигаторная для глаголов в активном залоге, превращается в факультативную у глаголов в пассивном залоге, в результате чего субъект называемого пассивным глаголом действия может оставаться невыраженным. В таких случаях статус предложно-именных конструкций с субъектным значением определяется как ядерность и факультативность одновременно⁷⁵. Уровневый подход к анализу предложения ограничивает понятие факультативности, сводя его к синтаксическому уровню. Следовательно, семантически облигаторный актант является синтаксически факультативным.

Как и у глаголов в пассивном залоге, у прилагательных с семой [пассив] данной группы семантическая субъектная валентность факультативна и может оставаться нереализованной. Ср.: 1) а) *Xantine was obtained from Nutritional Biochemical Corp (Biochemistry)*; б) *All the more was he flagellated by the desire for possession of that which now he half feared to be obtainable* (T. Dreiser). 2) а) *Soon nothing was seen but boys playing this game...* (S. Maugham); б) *The house was no longer visible*.

Поскольку валентность на субъект может быть выражена присоединяющимися к прилагательному синтаксически зависимыми словами, ее следует рассматривать как активную. Прилагательные, выражающие пассивную возможность совершения действия, обозначенного исходным (мотивирующим) глаголом, по меньшей мере, двухвалентны, одним из валентно-связанных (факультативных) членов является субъект, который может эксплицироваться в синтаксической структуре предложения, как и с глаголом в пассивном залоге, в виде предложного дополнения.

Ср.: His thoughts *could be detected by others* → His thoughts were *detectable by others*. He bent down and pretended to read, in case the hopelessness and puerility of his thoughts should from his expression *be detectable by others* (R. Fuller).

Возможность реализации субъектной валентности активизирует глагольное начало у прилагательного, затушевывая его качественное значение. Ср.: 1) This hat is simply *not wearable*. 2) Pork brought forth his favourite ruffled shirt, so inexpertly mended by the chambermaid as to be *unwearable by anyone* except his valet (M. Mitchell).

Необязательность выражения субъекта свидетельствует о том, что открываемая прилагательным синтаксическая позиция для замещения является не обязательной, а факультативной. Можно также сделать вывод о тождественности одной из функций пассива (очевидно, основной) у глагола и у прилагательного: обеспечить выражение действия (процесса) без указания на его агенса (или экспериментера).

Глагольные и адъективные предложения построены по различным (N_1Vf_{pass} и $N_1copAdj_{pass}^1$), но включающим одинаковое количество структурных членов моделям. Данные модели характеризуются двухкомпонентным составом, причем сказуемое в первом предложении представлено глаголом в пассивном залоге, во втором — сочетанием глагола-связки и прилагательного с пассивным значением. Необязательным оказался третий компонент модели — субъект, который может, как показано выше, получать эксплицитное выражение в предложениях, построенных по обеим моделям. Модели обоих предложений с включенными в них факультативными членами будут иметь следующий вид: $N_1Vf_{pass}(pN_2)$ и $N_1copAdj_{pass}^1(pN_2)$ ⁷⁶. Предложно-именная группа с субъектным значением может рассматриваться, следовательно, в качестве способа распространения этих моделей, а модели глагольных и адъективных предложений с факультативными компонентами — как варианты соответствующих моделей без указанных компонентов.

Глагольные и адъективные предложения, являющиеся предложениями различных структурных моделей, воплощают в себе одну семантическую модель, поскольку их предикаты устанавливают между аргументами объектно-субъектные (тождественные) отношения, что может быть представлено одной, общей для обоих структурных типов предложений, логической формулой xRy . Данная формула в обоих предложениях реализуется как отношение между аффицированным объектом и субъектом (для акциональ-

ных глаголов и образованных от них прилагательных). Что касается глагольных предложений рецепции, то их принято выделять в особую группу реляционных предложений, поскольку отношение между аргументами таких предложений может быть представлено как отношение восприятия (рецепции), а сами аргументы выступают как реципиент и объект рецепции, а не объект-пациент⁷⁷.

По нашему мнению, адъективные предложения, в которых предикатив представлен прилагательными, образованными от глаголов восприятия (через пассив), также могут быть выделены в отдельную группу. В качестве «основных» прилагательных с семой [пассив], образованных от глаголов умственного, физического и чувственного восприятия, могут быть названы следующие⁷⁸: (in)visible, hearable, audible; (in)comprehensible, inderstandable, intelligible, tolerable, bearable, sufferable, endurable, recallable. Актант, занимающий позицию семантического субъекта, обычную для адъективных предложений этой модели, — это одушевленное лицо-субъект умственного, физического, чувственного восприятия (т. е. смысловой субъект). Реципиент (субъект) восприятия («получатель» раздражения) с точки зрения его активности / инактивности принято также характеризовать как деми-пациент, в то время как предмет умственного, физического или чувственного восприятия (т. е. «отправитель» раздражения) — второй актант — как деми-агент⁷⁹.

Необходимость разграничения внутривосприимчивых адъективных 1) собственно процессуально-реляционных и 2) процессуально-реляционных предложений рецепции подсказана не только их неполной тождественностью на уровне семантики, проявляющейся, во-первых, в различии семантики прилагательных двух групп, восходящей к различию их исходных глаголов по линии действие-процесс — восприятие-процесс, и, во-вторых, в нетождественности семантики аргументов. Она обусловлена также и различиями в оформлении субъекта а) агенса и б) реципиента (деми-пациенса).

Эксплицитный агент в предложении с пассивной формой акционального глагола представлен предложной группой *by + N(pN₂)*. Аналогичным образом выражается и субъект — агент — в предложениях с предикатами — пассивными прилагательными — производными акциональных глаголов. Предлог *to* (а не *by*), вводящий субъект-реципиент, является своеобразным отражением его «инактивности». Ср.: 1) ...families of armed-service men stationed in another nation's territory... are not *triable by court-mar-*

tial in serious criminal cases (W. McClure). 2) One of his pictures... has been as *recallable* to me over the years, as, say, the lyrics of «Sweet Sue»... (J. Salinger). All this is *visible to you* by the light of an oil lamp hanging from the ceiling... (Ch. Brontë)

Поскольку у рассматриваемых пассивных прилагательных обеих групп ярко выступает значение процесса, можно предположить, что способы обозначения его субъекта, как и у глагола, не ограничиваются предложной группой, тем более что в семантическом плане указание на субъект выражаемого прилагательным процесса может рассматриваться как способ его актуализации. Нереализованность прилагательным с семой [пассив¹] субъектной валентности отнюдь не означает отсутствия у выражаемого им процесса «субъектного начала». Невыражение субъекта имеет место в целом ряде случаев, характерных и для пассивных глаголов⁸⁰.

Пассивные прилагательные, как и пассивные глаголы, легко устраняют субъект при обобщенном характере последнего. В таких случаях они указывают на потенциальную возможность совершения действия безотносительно к его субъекту, например: *Lesotho's prospects for future development are not very great. Only about one eighth of its area is cultivable...* (Europa publication) ... *Sam was like all servants, dismissable. And summonable. Summoned he was, at a surprisingly early hour the next morning* (J. Fowles).

Причины оставлять семантический субъект невыраженным естественно связывать со стилистическим регистром речи. Невыраженность субъекта, имеющая место в пассивных конструкциях научной прозы, указывает, как правило, на его обобщенно-личный характер. Коллективная манера изложения, характерная для этого регистра, создает благоприятную почву для устранения субъекта из номинации. Сказанное относится и к структурам с пассивными прилагательными с нереализованной субъектной валентностью. Обобщенный характер субъекта, имплицитруемый пассивными прилагательными, хорошо согласуется и с общим значением, сводящимся к обозначению «потенциального» процесса, и его «вневременным» характером, на что указывает «неактуальное» время глагола-связки. Например: *This form of equation is comparable with the Dirac wave equation... The scattering processes of the second order are obtainable...* (American Journal of Physics). *Compensation is not payable in respect of any improvement comprised in Part I of the First schedule to the Agricultural Holding*

Act (L. Hailsham). ...it is in principle *decidable* whether the native informant is operating with a normative rule that is itself incorrect... (J. Lyons). Реализации прилагательным «вневременного» признака в подобных случаях способствует не только абстрактное время, выражаемое глаголом-связкой, но и отчетливо выступающая в семантике прилагательного модальность необходимости, возможности, долженствования.

Если объективированный способ подачи информации в научных текстах требует удаления «I-номинаций», то в других функциональных стилях устранение субъекта может быть значимым. Особенность выбора номинации (в том числе и эксплицитной или имплицитной) для участников коммуникации является проявлением социального аспекта смысла предложения⁸¹. В социально-ориентированном общении импликация субъекта может способствовать такой интерпретации высказывания, какая необходима адресанту. Эффект «невыраженности» субъекта связывается со стремлением реальных лиц остаться неназванными, а также с созданием некоторой «зыбкости» подаваемой информации, неуверенности в ее достоверности, что удобно при подаче сомнительной информации⁸².

К конструкциям типа *it is certain, it is obvious (to whom?)*, *it is a known fact (known to whom?)*, которые используются, как отмечает Д. Болинджер, в так называемом синтаксисе воздействия (*suasive syntax*)⁸³, следует отнести и конструкции, образуемые прилагательными с семьей [пассив¹]: *it is believable, it is understandable, it is conceivable*. Возможность оставлять субъект (экспериментер) невыраженным позволяет представить личную точку зрения в «обезличенном» виде, создавая впечатление незримого присутствия неопределенного числа субъектов.

Субъект, имплицитный пассивными прилагательными, употребляющимися в художественной прозе, имеет, как правило, неопределенно-личный характер, причем можно говорить о «градациях» его неопределенности, на что указывает контекст. Варьирование степени неопределенности в значительной мере обусловлено присутствием в предложении распространителей его структурной схемы — обстоятельств места и времени, обеспечивающих «преодоление» или, по крайней мере, «сужение» степени неопределенности субъекта. Особенностью прилагательных с семьей [пассив¹] является, следовательно, не только способность реализовать субъектную валентность, но и употребляться с обстоятельствами времени и места. Имплицитный субъект процесса, выражаемого прилагательными, выступает со-

ответственно как ограниченный а) рамками времени и б) пространственными рамками: а) *In those day, at that age, such things seemed possible and permissible...* (M. Drabble); б) *From the window were visible the porter's lodge and the carriage road* (Ch. Brontë); в) *But any deaths where police maltreatment is involved are unacceptable in a democratic society...* (Morning Star) Возможны случаи ограничения имплицитного субъекта рамками пространства и времени одновременно: *A joyous stir was now audible in the hall...* (Ch. Brontë)

Агнс процесса, на основании которого создается выражаемый пассивным прилагательным признак, может быть представлен абстрактным (событийным) именем. Занимающие субъектную позицию событийные имена, как правило, выражают действия (состояния, свойства), ассоциируемые с лицом, которое может находить эксплицитное (преимущественно косвенное) выражение в том же предложении. Возможность проникновения абстрактной (событийной) лексики в позиции актантов (в том числе и субъекта при пассивном глаголе) обусловлена неогделимостью событий от людей, которые в них участвуют и которые их создают, и является характерной не только для интерсубъектных глаголов⁸⁴, но также и для образованных от них или соотносящихся с ними прилагательных: *Having felt his father's kindness and having been made vulnerable by it, the small boy had expressed his resentment...* (W. Saroyan). «I don't want one», he roared, thereby creating a big puzzle, *its depth measurable only by Seaton's inability to solve it* (A. Sillitoe)⁸⁵.

Субъектная валентность прилагательных остается нереализованной в случаях, когда агнс ясен из контекста, а точнее, предтекста. При экспликации недостающего субъекта в предтексте естественно отпадает необходимость в его повторной номинации: *I looked in vain for her. ...she was not visible* (Ch. Brontë). Субъект называемого прилагательным экспериенциального процесса может получать эксплицитное выражение в следующем за прилагательным и относящемся к нему придаточном предложении, выражающем совмещенный определительный и обстоятельственный признак: *Only his soles and heels were visible from where she sat* (J. Salinger). Следовательно, можно говорить о совмещении ролей пациенса и экспериенцера в подлежащем придаточного предложения.

Различительными признаками глаголов и прилагательных принято считать «статичность» (стативность) и «динамичность». Учитывая эту особенность двух классов слов,

можно было бы а priori констатировать, что прилагательные с семой [пассив] и мотивирующие их глаголы также соотносятся как статические и динамические группы слов. В действительности рассматриваемые прилагательные с семой [пассив¹], наследующие валентностные характеристики исходных глаголов, могут употребляться не только как статические, но и как динамические слова. Как утверждает Дж. Лайонз, различие между понятиями «качество» и «действие» («состояние»), в терминах которых принято описывать прилагательные и глаголы, менее разительно, чем различие между «действием» и «состоянием».

Черта «статичность» (стативность) относится, например, к глаголам know, understand, think, love, see, hear и другим, обозначающим состояние, на том основании, что они не употребляются в прогрессивном виде. Таким глаголам можно противопоставить прилагательные, которые в позиции предикатива могут употребляться с глаголом-связкой be в прогрессивном виде: *John is being very good now*⁸⁶. Что касается рассматриваемых здесь пассивных прилагательных, то некоторые авторы склонны «недифференцированно» приписывать им черту «статичность». Основанием для включения прилагательных на -able в класс статических является, например, по мнению Т. Гивона, то, что их исходные структуры включают can или be able to, которые относятся к статическим, а сами прилагательные не употребляются в прогрессивном виде⁸⁷. Тот факт, что прилагательные рассматриваемой группы, наследующие валентностные характеристики исходных глаголов, не могут употребляться в прогрессивном виде, не означает, однако, что они никогда не характеризуются чертой «динамичность».

Невозможность употребления некоторых глаголов в прогрессивном виде принято связывать с несовместимостью значения прогрессива с природой чувственного восприятия, которое не мыслится как нечто, требующее какого-то времени на выполнение. Классифицируя глаголы на состояния, процессы, действия и действия-процессы, У. Чейф противопоставляет экспериенциальные глаголы-состояния (*Tom liked asparagus*) и экспериенциальные глаголы-процессы (*Tom saw a snake — A snake became visible with respect to the experience of Tom*). Глагольные корни в предложениях *Tom learned the answer* и *Tom remembered the answer* автор считает производными от корней, означающих состояния: know + инхоатив → learn⁸⁸. Вряд ли можно возражать против такого пояснения семантики глагола. Однако при этом неправомерным является включение глаголов чувственного восприятия see, hear, feel в состав

данной группы, поскольку они могут проявляться, по терминологии У. Чейфа, и как состояния: *Tom saw nobody though he heard somebody whispering*. Можно, следовательно, сделать вывод, что если умственное восприятие — состояние и процесс — может быть представлено в английском языке такими различными глаголами, как, например, *know — learn*, то чувственное восприятие (а) состояние и б) процесс) может выражаться одним и тем же глаголом с необходимой актуализацией в контексте. Показательны русские эквиваленты: 1) глаголов *saw, heard и felt* а) состояний и б) процессов, различающиеся по виду: а) *видел, слышал, чувствовал* и б) *увидел, услышал, почувствовал* и 2) глаголов *learned и remembered* — *узнал, вспомнил*, соотносимые по виду с *увидел, услышал, почувствовал*.

«Не-прогрессивные» английские глаголы могут, однако, переосмысляться как «глаголы деятельности», т. е. приобретать динамический характер, как это имеет место, например, в случаях их употребления в прошедшем времени, в сочетании с модальными глаголами и т. д.: *As soon as I saw him, I knew that there was something wrong*⁸⁹.

«Статичность» (стативность), «динамичность» не только не являются константными, различительными чертами прилагательных и глаголов, но могут относиться к одним и тем же глаголам в разных контекстах. Способность «не-прогрессивных» глаголов обозначать не состояния, а, например, начало состояния, т. е. приобретать черту «динамичность», наследуют формально и семантически (или только семантически) соотносимые с ними пассивные прилагательные. Ср.: 1) *As soon as I got up I saw him hurrying in my direction*. 2) *Cooper and Reverend Tooker became visible outside gallery doors* (T. Williams).

Предложения с пассивными прилагательными-предикативами, характеризующиеся признаком «статичность», «динамичность», могут рассматриваться, следовательно, как различные фазисные реализации одной и той же модели. Ср.: *...he had a queer feeling that he was invisible* (S. Maugham). *It was, he reflected too, Ann's own fault if she had become visible* (W. Faulkner). *A pair of red briefs became visible...* (J. Fowles)

Одни и те же обстоятельства места и времени (*all night, at midnight, often* и т. д.) могут употребляться, как известно, при глаголах и прилагательных, например: *They were being noisy (making noise) at midnight*. Что касается прилагательных, образованных от переходных глаголов через пассив, то правомерность выделения в их корпусе групп

с учетом «количества» глагольного начала, процессуального признака и, соответственно, величины степени эффективности семы [пассив] подтверждается и возможностью/невозможностью их употребления с обстоятельствами времени.

Прилагательные с семой [пассив] не только наследуют субъектную и объектную валентность исходных глаголов, но и их способность сочетаться с различными обстоятельствами времени. Такие прилагательные выражают не постоянное (ингерентное) свойство лица/предмета, называемого именем, к которому они относятся, а неингерентный признак (свойство), в основе которого лежит протекающий во времени процесс. Прилагательные с семой [пассив¹], как и исходные глаголы, могут употребляться с наречиями неопределенного времени и частоты, например: The modifier factored out by the how-question is *always* «expressible as an adjective or an adverb» (D. Kastovsky). ...the ambulances had driven across the grass straight to the front door, and the tire tracks were *still visible* (T. Capote). В предложениях с такими прилагательными возможны темпоральные уточнители, указывающие на длительность выражаемого прилагательными процесса. Ср.: 1) *She had been *lovable (adorable) for some time*. 2) The thought, certainly, couldn't have been *endurable for more than a few seconds* (J. Salinger). ...a harsh discordant din from those in the rear had been *audible for some time...* (S. Fitzgerald)

К предложениям, образованным по данной модели, применима трансформация вводящего элемента: A house was visible → There was visible a house. Например: There was now visible a house or houses... (Ch. Brontë) Основным ограничением, которое накладывается на возможность данной трансформации, считается морфологическое выражение подлежащего, которое не должно быть местоимением⁹⁰. Очевидно, характер подлежащего не исчерпывает возможные ограничения, в число которых следует включить также и характер сказуемого: оно не должно быть выражено прилагательным с качественно-оценочным значением. Ср.: Jenny is an *adorable* girl → *There was *adorable* a girl.

Из двух возможных для прилагательного функций в предложении функция определения считается более соответствующей его общекатегориальному значению — выражению качественного признака. Наличие внутренней связи между значением и функцией любых языковых единиц позволяет высказать предположение, что функция прилагательных в предложении, а также то, с каким элементом ситуации связывается выражаемая ими характеристика,

есть проявлениями определенных особенностей их семантики. Качественный признак, как известно, не изменяется во времени и обычно воспринимается как неотъемлемая характеристика определяемого имени. Естественной для таких прилагательных при их атрибутивном употреблении является позиция не после, а перед определяемым именем.

Употребление прилагательных данной группы в функции препозитивного определения в корпусе зарегистрированных примеров представлено немногочисленными случаями: You must cross the *invisible border* (D. H. Lawrence). ...three intimately related but *distinguishable orders of questions* (J. Fillmore). The same new electrophoretic bands... were not *recognizable features* in the pattern... (Biochemistry)

Что касается функции постпозитивного определения, то она характерна только для прилагательных с семой [пассив¹], т. е. прилагательных с ярко выраженным процессуальным «началом», а не для всех прилагательных с суффиксом -able/-ible, как отмечал А. И. Смирницкий⁹¹. Все зарегистрированные случаи постпозитивного употребления (100%) представлены именно такими прилагательными, например: ...Nye and Church watched the questioning of Perry Smith — *a scene visible though not audible* (T. Capote). *The maximum counting rate obtainable* was about 5000 counts... (American Journal of Physics) ...*any pecuniary assistance desirable* should be to his charge (J. Fowles).

Прилагательные, употребляющиеся в постпозиции определяемого слова, не так тесно связаны с ним, как прилагательные в препозиции. Поскольку связь постпозитивного определения с существительным ближе к предикативной связи, чем связь препозитивного определения с существительным, можно в таких случаях говорить о превращении определительных отношений в предикативные. Синтаксическая независимость прилагательного в постпозиции обеспечивает ему реализацию субъектной валентности: These prominent changes, *noticeable to any casual observer*, did not affect the stars, however (A. Clark). For reasons *unfathomable to the most experienced* prophets in Maycomb County, autumn turned to winter that year (J. Lee). В постпозиции прилагательное может реализовать связи с обстоятельствами а) места: ...both were common-branch products, *obtainable anywhere in the United States*... (T. Capote). ...*a siren*... with a *face acceptable in the best clubs* (J. Fowles); б) места и времени: The best qualifications *available at the University in my life* were inferior to those open to Miss Mackay (M. Spark); в) образа действия: The American movies

so *readily available* reaffirmed rather than relieved his fear (J. Updike). В функции постпозитивного определения такие прилагательные могут употребляться в одном синтагматическом ряду с пассивным инфинитивом-определением: совпадающие по семе [пассив] прилагательное и инфинитив передают разные модальные оттенки выражаемого ими процессуального признака: In Dostoevsky there were things *believable* and *not to be believed* (E. Hemingway).

Прилагательные с семей [пассив¹] в употреблении с наречиями-интенсификаторами проявляют избирательность, свойственную прилагательным, выражающим неингерентные признаки. Например, как и всякие «неингерентные» прилагательные, они допускают интенсификацию выражаемого ими признака при помощи *well*, причем варьирование интерпретаций *well* + Adj_[pass¹] обусловлено возможными прочтениями пассивной конструкции, образуемой исходным глаголом. Например: This is a *well understandable* misconception допускает следующие прочтения: 1) This is a misconception *well able to be understood*; 2) This is a misconception *able to be well understood*; 3) This misconception can *well be understood*. This misconception can be *well understood* (*understood well*).

Ограничения, обнаруживающиеся в употреблении прилагательных с наиболее эффективной семей пассива, также восходят к исходным глаголам. Значение сочетания *well* + + прилагательные на *-able* в большинстве случаев сводится к «*well able to be V-ed*», в то время как интерпретация сочетания как «*able to be well V-ed*» связана с семантическими признаками «процесс» и «одобрение». Такое прочтение возможно с производными «непроцессных» глаголов: There is a *well discernible* difference — «*able to be well discerned*». The highest peak is *well visible* — «*able to be well seen*». С производными глаголов «процессной» семантики это возможно лишь в том случае, если прилагательное отмечено знаком [+]. Ср.: These rules are *well applicable* to the condition — **able to be well applied*. While the divergence of opinion is surprising it is nevertheless *well manageable* — *able to be well managed* ⁹².

Сохранение у прилагательных с семей [пассив¹] живой семантической связи со значением действия, обозначенного лежащим в их основе глаголом, имеющийся у них достаточный «заряд глагольности» позволяют рассматривать их в качестве семантических коррелятов, функциональное сближение которых обеспечивает их взаимозамену в тексте, базирующуюся на вариативности глагольных и адъективных номинаций: There is also the danger that undue impor-

tance may be given a variable that is *measurable*, in contrast to one that is not *measurable* — just because it *can be measured*. (International Review of Criminal Policy). ...a white cluster of grain elevators rising as gracefully as Greek temples *are visible* long before a traveler reaches them. Holcomb, too, *can be seen* from great distances (T. Capote).

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С СЕМОЙ [ПАССИВ ?]

Пассивное значение у производных прилагательных, возможность выражения которого обеспечивается их словообразовательными и семантическими связями с переходными глаголами, может реализоваться, как уже отмечалось, в разном «объеме», что связано с особенностями семантической структуры отглагольных прилагательных, местом семы [пассив] в иерархии их семантических признаков, а также ингерентным/неингерентным характером выражаемого ими признака. Решающим фактором при определении «объема» пассивного значения у прилагательных, описываемого в терминах степеней эффективности семы [пассив], оказывается их валентность.

Поскольку производные прилагательные, как было показано выше, наследуют валентность исходного глагола (количество открываемых прилагательным мест не может превышать количества мест, открываемых для заполнения исходным глаголом), можно говорить о производном характере валентности у прилагательных.

У прилагательных описанной выше группы, «копирующих» семантическую и синтаксическую валентность исходного глагола, степень эффективности семы [пассив] равна 1. Такие прилагательные, выражающие неингерентные признаки, характеризуются обязательной семантической валентностью (субъектной и объектной) и обязательной объектной и факультативной субъектной валентностью на синтаксическом уровне. Наличие в структурной схеме образуемых ими адъективных предложений факультативного члена, представленного предложно-именной группой с субъектным (агентивным) значением, т. е. компонентом, реализующим правую валентность пассивного прилагательного, обуславливает возможность вариативности в рамках структурной схемы образуемых ими реляционных предложений.

Анализ адъективных предложений, построенных по модели $N_1 \text{copAdj}_{\text{pass}}^?$, показывает, однако, невозможность их распространения за счет введения 3-го (факультативного) компонента, несмотря на то, что позицию предикатива

занимает прилагательное с семой [пассив]⁹³: I think you are *detestable* (S. Maugham). The cell is not *liveable in*. В предложениях со сказуемыми, выраженными коррелятивными глаголами в пассивном залоге, реализация субъектной валентности оказывается возможной: ...he was to be popular later as a teacher and lecturer — and even not wholly *detested by his victims* as an art critic (J. Fowles). This house is *lived in by ten people* (V. Adams). В модели предложений со сказуемым, представленным исходным глаголом в пассивном залоге, должен найти отражение и ее факультативный член: $N_1 V_{i\text{pass}}(pN_2)$. Следовательно, можно сделать вывод об уменьшении степени эффективности семы [пассив] у таких прилагательных, поскольку, в отличие от прилагательных с семой [пассив¹], они двухвалентны не на обоих уровнях, а только на семантическом: на синтаксическом уровне они могут реализовать только одну (объектную) валентность. Вторая, субъектная, валентность таких прилагательных является не активной, как у прилагательных 1-й группы, а может условно быть названа потенциальной, поскольку она практически никогда не реализуется⁹⁴. Невозможность реализации такими прилагательными субъектной валентности является, следовательно, достаточным основанием для вывода об ущербности присутствующей в их структуре семы [пассив] и рассмотрения их в качестве отдельной группы пассивных прилагательных со второй (меньшей по сравнению с эффективностью семы выделенной ранее группы) степенью эффективности семы пассив — [пассив²].

Если в рамках структурной схемы адъективных предложений с предикативом, представленным прилагательным с семой [пассив¹], возможна вариативность, обусловленная наличием в структурной схеме факультативного члена, то в рамках модели рассматриваемых предложений вариативность исключена. Адъективные предложения, предикатив которых представлен прилагательными с разной степенью эффективности семы [пассив], не только отличаются друг от друга структурными схемами (моделями). Предложения, построенные по моделям $N_1 \text{copAdj}_{i\text{pass}^1_1}(pN_2)$ и $N_1 \text{copAdj}_{\text{pass}^2_1}$, являются поверхностными реализациями разных семантических типов предложений.

Предложения с предикативом $\text{Adj}_{i\text{pass}^1_1}$, открывающим факультативную позицию для замещения, относятся к реляционным (со смысловой структурой xPy); предложения, построенные по модели $N_1 \text{copAdj}_{i\text{pass}^2_1}$, не являются «чистыми» реляционными предложениями, поскольку они не могут реализовать вторую валентность, т. е. не откры-

вают вторую позицию для замещения. В семантическом отношении их принято относить к детерминирующим, логическая формула которых $P(x)$. Наличие в семантике прилагательных семы [пассив], указывающей на их двухвалентность на семантическом уровне, препятствует, однако, их отнесению к «чистым» детерминирующим предложениям. Анализируя некоторые модели предложений немецкого языка, О. И. Москальская обращает внимание на то, что имплицитное наличие агенса обуславливает возможность их отнесения к реляционным предложениям⁹⁵. О присутствии имплицитного субъекта можно говорить и в рассматриваемых предложениях. Невозможность реализации прилагательными правосторонней валентности не означает, однако, что она отсутствует на семантическом уровне. Семантическая субъектная валентность у таких прилагательных не погашается, так как их семантические связи с глаголом сохраняются, но она является не активной, а потенциальной, поскольку не может быть реализована на синтаксическом уровне. Ее реализации препятствует ингерентный характер признака, выражаемого прилагательными.

Называемый такими прилагательными признак по исходному глаголу указывает на постоянное свойство (состояние) лица/предмета, обозначенного именем, к которому относится прилагательное, а имплицирование субъекта (источника), лежащего в основании адъективного признака действия, возможность оставлять его невыраженным обеспечиваются его обобщенным значением. Необязательность выражения дополнения при глаголе принято связывать с универсальным характером объекта⁹⁶. Понятие «универсальности» распространяется и на субъект: универсальный субъект может оставаться невыраженным⁹⁷. Например: an adorable (likeable, loveable) girl — a girl who can be adored (liked, loved). Уместен вопрос: «By whom?», на который можно ответить в самом общем виде: by anybody, everybody (generally).

Интересным в этой связи представляется исследование «прагматического эффекта» невозможности выражения субъекта в подобных атрибутивных сочетаниях, скрывающих предикацию. Фразы типа intelligible remark или acceptable excuse могут вызвать вопрос «Intelligible to whom?», но поскольку предикация в данном случае не только «вне достигаемости», но и «вне поля зрения», вопрос останется без ответа⁹⁸.

Очевидно, в данном случае можно говорить об обобщенно-личном характере имплицированного субъекта, поскольку он удовлетворяет требованиям, предъявляемым ко всякому

обобщенному предмету: 1) мыслится членом некоторого собирательного множества; 2) мыслится как один, любой, безразлично какой, член этого собирательного множества и притом без исключения⁹⁹.

Учитывая особенность семантики прилагательных с семей [пассив²], образуемые ими предложения модели $N_1 \text{copAdj}_{\text{pass}^2}$ можно отнести к реляционно-детерминирующим. Дистинктивным признаком адъективных реляционных и реляционно-детерминирующих предложений является, следовательно, факультативный член (pN_2): а) $N_1 \text{copAdj}_{\text{pass}^1}$ (pN_2) и б) $N_1 \text{copAdj}_{\text{pass}^2}$. Реляционно-детерминирующие предложения могут быть также построены по модели $N_1 \text{copAdj}_{\text{pass}^2} N$: «Perry was a likeable kid»... (Т. Сароте), где основная смысловая и коммуникативная нагрузка падает на прилагательное.

Прилагательные с семей [пассив²] представлены словами, образованными с помощью суффиксов: *-able/-ible* (detectable, lov(e)able, lik(e)able, contemptible, readable, wearable); *-worthy* (trustworthy, lovable, blameworthy, noteworthy); *-ous* (ludicrous, ridiculous, piteous); *-y* (catchy, trusty); *-ary* (imaginary); *-ory* (executory); *-ive* (applicative, appointive, assumptive, captive, derivative); *-some* (laughsome, awesome, loathsome); *-ful* (pitiful, doubtful, blameful); *-less* (dauntless, drainless); *-ile* (erectile, extensile, tractile). К рассматриваемой группе относятся также прилагательные, образованные циркумфиксальным способом: undwellable, unbriable, unamendable, которых на настоящее время зарегистрировано более семидесяти¹⁰⁰.

В основе прилагательных с семей [пассив²] лежат а) конструкции, ориентированные на деятеля, и б) конструкции, ориентированные на процесс. Ср.: а) ...Strike — breakers are despised by their workmates (Hornby). Margaret's gift was by no means despicable (S. Maugham); б) Good leather will wear well for years. «There are perfectly wearable shoes», he said (J. Updike). В данном случае в качестве мотивирующих глаголов выступают, по терминологии У. Чейфа, экспериенциальные глаголы, проявляющиеся как состояния (love, detest), акциональные глаголы (глаголы действия-процессы) adopt, assume, catch, apply, а также глаголы, подвергшиеся деривации «деактиватив» и выражающие вследствие этого не действие-процесс, а просто процесс (read, wear, eat, drink).

Для целого ряда прилагательных (adoptive, derisive, elective, extractive, imaginative, suspicious, curious, dubious, contentious, litigious, loveless) характерна нерасчлененность залогового значения ([± пассив]).

Двумотивированность прилагательных, как правило, регистрируется словарями, например: *adoptive* — 1) *adopted*; 2) *adopting*; *derisive* — 1) *showing derision*; 2) *deserving derision*. Залоговая нерасчлененность особенно характерна для прилагательных с суффиксом *-ful*. Все прилагательные, зарегистрированные в обратном словаре Ленерта, способные к реализации залогового значения, двумотивированные по залогу: *hateful*, *pitiful*, *fanciful*, *doubtful*, *blameful*. Залоговая двусмысленность разрешается контекстом: лексическое значение сочетающегося с прилагательным имени помогает прочесть его как субъект или объект: *adoptive parents* — *adoptive child*; *derisive laughter* — *derisive offer*. Реализация активного или пассивного значения у прилагательного обеспечивается субкатегориальными значениями конкретных существительных (одушевленность/неодушевленность). Пассивное значение имеют прилагательные, относящиеся к целой пропозиции. Ср.: 1) *a litigious person* — *a litigious argument*; 2) *hateful glance* — *hateful lie*. *The sight of food was hateful to the sea-sick girl* (Hornby); 3) *a pitiful girl* — *a pitiful sight*; 4) *I was rather doubtful about it when they sent it me to read, but I took a fancy to the part* (S. Maugham). *It was doubtful whether he could have answered...* (J. Forster).

Прилагательные с семой [пассив²] выражают признаки, проявляющиеся на семантическом уровне как состояния. Это относится к производным от а) неопределенных и б) предельных глаголов: а) *love* — *loveable*, *detest* — *detestable*; б) *adopt* — *adoptive*. Образованные от них прилагательные указывают, как уже отмечалось, на ингерентные, постоянные признаки лиц/предметов, обозначенных именем, с которым прилагательное связано атрибутивной или предикативной связью.

Особенность семантики прилагательных с семой [пассив²] состоит не столько в синкретизме их значений, который свойствен и прилагательным с семой [пассив¹], сколько в варьировании совмещающихся у них значений при постоянной семе [пассив²]. Анализ словарных дефиниций выявил совмещение у прилагательных семы [пассив²] с семами:

1) [модальность]: *intelligible* — *that can be understood*; *executory* — *to be performed or executed*; *extractive* — *capable of being extracted*;

2) [результативность] ([перфективность]): *adoptive* — *adopted*; *assumptive* — *taken for granted*; *captive* — *made or held prisoner*;

3) [модальность], [оценочность]: а) [модальность], [положительная оценка]: reliable — that may be relied or depended upon; lovable — deserving or inspiring love, worthy of love; б) [модальность], [отрицательная оценка]: despicable — deserving to be despised, that is to be despised; blameful, blameworthy — deserving blame;

4) [каузативность], [оценочность]: enviable — causing envy; dubious, doubtful — causing doubt; suspicious — causing suspicion.

Возможность/невозможность реализации той или иной семы (например, пассивной и каузативной), доминирование сем обусловлены семантикой существительного, к которому относится прилагательное. Событийная ориентация каузативных глаголов распространяет свое влияние и на сочетательные способности прилагательных, их «прочтение» как выражающих активное или пассивное залоговое значение. Проанализировав сочетательные особенности прилагательных с нейтральным залоговым значением, Н. Д. Арутюнова пришла к выводу о том, что соотносительные с каузативными глаголами прилагательные типа «радостный», «печальный» в сочетании с обобщающей событийной лексикой имеют активное залоговое значение: *радостное событие, происшествие, встреча* и т. д.; а в сочетании с именами лица — пассивное: *радостная мать* ¹⁰¹. Некоторые рассматриваемые прилагательные могут реализовать пассивное или каузативное значение в зависимости от контекста, как например: honourable — 1) worthy of honour or respect; 2) conferring honour or credit: Moneyland is as honorable profession (I. Shaw), honorable profession — that makes one honored, «honors» one.

Совмещение («паритет») каузативной и пассивной семы имеет место у прилагательных curious, suspicious. Определяемое имя называет объект и источник (каузатор) эмоций, чувств: ...and it's a very curious thing, I think — every roem was about fishes in some way (L. Carroll). ...a cruising car followed me as a suspicious character (J. Kerouac).

Что касается семы [оценочность] в ее двух разновидностях — [положительная оценка] и [отрицательная оценка], то ее природа оказывается различной у целого ряда прилагательных. Присутствие оценочного компонента в их семантике обусловлено 1) значением исходного (мотивирующего) глагола; 2) значением словообразовательного аффикса; 3) взаимодействием значений глагола и аффиксов; 4) семантикой имени существительного, к которому относится прилагательное; 5) семантикой всего высказывания.

К глаголам, «передающим» мотивированным ими прила-

гательным значение оценки, следует отнести, прежде всего, интерперсональные глаголы, семантическая структура которых включает компонент а) рассудочной (рациональной) и б) эмоциональной оценки: а) blame, reproach, excuse, pardon, justify, forgive, respect, rely, trust; б) like, love, enjoy, despise, pity, regret, deplore, loathe, detest. В структуре одних прилагательных оценочное значение оказывается преобладающим, у других прилагательных оно совмещается с собственно признаковым значением. Такие прилагательные оказываются компонентом двух структур — денотативной и квалификативной.

К интерперсональным глаголам примыкают глаголы словесного выражения отношения типа laugh, mock, deride, ridicule, censure, condemn, praise, criticise. Выражаемые этими глаголами чувства, эмоции связаны с определенными поступками, чертами человека. Неудивительно поэтому, что объектом квалификации таких прилагательных являются имена лиц, называющие объект эмоций; субъектно ориентированы и событийные имена, нередко совмещающие значение объекта чувств, эмоций и причину их возникновения, например: She had at first counted on assisting at the evocation with a trustworthy person, but at the last moment her friend drew back (S. Maugham). She will explain that my conduct towards you is less blameworthy than you suppose (J. Fowles).

Суффиксы и префиксы, характеризующиеся знаками [+] или [-], взаимодействуют с глагольными основами, к которым присоединяются, меняя их значение (в том числе и оценочное) на противоположное, например: inexcusable, unpardonable, unapproachable, approachless, blameless. Прилагательные, образованные при помощи суффикса -worthy, характеризующегося положительной коннотацией, сохраняют оценочное значение исходного глагола: trustworthy [+], lovable [+], blameworthy [-]. Сему [положительная оценка] суффикс -worthy сообщает прилагательным, образованным от глаголов, нейтральных в оценочном плане: noteworthy, quoteworthy.

Если оценочный компонент у рассмотренных прилагательных, мотивированных глаголами психического воздействия, эмоциональной рассудочной оценки (так называемые качественно-логические предикаты) естественно связывать с их лексической семантикой, которая включает оценочный компонент, то у глаголов, мотивирующих прилагательные типа readable, eatable, wearable, paintable, оценочное значение не является непосредственным компонентом их семантики (ср. read, eat, wear, paint), оно

приобретается в процессе их употребления с оценочными наречиями в процессно-ориентированных конструкциях: *The book reads well — The book is readable, the chicken eats well — the chicken is eatable*. Прилагательные, восходящие к таким конструкциям, заимствуют, наряду с пассивным, также их оценочное значение: *Breakfast-time came at last, and this morning the porridge was not burnt; the quality was eatable, the quantity small* (Ch. Brontë). *She had asked if he was good-looking. «No, I don't think he is», answered Margaret, «but he's very paintable»* (S. Maugham).

Поскольку вряд ли можно говорить о референтном характере субъекта, вызывает сомнение и процессуальное значение таких прилагательных. Ослабление у них глагольного «заряда» позволяет им вступать в сочинительные связи с «настоящими» прилагательными, выражающими качественный признак: *...The eternal remembrance of the vision had made life seem endurable and good* (J. Forster). *...his hands are the measure for ownership, his body is the measure for all that is lovable and desirable and strong* (J. Forster).

Нечеткость, размытость значения прилагательных как части речи и их несамостоятельность в тексте, неоднократно выделявшаяся в качестве характерной черты слов этого грамматико-лексического класса в различных языках¹⁰², свойственны и прилагательным с семой [пассив] и непосредственно связаны со степенью эффективности этой семы. В определенных условиях контекста прилагательные могут терять и приобретать семы, в результате чего происходит их «перераспределение» в семантической структуре. Выделенные подгруппы прилагательных с разной степенью эффективности семы [пассив] являются в определенном смысле условными, поскольку нельзя говорить о существовании между ними жесткой границы. Причиной зыбкости границ между группами прилагательных с семой [пассив¹] и [пассив²] является «неустойчивость» их семантики.

Процессуальная семантика отглагольных прилагательных (подведенная под понятие признака) не является препятствием развития у них качественно-оценочных значений. Так, прилагательные, сохраняющие концептуальное значение, указывающие на ограниченные во времени признаки лица/предмета и открывающие две позиции для заполнения субъектными и объектными именами, под влиянием контекста могут утрачивать процессуальный компонент (он отесняется оценочным компонентом). Субъектная валентность их из факультативной активной превращается в факультативную потенциальную, что позволяет говорить об

ослаблении степени эффективности семы [пассив]. Так, прилагательное *visible* в контексте знаков, обозначающих конкретные предметы, реализует процессуальное значение, характеризуется свойственными соотносительному глаголу ее субъектными, объектными и обстоятельственными связями. Сема [пассив] у такого прилагательного проявляет высшую — первую степень эффективности. При сочетании прилагательного с существительными абстрактной семантики значение процессуальности у него замещается оценочным значением¹⁰³. Объектом оценки в данном случае является предикат, но здесь выражается не градация качественного признака, а его количество, поэтому в данном случае можно говорить не об оценочной семе в собственном смысле («хорошо», «плохо»), а о дополнительном смысле, который можно интерпретировать как «много», «больше, чем ожидалось». Ср.: 1) *The house was no longer visible (became visible)*; 2) *She spoke with visible irritation. But there was her only too visible sorrow, which showed she was a sinner...* (J. Fowles)

Если в предложении (1) прилагательное *visible* выражает собственно процесс восприятия определенного или неопределенного лица, то в предложениях (2) оно выражает оценку признака по параметру «много», оттесняя на второй план значение процесса. Возможность объединения в одном слове нескольких значений позволяет говорить о семантическом варьировании слова, опирающемся в данном случае на формы его окружения. Аналогичное семантическое варьирование наблюдается и у других прилагательных, например: *incurable, unreachable*. Ср.: *incurable disease — incurable romantic; unreachable place — unreachable bitterness*. Если в сочетании *incurable disease* прилагательное относится к денотативному аспекту определяемого слова (*disease that cannot be cured*) и может поэтому употребляться как предикатив, то в случае *incurable romantic* оно ориентируется на сигнификат имени, усиливая характеристику лица, представленную существительным *romantic*. Можно, следовательно, говорить о развитии у таких прилагательных значения интенсификации. Прилагательные с ослабленным процессуальным значением и уменьшенной степенью эффективности семы [пассив] не могут употребляться в предикативной функции, так как они ориентированы только на сигнификат имени¹⁰⁴.

Во всякой оценочной конструкции, как известно, обнаруживаются скрытые иллокутивные силы, вводящие оценочную модальность и указание (прямое или косвенное) на субъект оценки, который может быть эксплицитным и им-

плицитным. Следует различать субъект оценки и имплицитный пассивными прилагательными семантический субъект, являющийся обобщенным. Взаимодействие эксплицитного субъекта оценки и обобщенного субъекта, имплицитного прилагательными, имеет место при наличии в высказывании глаголов пропозиционального отношения («предикатов мнения»), вводящих субъект оценки: At worst, she would find his behaviour incomprehensible... (J. Fowles). They are apt to state that a thing is so when they consider it desirable that it should be (S. Maugham).

Преобладание оценочной семы у прилагательных в некоторых случаях приводит к ослаблению их семантической связи с исходным глаголом, в результате чего наблюдается «затухание» концептуального значения. Примерами могут служить прилагательные *honorable*, *respectable*, *valuable*, *venerable* и др. Ср.: 1) «I think we shall all be honoured», he said (D. H. Lawrence). He is respected by everyone (Hornby). 2) It's what I call an honorable choice (W. Styron). The quarter was not fashionable; it was not even respectable (S. Maugham).

Если прилагательные с семой [пассив¹] сохраняют особенности управления исходного глагола, то лексикализация прилагательных с семой [пассив²] препятствует этому. Выражая постоянный (ингерентный) качественный признак, такие прилагательные не могут реализовать свойственные мотивирующим глаголам объектные и обстоятельственные связи. Ср.: *love* (*value*, *respect*) *for* → *lovable (*valuable*, *respectable*) *for*. ...by the scholar and artist he was respected and loved for his passion for knowledge... (I. Stone) → *he was respectable and lovable for his passion for knowledge.

В отличие от прилагательных с семой [пассив¹], рассматриваемые здесь прилагательные не употребляются с интенсификатором *well*, запретом служит присущая им черта «ингерентность» (или «сущность»): *This is a well intelligible explanation. *You have offered us a well acceptable alternative. Естественным для таких прилагательных является сочетание с интенсификатором *very*: I told her my son was *well liked* by all the neighbors... Dick kind of has a way with him, you know. He can be very *likable* (T. Capote). «Well, may we see Bruno?» «Bruno isn't very seeable today» (I. Murdoch).

В аспекте выявления процессуальной семантики эти прилагательные интересны тем, что категориальный признак качества, взаимодействующий с остаточным категориальным признаком процессуальности, под влиянием контекста может не только ослабевать, но и усиливаться.

Особенностью таких прилагательных является способность выражать а) постоянное и б) актуальное свойство имени. Такая нестабильность семантики сказывается и на семе [пассив], проявляющей а) меньшую и б) большую степень эффективности. Ср.: а) The stone had durability, yet it was *manageable*, resilient... (I. Stone). The visible stars were Aldebaran and Sirius (D. Bolinger); б) While the divergence of opinion is surprising it is nevertheless well *manageable* (D. Bolinger). The stars visible were Aldebaran and Sirius (D. Bolinger). Вариативность степени эффективности семы [пассив] у прилагательных обусловлена, следовательно, не только их сочетаемостными особенностями, но и позицией в предложении.

Активизация процессуального значения имеет место в случаях употребления прилагательных с обстоятельственными наречиями: But it was her eyes, wide apart., that made her immediately likable (T. Capote). Ср.: easily assimilable, immediately returnable.

Увеличение степени эффективности семы [пассив] вследствие активизации процессуального начала обеспечивается параллельным употреблением глагола и прилагательного, что «оживляет», возобновляет их семантические связи: Winifred had adored her husband... And her children adored him, little knowing the empty bitterness they were preparing for themselves when they too grew up to have husbands: husbands such as Egbert, adorable and null. (D. H. Lawrence).

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С СЕМОЙ [ПАССИВ³]

Данная группа включает производные прилагательные типа *unspeakable*, *inexpressible*, *incomparable* с минимальной эффективностью (3-я степень) семы [пассив]. Необходимость исследования семантико-синтаксических особенностей этих прилагательных в одном разделе с другими пассивными прилагательными обусловлена тем, что в их словарных дефинициях, как и в дефинициях рассмотренных ранее прилагательных, обнаруживается сема [пассив]: *unspeakable* — that may not or cannot be spoken; *incomparable* — too great in degree to be compared. Группа прилагательных с минимальной эффективностью семы [пассив] включает, в основном, производные с отрицательными префиксами, у которых значения признака, оценки и интенсификации совмещаются в разных пропорциях и которые

относятся только к прагматике. В контексте знаков, обозначающих объекты конкретного восприятия, отношения, они, однако, сохраняют свое концептуальное значение и характеризуются более высокой степенью эффективности семы [пассив] (т. е. способны реализовать значение пассива); существительные, с которыми они оказываются связанными атрибутивными или предикативными отношениями, называют семантический объект, например: *unspeakable combination of sounds*; *report incomparable with the earlier reports*. Такие прилагательные выражают признак, противоположный тому, который называют их положительные аналоги. Ср.:

conceivable — that can be conceived, understood or believed: It is conceivable that my wife missed the train, but it's very unlikely (Hornby)

thinkable — capable of being thought or conceived by the mind: concepts that are easy enough to be thinkable (Webster)

utterable — capable of being uttered: dividing all things utterable into things which are and things which are not (Ox. Dict.)

speakeable — capable of being spoken: ... the general task of transformations is to meditate between semantically interpretable deep structures and phonologically speakable sequences (Language)

comparable — that can be compared (with): There exists an equivalent DG which also assigns comparable structures to the strings (Language)

consolable — that can be consoled: He is not easily consolable for his loss. (Ox. Dict.)

inconceivable — that cannot be conceived, thought of: Without a habitat a Forsyte is inconceivable... (J. Galsworthy)

unthinkable — that cannot be thought of or conceived: ... Bentram's proposition proves to be unthinkable (Ox. Dict.)

unutterable — incapable of being uttered: sounds in the alphabet of one tongue which are unutterable by the speakers of another (OD)

unspeakable — that may not or cannot be spoken: Our job to see that a speaker does not have to contend with unspeakable collections of consonants (Webster)

incomparable — lacking in quality or characteristics that can be compared: This report is incomparable with the earlier reports because of the use of different breakdowns of data (Webster)

inconsolable — who cannot be comforted: She is inconsolable for the loss of her dog. (Longman)

Ср. также: pronounceable — unpronounceable, believable — unbelievable, expressible — inexpressible и т. д. У всех прилагательных с отрицательными префиксами налицо словообразовательные и семантические связи с глаголом. Как и исходный глагол в пассиве, они двухвалентны на семантическом уровне, на синтаксическом уровне их субъектная валентность является факультативной и может реализоваться (см. пример с unutterable). Следовательно, у этих прилагательных сема [пассив] проявляет высшую (1-ю) степень эффективности.

Принято считать, что информация, передаваемая через языковой знак, сводится к четырем типам: 1) смысловая; 2) стилистическая; 3) экспрессивная; 4) конфигуративная¹⁰⁵. Приведенные прилагательные являются экспрессивно-нейтральными словами, их содержание исчерпывается выражением смысловой информации. В отличие от положительных аналогов, прилагательные с отрицательными префиксами — полисемантические слова, представляющие собой, по крайней мере, два лексико-семантических варианта с различной валентностью. Утрачивая концептуальное значение, они могут выражать высокую степень признака, качества, например: unspeakable delight, incomparable beauty, unutterable pain, inconsolable grief. В таких случаях можно говорить о замещении у прилагательных концептуальных компонентов компонентами интенсификации. Прилагательные, способные образовывать сочетания типа incomparable structures и incomparable beauty, требуют расщепления на два значения. Общее значение таких прилагательных может быть представлено в виде дизъюнкции процессуального компонента, относящегося к его денотативному аспекту, и компонента интенсификации, относящегося к прагматическому аспекту, например: incomparable 1) that cannot be compared (as lacking in quality, etc.); 2) too great in degree to be compared.

Если, например, прилагательные с семой [пассив¹] являются синтаксическими производными в полном смысле этого слова, поскольку у них отсутствуют «приращения» смысла, то прилагательные с минимальной степенью эффективности семы [пассив] являются производными с семантическими приращениями. Такие прилагательные специализируются на выполнении функции интенсификации. К ним относятся, например, irresistible, insurmountable, irreparable, insuperable, irremediable, irrepressible, irreplaceable, irproachable, innumerable, immeasurable, irrefutable. В словарных дефинициях прилагательных-интенсификаторов, как правило, есть индикатор интенсивности, например:

irresistible — too strong, fascinating to be withstood, indescribable — too great, beautiful, bad to be described. В некоторых случаях они снабжены специальными пометами: inexpressible — that cannot be expressed in words (often as an emotional intensive).

Сема [пассив] у прилагательных данной группы подавляется вслед за семой [процессуальность]. Данные компоненты семантики вытесняются значением интенсификации, возникающим у прилагательных на базе их денотативного значения. Семантическая структура прилагательных-интенсификаторов разложима на две составляющие, соединенные каузативной связкой, что очевидно уже из их словарных дефиниций: indescribable — too complex to be described →

→ cannot be described because it is too complex; immeasurable — too great to be measured → cannot be measured because it is too great.

Основное значение у таких прилагательных сводится к выражению очень высокой степени какого-либо признака, понятие процесса выступает лишь в качестве своеобразного фона для его выражения. Пассивная сема у таких прилагательных выявляется и присутствует только на уровне их словарных дефиниций и не реализуется в тексте: существительное — объект квалификации не прочитывается как семантический объект глагола, мотивирующего прилагательное. Анализ контекстов употребления прилагательных показывает возможность их замены настоящими, «бесспорными» интенсификаторами — excessive, extreme, immense, very great: She appeared to travel at an immeasurable speed (S. Maugham) → ...at an immense speed. ...Nature ...dissolved for him in its own unsayable exactness, and ceased to exist.. (J. Updike) → → ... (very great) exactness. Обращает на себя внимание несовпадение ЛСВ прилагательных по оценочной семе. Например, интенсификатор incomparable (incomparable beauty) характеризуется ингерентной семой [положительная оценка], в то время как прилагательное incomparable, сохраняющее концептуальное значение (incomparable structures), нейтрально в оценочном плане.

У прилагательных-интенсификаторов наблюдается расширение сочетаемости. Так, immeasurable употребляется не только с существительными, называющими материальные сущности, подлежащие измерению, но и с абстрактными существительными, усиливая их параметрический признак «много». Ср.: immeasurable distance — immeasurable love (grief); unspeakable combination of sounds — unspeakable

torture (intimary, relief). Прилагательные с семой [пассив³], выполняющие функцию интенсификации и относящиеся вследствие этого к прагматическому аспекту высказывания, сочетаются, как правило, с предикатными существительными, в семантику которых входит оценочная сема, способная к усилению со стороны интенсификации. Прилагательные-интенсификаторы ориентированы, следовательно, не на денотат, а на сигнификат существительных — слов с градуированным признаком. Будучи связанными прежде всего с определяемым именем, прилагательные замыкают на нем свою семантику, поэтому их устранение из предложения не нарушает его семантической целостности: *So he lapsed away from consciousness in unutterable sick abandon of life (D. H. Lawrence) → ...in sick abandon of life.*

Атрибуты, характеризующие событийные имена, принято называть атрибутами второго порядка. Как отметила Н. Д. Арутюнова, при употреблении атрибутов второго порядка в качестве определений существительных, лишенных событийных коннотаций, происходит обогащение последних функциональным или качественным компонентом значения, поскольку прилагательные характеризуют не собственно имена, а их признаки¹⁰⁶. Например, в сочетании *this incomparable scholar* интенсификации подлежат качественные семы имени, которое поэтому не воспринимается как субститут существительного *man*. Ср. также: *Your fee is unspeakable (J. Michener). So likable as a man, so unspeakable as a politician (Webster).*

Градуирование семантики существительных, с которыми употребляются прилагательные-интенсификаторы, может идти по линии качественной оценки — «хорошо»/«плохо» или количественной — «много»/«мало». Что касается прилагательных, то у некоторых из них компонент интенсивности совмещается с оценочным компонентом (составная сема), в дефинициях таких прилагательных находим маркеры оценки и интенсивности: *incomparable — that cannot be compared, matchless, beyond comparison, unequalled*. Ср. русск. *несравненный, неподобный*. В сочетании существительного и прилагательного происходит сложение смыслов, либо, при нейтральности имени с точки зрения оценки, имеет место проецирование положительной оценки прилагательного на объект квалификации: *He felt always the furious hatred... when he compared himself with the doctor, sane and healthy, who had the inestimable privilege of life (S. Maugham). «He had pen», I smiled. «And an incredible charm» (S. Maugham). ...he and Chapin capped one another's stories of shooting expeditions where an incre-*

dible amount of whisky had been consumed (S. Maugham). Прилагательное *incredible* выражает количественную оценку, ср. также *intolerable shame* (*reproach, desire*). Оценочная сема «хорошо»/«плохо» у этих прилагательных носит адгерентный характер, ингерентной является количественная сема («много»). Количественную оценку реализуют также прилагательные *irresistible, insurmountable, insuperable, innumerable* и др., причем последнее (в отличие от *immeasurable* и *incalculable*) сочетается только с исчисляемыми существительными во множественном числе или собирательными существительными: *innumerable languages (parts), innumerable army (number)*.

Интересны синонимические связи прилагательных-интенсификаторов, формируемые как бы на двух уровнях. На первом уровне их синонимические отношения определяются семантической соотносительностью с исходными глаголами, прилагательные как бы копируют их синонимический ряд: *unspeakable, unsayable, unutterable, unpronounceable, inexpressible; unbearable, intolerable, insufferable, unendurable*. Синонимичность прилагательных, реализующих экспрессивно-оценочное значение, следует, очевидно, рассматривать как процесс синонимической аналогии (синонимической иррадиации¹⁰⁷). Обретая статус слов-интенсификаторов, способных реализовать оценочные семы, они приобретают синонимы в классе собственно прилагательных: *unutterable, unspeakable, inexpressible, awful; unutterable, unspeakable, inexpressible, wonderful; incomparable, superb, excellent; immeasurable, immense; unthinkable, unimaginable, inconceivable, impossible, absurd* и т. д. Конкретизация оценочного значения таких прилагательных-интенсификаторов находит свое выражение в возможности их функционирования в качестве члена синонимического ряда с определенным оценочным значением: *Those pigsty, filthy, unspeakable manners of his* (D. Bolinger). ...a drop of water felt with *strange, incalculable* rhythm... (D. H. Lawrence)

Синонимы таких прилагательных могут быть также представлены предложными сочетаниями, именной компонент которых совпадает с прилагательным по мотивирующей основе:

inexpressible — beyond expression; *incomparable* — past (beyond, without) compare/all comparison; *unendurable* — past (beyond) endurance.

Параллельное употребление прилагательных-интенсификаторов в тексте обеспечивает наращивание эмпазы: *It was not a woman crying that he saw, it was all the woe of humankind, it was the immeasurable, the inconsolable grief*

that is the lot of man (S. Maugham). Стилистически значимым оказывается и параллельное употребление прилагательных-интенсификаторов в однородных придаточных предложениях: However innumerable beings are, I vow to save them; however inexhaustible the passions are, I vow to extinguish them; however immeasurable the Dharmas are, I vow to master them; however incomparable the Buddha-truth is, I vow to attain it (J. Salinger).

Способность прилагательных реализовать значение пассива, что, в свою очередь, возможно при сохранении ими концептуального значения, проявляется, в частности, в актуализации субъектной валентности. Прилагательные, употребляющиеся в качестве интенсификаторов, не могут реализовать субъектную валентность, поскольку значение процессуальности у них нейтрализовано. Обращает на себя внимание предпочтительное употребление интенсификаторов в определительных синтаксических позициях. Ср.: 1) ...my mind, bent from its true obsession with what seemed at first intolerable strain, began to revert... to its more accustomed preoccupations (M. Drabble). ...the identities of visitors and visited spread round the little town with incredible rapidity (J. Fowles). 2) It was intolerable to Miss Brodie that any of her girls should grow up not largely dedicated to some vocation (M. Spark). ...suddenly even the upper part of the house became unbearable to him as he thought of Mrs. Baines moving around (G. Greene).

Залоговое различие глагольных и адъективных предложений, семантически тождественных, но различающихся тема-рематическим членением, обеспечивает их вариативность в тексте: Then she felt she would go mad, for she could not bear it. ...It was worse than depression — a black misery, when his own life was a torture to him and when his presence was unbearable to his wife (D. H. Lawrence).

Что касается «концептуально опустошенных» прилагательных, то сохраняющиеся у них словообразовательные связи с глаголом служат своего рода основой для возобновления их семантических связей. Употребление прилагательных в контексте с однокоренными или синонимичными глаголами как бы оживляет их денотативную сторону, позволяет сопоставить денотативный и коннотативный план высказывания, что сообщает выразительность повествованию: Neglect it... and *suffer* the results of your idiocy however bad and *insufferable* they may be (Ch. Brontë). ... but she had never dreamed that it could express such unutterable suffering (S. Maugham). Противопоставление в тексте может идти не только по линии глагол-сказуемое — прилага-

тельное-интенсификатор, но и по линии прилагательное-предикатив — прилагательное-интенсификатор: I was *silent*, and I guessed at his *unutterable* depression (S. Fitzgerald).

Наречие

ТИПЫ НАРЕЧИЙ С СЕМОЙ [ПАССИВ]

Наречие справедливо считается трудной частью речи для анализа, так как включает самые разнообразные группы слов. Некоторые зарубежные лингвисты объединяют в данный класс все лингвистические единицы, не удовлетворяющие определениям остальных частей речи¹. На семантическую и грамматическую неоднородность слов, традиционно причисляемых к одной части речи — наречию, справедливо указывал А. И. Смирницкий².

Обращает на себя внимание различный подход к классификации наречий у целого ряда зарубежных авторов³.

Грамматисты различных школ и направлений справедливо считают данную часть речи не только наиболее неоднородной, но и наименее изученной. Наречию отводится сравнительно немного места в большинстве не только сравнительно-исторических грамматик германских языков⁴, но и в грамматиках конкретных языков. Справедливо отмечается недостаточная изученность в семантическом, словообразовательном и функциональном планах и английских наречий⁵. Этим, на наш взгляд, и объясняется то, что способность наречия к выражению значения пассива оставалась до настоящего времени если не незамеченной, то, по крайней мере, неисследованной. Единственной работой, в которой только отмечается возможность выражения значения пассива наречиями и приводится список, включающий наречия *assuredly*, *preferably*, *undecidedly*, *undoubtedly*, *underservedly*, *unmanageably*, *unmistakably*, *unspeakably*, является диссертация Е. Бенгтссон, опубликованная более 50 лет назад⁶.

Наречия, в семантической структуре которых обнаруживается сема [пассив], так же как и прилагательные, связаны словообразовательными отношениями с переходным глаголом. Связь эта, однако, не прямая, а опосредованная. В качестве «посредника» здесь выступает отглагольное прилагательное или адъективированное причастие, т. е. наречия с залоговой семой-ретентом образуются в результате двуступенчатого словообразовательного акта, который может быть представлен следующим образом: Vtr → Adj →

→ Adv. Иначе говоря, наречия, мотивированные прилагательными, указывающими на пассивную возможность совершения действия, одновременно мотивированы и глаголами — словообразующими основами прилагательных. Поскольку подавляющее большинство прилагательных, присоединяющих наречный суффикс *-ly*, оформлено суффиксами *-able* и *-ed*, способ образования наречий формально может быть представлен следующим образом: Vtr + *able/ed* → → Adj + *ly* → Adv. Анализируемые здесь наречия являются вторичными производными, у которых оба отношения производности находят внешнее выражение: они оформляются суффиксом *-ly*, нанизывающимся на суффикс *-able/-ed*, то есть, можно говорить о единообразном орфографическом оформлении наречий с семей [пассив].

О продуктивности данного словообразовательного типа наречий свидетельствуют их количественные параметры. Возможности образования наречий от прилагательных названных словообразовательных моделей практически неограничены, причем наречие — результативное слово, как правило, наследует лексическую семантику исходного слова, что находит отражение в лексикографической практике: наречия заносятся в словарь, однако в большинстве случаев они лишь отмечаются в статье соответствующего (однокоренного, исходного) прилагательного. К таким наречиям относятся, например, *understandably*, *conceivably* (Hornby); *presumably*, *allegedly* (Random House Dict.); *admittedly*, *supposedly*, *admirably* (Webster) и др. Поскольку данные словари включают наречия в статью, посвященную исходному прилагательному, словарное толкование которого эксплицирует залоговую сему, есть основания высказать предположение о том, что эта сема должна присутствовать и в производном наречии.

Иногда все же наречиям посвящается отдельная словарная статья, они сопровождаются собственной дефиницией, включающей производные существительные или прилагательные. Например: *presumably* — *by reasonable assumption; as a ready supposition; probably* (Webster); *admittedly* — *by admission, confessedly* (Funk); *reportedly* — *according to report; reputedly; reportedly* — *by repute, in common estimation* (Webster). Если в данном случае толкование наречий и можно рассматривать как процесс последовательного сведения слов со сложными смыслами к выражениям, в которых тот же смысл выражен более эксплицитно⁷, следует констатировать, что находящаяся в их семантике залоговая сема не эксплицируется в толкованиях, о ее присутствии говорит лишь интуиция или знание

особенностей семантики существительных и прилагательных, включенных в дефиницию. Использование дефиниций этих слов может быть эффективным лишь в тех случаях, когда они эксплицируют сему [пассив], т. е. включают глагол в пассивном залоге: *unavoidable* — *that cannot be avoided* — *unavoidably*; *conceivable* — *that can be conceived or believed* — *conceivably* (Hornby); *supposable* — *capable of being supposed* — *supposably* (Webster). Следует сказать, что в толкованиях наречий встречаются также круги. Так, например, *unutterably* толкуется через *unspeakably* и наоборот (см. Oxford Dictionary).

Данные наречия, мотивированные прилагательными и глаголами одновременно, называют признак путем указания на признак в его отношении к действию. Можно, следовательно, говорить о сопряжении в таких наречиях нескольких категорий: признак признака (качества) по действию (состоянию). Выражая признак процесса, действия или состояния, наречия соотносят его с другим процессом, действием или состоянием. Двуступенчатый характер образования выделенных наречий свидетельствует об их «комплексной» мотивированности, что, естественно, ставит вопрос о необходимости установления характера связи наречия как результативного класса слов с производящими их глагольными и адъективными основами. Воссоздание акта образования⁸ подобных наречий будет способствовать их изучению как отдельного специального акта номинации. Необходимым поэтому представляется не только указать на корреляцию наречий и однокоренных глаголов и прилагательных как единиц словаря (*allege* — *alleged* — *allegedly*; *presume* — *presumable* — *presumably*), характеризующих образование наречий с формальной стороны, но и рассмотреть словообразовательные корреляции между производными и производящими в тексте, вскрывающие не только формальные, но и семантические характеристики производного. Например: 1. *Weymouth, there, or so it was generally supposed, to find a passage home. ...he and Sam had been together for four years and knew each other better than the partners in many a supposedly more intimate menage* (J. Fowles). 2. *Before the days of the telescope the only novae that were sure to be noticed were those which were very bright* (I. Asimov). *In so far as the young girls were concerned, it was even more noticeable* (T. Dreiser). *A small lump of sugar, sir, will take the flatness out of the seltzer without noticeably sweetening the drink, sir* (B. Shaw). 3. *If position alone is measured then it is a type I variable. If momentum alone is measured, then it is also a type I va-*

riable. ...The concept of a particle is almost totally dependent on what properties we assign to its position and momentum as *measurable* quantities (American Journal of Physics). They [natives] had... the look of ancient Egyptians painted on a temple wall, and there was about them the terror of what is *immeasurably* old (S. Maugham).

Приведенные группы предложений достаточно ясно показывают семантическую и функциональную (т. е. синтаксическую) неоднородность класса наречий с залоговой семой.

Как и у прилагательных, образованных через пассив, у наречий возможно выделение групп слов с учетом степени эффективности залоговой семы, обусловленной степенью «активности» их связи с исходным глаголом. Наречия связаны с глаголом через посредство прилагательных двумя видами связи: словообразовательной и семантической. Что касается определения «степени активности» связи, то это относится, как и у прилагательных, только ко второму виду связи, поскольку даже при разрушении семантических связей производного с исходным словом формальные словообразовательные связи сохраняются.

Анализ словарных дефиниций, а также анализ употребления наречий в предложении позволяет выделить группы наречий с 1-й, 2-й и 3-й степенью эффективности семы [пассив]. Залоговая сема у производных наречий, как и у всяких производных, занимает определенное место в иерархии сем, составляющих их семантическую структуру, непосредственно следуя за семой [процессуальность], поэтому она может быть эффективной, «действенной» до тех пор, пока существует семантическая связь наречия с исходным глаголом, как это имеет место в примерах (1) и (2). При нарушении этой связи, сопровождающейся утратой наречием исходного значения, его метафоризацией, подавляется и залоговая сема: это изменение семантики отражается на «эффективности» семы [пассив], что следует, например, из словарной дефиниции наречия *immeasurably*, представляющей его семантику в виде двух структур, объединенных причинно-следственной связью: *immeasurably — so great that it cannot be measured*.

Группа наречий с семой [пассив] 1-й степени эффективности ([пассив¹]) включает производные, полностью сохраняющие семантические связи с исходным глаголом, в результате чего сема [пассив] в иерархии сем, образующих семантическую структуру наречия, непосредственно подчиняется семе [процессуальность]. Доминирующим в семантике таких отглагольно-отадъективных наречий ока-

зывается процессуальная сема. Называя процесс, выступающий в предложении в качестве определителя другого процесса, наречия имплицитно агенс процесса, другими словами, они характеризуются имплицитной семантической субъектной валентностью, которая все же никогда не реализуется в предложении, поскольку наречие как часть речи предполагает «на поверхности» только один вид связи — связь с определяемой единицей. Валентность в семантическом аспекте является, следовательно, свойством наречий, как и всяких значимых единиц, иметь открытые позиции в реляционно-логическом смысле⁹. В данную группу наречий, сохраняющих концептуальные значения, могут быть включены: *allegedly, reportedly, presumably (presumedly), supposedly (supposably), believably* и др.

Наречия с семой [пассив] 2-й степени эффективности являются производными, включающими в свою семантику оценочный компонент: *noticeably, visibly, intelligibly, justifiably, adorably* и др. Их процессуальная семантика, проходящая стадию окачествления, если и не подавляется полностью семой, то все же не настолько ощутима, чтобы всегда достаточно отчетливо ассоциироваться с определенным субъектным началом¹⁰. По нашему мнению, на особенностях семантики наречий этой группы сказывается «размытость» значений, характерная для исходных прилагательных. У наречий с 3-й степенью эффективности семы [пассив] наблюдается потеря концептуального значения в результате его метафоризации. Значение процессуальности и появившееся «на почве» процессуальности значение пассива выступают лишь как своеобразные кулисы, на фоне которых развивается значение интенсивности: *immeasurably, unspeakably, inexpressibly* и т. д.

Рассмотрим подробнее группу наречий с семой [пассив] наивысшей степени эффективности.

НАРЕЧИЯ С СЕМОЙ [ПАССИВ 1]

Наречия с семой [пассив¹] включают производные глаголов пропозиционального отношения *allegedly, reportedly, admittedly, supposedly, presumably, undoubtedly, indisputably, unquestionably, conceivably, understandably, regrettably* и др., например: *...she would presumably have been set up long ago in a smart flat in Park Lane... (K. Amis) They were all, undeniably, glad that there was no «job» on today (J. Wain). The sixties had been indisputably prosperous (J. Fowles)*. Такие наречия сохраняют живую связь с исход-

ными глаголами, называющими процесс, который предполагает личный субъект. Можно, следовательно, высказать предположение о том, что широкая употребительность наречий с семей-ретентом [пассив¹] объясняется их способностью устранять субъект, «обезличивая» называемый ими процесс. С точки зрения смыслового содержания такие наречия можно рассматривать как скомпрессованные предложения с глаголом-сказуемым в пассивном залоге. Показательным является следующий набор трансформаций, иллюстрирующих их образование¹¹.

S + T that	}	Mary destroyed the evidence	→	This S be V-ed	}	That Mary destroyed the evidence was admitted	
This be V-ed		This was admitted		It is V-ed } that S		→	S V-ed-ly
This was admitted		It is V-ed } that S		It was admitted that Mary destroyed the evidence			Mary destroyed the evidence admittedly
It is V-ed } that S		It was admitted that Mary destroyed the evidence		Mary destroyed the evidence admittedly			

Подтверждением наличия семей-ретента [пассив] в семантике наречий, образованных от основ переходных глаголов через посредство прилагательных, является то, что они семантически соотносимы с предложениями с глаголом-сказуемым в пассивном залоге: The properties of xanthine... from chicken kidney are reported to be the same as those of the enzyme from liver (Biochemistry) → The properties of xanthine are reportedly the same. At least it is conceivable that she might have done it that afternoon... (J. Fowles) → She might have conceivably done it that afternoon → it can be conceived that she might have done it that afternoon.

Общим для наречий и предложений, к которым они восходят, является заключенное в них указание на отношение имплицитного субъекта к сообщаемому. Такие наречия относятся не к конкретному члену предложения, а ко всему предложению, т. е. употребляются в функции вводных слов и вносят в предложение указания на различные значения субъективного отношения автора к сообщаемому. Это следует не только из их обособленного положения в предложении, но и из выполняемой ими функции «ввода» содержания подчиненной им синтаксической (основной по смыслу (диктальной)) части предложения¹². На введение в предложение обстоятельств, относящихся ко всему предложению (sentence adverbials), типа unfortunately, willingly, carefully из главного (подчиняющего) предложения указывал Ч. Филлмор¹³.

Следует отметить, что в русской лингвистической традиции не было единого подхода к трактовке различных языковых единиц, объединяемых в группу вводных слов. Некоторые из таких слов, по мнению А. А. Шахматова, имеют значение связок, так как они вводят в состав предложения «известное представление», как например, *гыт* (говорит), *мол* (мольв). А. А. Шахматов противопоставлял связкам такие вводные слова и предложения, как *кажется, думается, разумеется, видно, знать, может быть, то есть, так сказать* и др.¹⁴ Рассматривая вводные (модальные) слова, вносящие в предложение «индивидуальную характеристику» или «эмоциональную экспрессию», И. И. Мещанинов выступал не только против выделения их в особую часть речи, как это делал, например, С. И. Абакумов, но и против объединения их в одну группу модальных слов, поскольку объединенными здесь оказывались единицы, неоднородные с формальной (морфологической) точки зрения: слова, синтаксические конструкции, целые предложения¹⁵. Рассмотрению так называемых вводных синтагм большое внимание уделял и В. В. Виноградов, отмечая их тесную связь с краткими формами имен прилагательных, например: *несомненно, бесспорно, непонятно, неоспоримо* и т. д.¹⁶

Нельзя не обратить внимания на то, что в изучении вводных слов (синтагм) многие вопросы остались неосвещенными. В. В. Виноградов отмечал, что исследование семантической структуры вводных предложений, а также особенностей их включения в предложение является проблемой, почти не затронутой русской грамматикой¹⁷.

На употребление английских наречий в функции вводных членов указывал А. И. Смирницкий¹⁸. Некоторые авторы отмечали возможность употребления в качестве вводных слов в английском языке не только наречий, но и модальных слов¹⁹. Признавая, что функция так называемого определителя предложения — одна из основных функций наречий, Т. И. Капитонова включает данную особенность наречий в их определение как части речи²⁰.

В данном случае нельзя обойти молчанием вопрос частеречной принадлежности вводных слов и сочетаний слов. В последней академической грамматике русского языка как бы вскользь отмечается, что вводные слова и сочетания слов иногда (выделено мною. — Л. М.) называют «модальными словами», хотя в грамматике модальные слова выделяются в отдельную часть речи²¹. На целесообразность выделения модальных слов в отдельную часть речи указывал В. В. Виноградов²². Класс модальных слов рас-

сма­три­ва­ет­ся как яв­ле­ние, от­ра­жа­ю­щее внут­ри­язы­ко­вой про­цесс пе­ре­ход­но­сти слов из од­но­го лек­си­ко-грам­ма­ти­че­ско­го раз­ря­да в дру­гой. Так, при­чи­на пе­ре­хода наречий ти­па *дей­ствитель­но, ко­неч­но, не­сом­нен­но, оче­вид­но* в класс мо­да­ль­ных слов со­сто­ит, по м­не­нию Б. В. Хры­чи­ко­ва, в ут­ра­те наречиями спо­соб­но­сти управ­лять при­даточ­ным пред­ло­же­нием и во вклю­че­нии его в со­став при­даточ­но­го пред­ло­же­ния, ста­но­вя­ще­го­ся про­стым²³.

Вы­де­ле­ние мо­да­ль­ных слов как от­дель­ной ча­сти ре­чи в рус­ском язы­ке ска­за­лось и на классификации, а точнее «пе­ре­рас­пре­де­ле­нии», слов по ча­стям ре­чи в отечественной ан­гли­сти­ке. О пра­во­мер­но­сти вы­де­ле­ния мо­да­ль­ных слов как от­дель­ной ча­сти ре­чи в ан­глий­ском язы­ке пи­шет Б. А. Ильиш, вклю­чая в их со­став и рас­сма­три­ва­е­мые здесь наречия *undoubtedly, presumably*²⁴. На су­ще­ство­ва­ние в ан­глий­ском язы­ке осо­бой ча­сти ре­чи — мо­да­ль­ных слов — ука­зы­ва­ют Л. С. Бар­ху­даров и Д. А. Ште­линг. Та­кие слова ха­рак­те­ри­зуют со­об­ща­е­мое с точки зрения его ве­ро­ят­но­сти, воз­мож­но­сти, свя­зи с дру­гими фак­та­ми, со­бы­тия­ми. Сле­ду­ет об­ра­тить вни­ма­ние на то, что ав­то­ры не став­ят знак ра­вен­ства ме­жду в­вод­ны­ми ч­ле­на­ми пред­ло­же­ния и мо­да­ль­ны­ми сло­ва­ми²⁵.

Об­ра­ща­ет на себя вни­ма­ние от­сут­ствие единства м­не­ний в оп­ре­де­ле­нии мо­да­ль­ных слов²⁶. По­сколь­ку осо­бен­но­сти се­ман­ти­ки и син­так­сиса мо­да­ль­ных слов не по­зво­ля­ют от­не­сти их ни к зна­ме­на­тель­ным, ни к служеб­ным сло­вам, пред­ла­га­ет­ся, на­при­мер, рас­сма­три­вать мо­да­ль­ные слова в ка­че­стве ча­сти ре­чи, рас­по­ла­га­ю­щей­ся на пе­ри­фе­рии зна­ме­на­тель­но­сти/служеб­но­сти²⁷. Если уч­есть, что вы­де­ля­е­мые в от­дель­ную ча­сть ре­чи слова вы­ра­жа­ют от­тен­ки значе­ний, при­су­щие гла­голь­ной ка­те­го­рии на­кло­не­ния, то вряд ли можно счит­ать не­об­хо­ди­мым рас­сма­три­вать их как от­дель­ную ча­сть ре­чи, в про­тив­ном слу­чае, е­с­те­ствен­но, может вст­ать во­прос о вы­де­ле­нии та­кой ча­сти ре­чи, как вре­мен­ные слова, ви­до­вые слова и т. д. Не­льзя по­это­му не со­гласить­ся с тем, что слова на *-ly*, ха­рак­те­ри­зую­щие пред­ло­же­ние или од­ин из его ч­ле­нов с точки зрения мо­да­ль­но­сти, вы­пол­ня­ют функ­ции, свой­ствен­ные наречию как ча­сти ре­чи²⁸.

Вряд ли можно настаивать на вы­де­ле­нии мо­да­ль­ных слов как от­дель­ной ча­сти ре­чи лишь на том ос­но­ва­нии, что они редко от­но­сят­ся к ч­ле­ну пред­ло­же­ния и ча­сто — ко всему пред­ло­же­нию, в то время как наречия, на­об­о­рот, ча­сто от­но­сят­ся к ч­ле­ну пред­ло­же­ния и редко — к пред­ло­же­нию²⁹.

А. А. Шахматов, отмечая широту функционального диапазона наречий, выделял определяющие, дополняющие и сопутствующие наречия (традиционные модальные слова), подчеркивая при этом невозможность указания на формальные различия между этими тремя видами обстоятельств³⁰ и соответственно — наречий. О необходимости выделения во французском языке в пределах наречия группы наречий времени, места, модальных наречий (а не модальных слов как отдельной части речи) говорит В. Е. Щетинкин³¹.

С одной стороны, правомерность выделения в современном английском языке особой части речи — модальных слов вызывает сомнение, а с другой — представляется правомерным относить анализируемые здесь двумотивированные слова на -ly, характеризующиеся двумя степенями производности и полифункциональностью (см. об этом ниже), к одному (единому) грамматико-лексическому классу слов — наречию. На существование вводных слов (модификаторов предложения) в английском языке указывали многие зарубежные авторы, представители как традиционного направления, так и трансформационной грамматики. В работах большинства английских и американских лингвистов такие наречия обозначаются как *sentence adverbs*.

Нельзя не отметить, что разница в трактовке указанных наречий традиционалистами и структуралистами сводится лишь к терминологии. В специальных исследованиях, посвященных выделенному классу наречий, основное внимание уделяется изучению их интонации и занимаемой в предложении позиции³². Надо сказать, что в отечественных исследованиях на материале английского языка, посвященных анализу модальных слов или наречий, рассматриваемые здесь наречия либо вовсе не упоминаются³³, либо отмечается, что они *стоят обособленно*³⁴. Включив в группу модальных наречий образования *admittedly*, *presumably*, *supposedly*, *undoubtedly*, С. В. Беликов не связывает особенности их значения и употребления с присутствием в их семантической структуре семы [пассив]³⁵.

На наш взгляд, «поверхностное» изучение наречий и модальных слов в традиционной грамматике объясняется объективными причинами. Традиционная грамматика с ее основным интересом к формальной организации языковых единиц и упрощенным пониманием взаимосвязи формальных и содержательных аспектов³⁶ вряд ли могла дать анализ подобных образований с учетом взаимодействия их семантики и функционирования, их роли в создании речевых актов. Традиционный синтаксический анализ, ориенти-

рующийся на члены предложения, не мог показать, например, полисубъектность предложений с подобными образованиями. Нельзя поэтому не согласиться с Г. А. Золотовой, что «материалов для изучения полисубъектных отношений в структуре предложения не накоплено, круг оценочных слов и условия включения их в те или другие модели предложений еще ждут внимания исследователей»³⁷.

Рассмотрение особенностей семантики наречий — вводных слов — представляется перспективным с позиций современной лингвистики с ее широким семантическим рассмотрением языковых фактов и с ее интересом не только к предложению как единице языка, но и непосредственно к процессу речи, к высказыванию как актуализованному предложению. Исследование смысловой организации предложения-высказывания предполагает анализ общих принципов его семантического устройства, обусловленного не только характером коммуникативного акта, фиксируемого предложением, но и количеством его участников и способом их представления.

Обязательным элементом всякой описываемой в языке ситуации является лицо, воспринимающее конкретное событие, действие, состояние: мысль предполагает субъект, она не может быть представлена изолированно от него³⁸. Кроме непосредственного указания на говорящего/пишущего, в высказывании содержатся также элементы, выражающие его отношение к сообщаемому, которые, по терминологии Ш. Балли, образуют модусную часть высказывания, определяемую как коррелятивная операция, производимая мыслящим субъектом и противопоставляемая другой, диктальной, части высказывания (диктуму, т. е. объективному элементу предложения, собственно сообщению). Ш. Балли считал модус главной частью предложения, поскольку именно в нем находит отражение активное участие субъекта в выражении мысли. Модусная часть высказывания, фиксирующая отношение говорящего/пишущего к описываемым событиям и собственной речевой деятельности, образуется, как указывал Ш. Балли, путем сочетания модального глагола (желать, думать, верить и т. д.) и модального субъекта. Можно, следовательно, утверждать, что смысл конкретных предложений-высказываний в значительной степени обусловлен особенностями сочетания значений его двух различных смысловых элементов — диктального (диктума) и модусного (модуса)³⁹ или пропозиции и модальной рамки⁴⁰. В данном случае, естественно, возникает вопрос: всегда ли модусная часть высказывания состоит из двух компонентов — субъекта

и предиката? Оказывается, что модус не всегда должен быть представлен двумя членами⁴¹, он может быть сведен к своему второму компоненту, передающему отношение не эксплицитного, как в двухкомпонентном модусе, а имплицитного субъекта к сообщаемому, поскольку субъект отношения не представлен эксплицитно в структуре предложения. Ср.: (1) *I regret to say that he did not deserve that appellation* (J. Fowles). (2) *His travels abroad had regrettably rubbed away some of that patina of profound humourlessness* (J. Fowles).

Другой особенностью модусной части высказывания является то, что говорящий может быть одновременно и субъектом модуса, субъект модуса может быть, однако, представлен и другим лицом — определенным или неопределенным⁴². Такая возможность «отделения» субъекта модуса от автора высказывания и включения субъекта модуса в обобщенный субъект с последующим «уведением» его в импликацию обеспечивается в английском языке употреблением глагола модуса в пассивном залоге. Основная функция пассива — построение безагентивных предложений — реализуется и здесь, при создании «безагентивных» частей предложений — модусов высказывания. Ср.: 1) *We report here that, 1,3-di-terbutylsilenzofuran reacts more rapidly... to give easily isolable rendoperoxide...* (Biochemistry) 2) *Recently it has been reported that binding sites can be brought into solution by treatment with high salt concentrations* (Cell Membrane Receptors for Drugs). Аналогичную функцию могут выполнять и однокоренные наречия с семей-ретентом [пассив]: *Until how it had seemed foolishly natural for Clayton to offer him a job. Reportedly he had asked Vim Blackwood to jump for a publicity job...* (J. Updike) При общей тенденции к невыражению субъекта в конструкциях с пассивной формой глагола следует указать и на возможность его выражения: *We have reported here experimental results on the distribution of the potential in plasma... Simulations of double layers with two plasma sources were previously reported by Singh* (Plasma Physics). *Randall had refused to have anything to do with the invitation and was reported by a giggling Nancy Bowshott as saying that he had no desire to be patronized...* (W. Faulkner)

Если устранение субъекта модуса, низведение его в импликацию при выражении модусной части конструкцией с глаголом достигается употреблением последнего в пассивном залоге, то при выражении модуса наречием импликация субъекта процесса, называемого его основой, обеспечивается присутствием в его семантике семей-ретента [пас-

сив]. Относящееся ко всему предложению наречие не только обеспечивает импликацию субъекта — источника представляемой в предложении информации, но и устраняет всякую возможность его выражения.

Если переходный глагол в активном залоге характеризуется обязательной семантической и синтаксической субъектной валентностью, а тот же глагол в пассивном залоге — обязательной семантической и факультативной синтаксической субъектной валентностью, то для наречий с семейством [пассив¹] (1-й степени эффективности) субъектная валентность является обязательной только на семантическом уровне, на синтаксическом уровне она не является даже факультативной, так как никогда не реализуется, другими словами, у наречий — это нулевая синтаксическая валентность. Следовательно, одна из основных функций пассива — обеспечивать построение бессубъектных (безагентивных) предложений — особенно ярко выступает у наречий, содержащих в своей семантической структуре сему [пассив] и являющихся скомпрессованным предикатным выражением⁴³.

В данном случае можно, очевидно, говорить о существующем противоречии: в высказывании с эксплицитным модусом его обязательным компонентом является не слово, указывающее на субъект, без которого сама мысль невозможна, а слово, непосредственно выражающее мысль — отношение имплицитного субъекта к содержанию высказывания, заключенного в его диктальной части. Иначе говоря, воспринимающее лицо как обязательный элемент ситуации в предложении может не только получать эксплицитное выражение (прямое или косвенное), но и оставаться не выраженным, а имплицитным, подразумеваемым. Можно говорить, следовательно, о различной степени полноты модусной части высказывания: 1) развернутый модус: 1) *I presume that you mean that this commital of the life issue of inferior beings...shall be made voluntarily* (D. H. Lawrence); 2) развернутый некомплектный модус: *...his wife would be presumed to wire in on to him* (E. Hemingway); 3) свернутый модус: *Presumably the homonymy of these words in English and other languages is not an accident...* (J. Haiman)

В качестве модусной части высказывания могут выступать наречия с эмоционально-оценочным значением типа *fortunately, luckily* и т. д. Эти наречия включаются в предложение в виде «однословного» модуса, как и рассматриваемые наречия с залоговой семой, однако данный вид модуса нельзя считать свернутым. Можно говорить лишь о

его некомплектности, что объясняется опущением субъектно-предикатной части I tell (you). Такие наречия, в отличие от наречий с залоговой семой, имплицитируют только один вид субъекта — определенно-личный. Правомерно, поэтому, усматривать в них «остатки» перформативов, указывающих на иллокутивную силу высказывания. Наречия с залоговой семой, в зависимости от их лексической семантики, могут имплицитировать как личный, так и неопределенно- и обобщенно-личный субъект. Взаимодействием присутствующей в семантике наречий залоговой семы с их лексическим значением достигается вариативность количества «субъектных начал» в конкретном предложении, доли участия в нем автора высказывания. Такие наречия следует отнести к удачно названным Г. А. Золотовой способам авторизации сообщения. Автор справедливо обращает внимание на существование в русском языке системы синтаксических средств выражения источника знания, которые ждут своего изучения⁴⁴. Аналогичную мысль высказал ранее Э. Сепир, подчеркивая необходимость исследования способов выражения как источника знания, так и характера знания: *из личного опыта, с чужих слов* и т. д.⁴⁵ Среди различных способов авторизации сообщения выделяется «обезличенный» вариант. Устранение названия лица обеспечивается конструкциями с пассивной формой глагола, образованными от них прилагательными и анализируемыми здесь наречиями с пассивным значением.

Как уже отмечалось, в конструкциях с пассивной формой глагола возможно выражение субъекта, в то время как наречие преподносит субъектное восприятие в обезличенном виде. Из этого следует, что сфера «субъективного» в коммуникации создается не только страдательным залогом (наряду с другими грамматическими средствами)⁴⁶, но и целым рядом производных переходных глаголов с семой-регентом [пассив], в том числе и наречиями. Например, выступающее в качестве модусного слова наречие *allegedly* употребляется в тех случаях, когда говорящий и субъект модуса — разные лица, причем последний никогда не бывает представлен эксплицитно. В данном случае употребление в качестве модуса слова, не могущего реализовать субъектную семантическую валентность, указывает на неопределенное (в большинстве случаев обобщенное) значение субъекта. Наречие *allegedly* выражает отношение говорящего к высказыванию как к чужому, оно показывает, что говорящий (пишущий) не является автором сообщения, он как бы не уверен в его истинности, поэтому и отказывается нести ответственность за содержание высказывания.

Например: The actress's mother died, allegedly of drink (I. Murdoch). The practice allegedly overcame a variety of evils (H. Lee). Неопределенный обобщенно-личный субъект, имплицитный наречием *allegedly*, и автор сообщения — разные лица. Показательно, что русскими эквивалентами этого наречия являются частицы *будто бы*, *якобы*, а также неопределенно-личная конструкция *как утверждают*. Ср.: He *allegedly* lost consciousness. Он *будто бы* (как утверждают) потерял сознание. Еще Н. Н. Дурново отмечал, что такие частицы, как *словно*, *как будто*, *дескать*, *де*, указывают на отношение говорящего к высказыванию как к чужому⁴⁷. Поэтому данное наречие следует относить к средствам, используемым, как удачно сказал У. Вайнрайх, для нейтрализации утвердительности предложений. В качестве примеров нейтрализации утвердительности, «мотивированной» указанием на неуверенность говорящего в истинности сообщения или его отказ нести ответственность за сообщаемое, У. Вайнрайх приводит случай употребления конъюнктива вместо индикатива в немецком языке.

Ср. 1) Er ist krank — Он болен и 2) Er sei krank — Он (якобы, по слухам, по его словам) болен⁴⁸.

Аналогична точка зрения О. И. Москальской, отмечающей возможность передачи как прямого, так и косвенного высказывания в рамках простого повествовательного предложения: Paul ist klug и Paul gilt als klug⁴⁹. Сюда следует также отнести пересказывательное наклонение в болгарском языке⁵⁰.

Специальные морфологические средства для обозначения «передаваемых» событий, т. е. событий, не воспринимаемых говорящим в данный момент, а известных ему на основании свидетельства других лиц, имеются и в ряде других языков⁵¹.

Отношение говорящего/пишущего (т. е. автора высказывания) к сообщению, содержащемуся в диктальной части высказывания, как не его собственному, не принадлежащему ему, а полученному из чужих рук, выражается также наречием *reportedly*. В отличие от *allegedly*, *reportedly* указывает на более нейтральное отношение автора к характеристике источника сообщения, а также к самому сообщению относительно его достоверности: *Reportedly he had asked Bim Blackwood to jump Harcourt for a publicity job at Carson Chemical (J. Updike)*. В таких случаях можно говорить о «новом субъектном начале» в предложении, вынесенном за скобки⁵².

Образование наречий, имплицитных неопределенно-личных или обобщенно-личных субъектов, не совпадающих

с прагматическим субъектом — автором сообщения, именно от этих глаголов, очевидно, не случайно. Можно привести множество примеров, когда в предложении наблюдается совпадение субъекта авторизации в форме 1-го лица и говорящего/пишущего. Например: *Я считаю, что я прав. Я считаю его добрым. I consider him reliable. Ср.: He is considered reliable.* Такие предложения соотносятся как моно- и дву- или полисубъектные. Ср. также: 1) **I allege he did it. *I report he did it* и 2) *He is alleged (reported) to have done it. It is alleged (reported) that he did it. Allegedly (reportedly) he did it.*

По нашему мнению, «предпочтительное» употребление глаголов в пассивном залоге и образованных через пассив наречий обусловлено особенностями лексической семантики исходных глаголов. Уместно вспомнить в связи с этим замечание Дж. Остина относительно возможности употребления отдельных глаголов в качестве перформативных. Так, если глагол *report*, например, может образовывать перформативные и констативные высказывания, употребляясь соответственно как с 1-м лицом, так и с другими лицами, то *insinuate* может образовывать только констативные высказывания (ср. **I insinuate...*)⁵³ Аналогичный вывод можно, очевидно, сделать и относительно глагола *allege*. Отношения между наречием как безличным способом авторизации сообщения и содержанием самого высказывания соотносимы с отношениями между словами автора и прямой речью конкретного лица. Вариативность субъектных начал личных, неопределенно/обобщенно-личных, а также способов репрезентации субъекта авторизации (эксплицитный/имплицитный) обеспечивается вариативностью активных и пассивных сем в конструкциях авторизации и валентностей слов, образующих их: (1) *he reports* — (2) *it is reported by him* — (3) *it is reported* — (4) *reportedly*: (1) *Marsuda reported that the purine... activities in chicken liver increase on increasing the casein content of the diet (Biochemistry).* (2) *...offering no better explanation of all the amazing circumstances, as reported by Smillie, than that he had not intended to kill her (T. Dreiser) (as reported by Smillie → → as it is reported by Smillie).* (3) *Recently it has been reported that binding sites can be brought into solution by treatment with high salt concentration (R. Straub).* (4) *The distinction, which is reportedly made overt in some languages, can be seen in sentences 1 and 2 (J. Fillmore).*

Наречия *allegedly, reportedly* выступают в качестве включающих предикативных единиц, взаимодействие которых с включенной предикативной единицей состоит в ука-

зании на нового субъекта. Предложения с вводными словами-наречиями с залоговой семой, в отличие от вводных наречий без залоговой семы (ср. *unfortunately*), являются не только полипредикативными, но и полисубъектными. Можно говорить, очевидно, о том, что дву- (поли-) субъектность предполагает полипредикативность (не обязательно эксплицитную), но не наоборот. Кроме этого, предложения с подобными наречиями и без них соотносятся как косвенные (опосредованные) и прямые (неопосредованные) высказывания, хотя по своей структурной организации и те и другие являются простыми. Ср.: (1) *This practice allegedly overcame a variety of evils* (T. Lee). (2) *This practice overcame a variety of evils*. Означаемими предложений типа (1) являются два высказывания: 1) *The practice overcame a variety of evils*. 2) *It is alleged by X*. Для адекватного описания таких предложений необходимо ввести понятие пресуппозиции. Опосредованный характер высказывания объясняется присутствием в нем наречия *allegedly*, имплицитного неопределенно-личного субъекта, что и является прагматической пресуппозицией, т. е. если синтагматическая структура таких предложений включает только одно лицо, то в прагматической пресуппозиции обнаруживаются, по крайней мере, два лица.

Наречия *allegedly*, *reportedly* обеспечивают компрессию модуса, сводя его ко второму компоненту, выражающему отношение автора высказывания к сообщаемому как к чужому, не принадлежащему ему и оставляющему открытым вопрос о согласии или несогласии автора с сообщаемым. Поскольку эти наречия обеспечивают совмещение в структуре простого предложения двух говорящих, формальная запись предложений с наречиями и без них не может быть сведена к логико-семантической модели xPy . Для экспликации косвенного характера таких высказываний целесообразно ввести оператор *Indir*, отсутствие которого равнозначно оператору *Dir*. Ср.: (1) *They have allegedly signed a secret treaty* — $DefxP_{Indir}Py$ ⁵⁴.

Поскольку передаваемое в предложении отношение говорящего/пишущего к действительности постулируется в лингвистике в качестве основного признака модальности, естественно возникает вопрос: следует ли отождествлять косвенность с модальностью? Можно ли рассматривать наречия *allegedly*, *reportedly* как обладающие модальным значением?

Модальность принято рассматривать как категорию, составляющую самую сущность коммуникативного процесса, присущую языку в действии, т. е. речи⁵⁵, что проявляется

в вариативности способов выражения отношения говорящего/пишущего к действительности, выражаемого в предложении. Большинство авторов считают необходимым выделять в лингвистике объективную и субъективную модальность⁵⁶. Дискуссионность проблемы модальности сводится не столько к различению-неразличению объективной и субъективной модальности, сколько к определению частных значений субъективной модальности. Понимание модальности как всякого отношения содержания предложения к действительности предполагает рассмотрение любого субъективного отношения говорящего к содержанию предложения как выражающего модальность⁵⁷.

Так, например, в последней академической грамматике русского языка модальность, в том числе и субъективная, трактуется очень широко. В круг субъективно-модальных значений, понимаемых как все (любые) значения, в которых заключено отношение говорящего к тому, о чем он сообщает, включаются разнообразно оценочно-характеризующие и собственно оценочные значения, а также и указание на отношение к высказыванию как к чужому⁵⁸. В кругу вводных элементов некоторые авторы противопоставляют единицы с так называемым модально-характеризующим значением, посредством которых говорящий сообщает эмоциональную оценку сообщаемым фактам, указывает на оценку чужой речи, подчеркивает экспрессивный характер сообщаемого и т. д., и единицы с собственно-модальным значением, выражающие уверенность/неуверенность говорящего в передаваемом содержании⁵⁹. У зарубежных лингвистов отсутствует четкое определение модальности. В понятие модальности Дж. Лайонз, например, включает разнообразные способы грамматического выражения «отношения» говорящего к содержанию высказывания⁶⁰. Авторы, не связывающие модальность с выражением оценки предмета мысли/речи, исходящей от пишущего/говорящего, считают, что сущность этой категории сводится к выражению реальности/ирреальности высказывания⁶¹.

Правомерной представляется трактовка модальности как языковой категории, указывающей на характер отражаемых в содержании предложения объективных связей (объективная модальность) и на степень достоверности содержания того же предложения с точки зрения говорящего (субъективная модальность)⁶². При таком понимании субъективной модальности средства формирования и выражения субъективно-модальных значений должны ограничиваться языковыми единицами, передающими исходящую от

субъекта мысли оценку степени соответствия содержания его мысли отражаемой в ней действительности, т. е. она сводится, фактически, к выражению степени достоверности знания человеком объективных связей.

Что касается наречий *allegedly, reportedly*, то передаваемое ими указание на степень достоверности сообщаемого является, очевидно, производным от их основного значения — выражения косвенного характера высказывания. Косвенность как таковая вряд ли может быть включена в круг собственно-модальных значений⁶³. Содержащееся в таких предложениях указание говорящего на то, что высказывание принадлежит другому лицу, свидетельствует также и о том, что говорящий тем самым уклоняется от ответственности за его достоверность; наречие, следовательно, может рассматриваться как косвенный индикатор присутствующего в высказывании элемента сомнения относительно его реальности⁶⁴.

Лексическая семантика наречий с пассивной семой свидетельствует о необходимости включить в круг модальных наречий, кроме *allegedly* и *reportedly*, наречия *supposedly, presumably, admittedly, conceivably, believably, unquestionably, unmistakably, indubitably, undoubtedly, indisputably, undeniably, unarguably*.

Поскольку выражаемая этими наречиями модальность (действительность, возможность, вероятность) наслаивается на модальность собственно сообщения (диктальной части высказывания), правомерным представляется определить такие наречия, как квазипредикаты. Модальность (т. е. утверждение действительности, необходимости, возможности, желательности и т. п.) как квазипредикат сопровождает предикат предложения — высказывания⁶⁵. Квазипредикатами являются как наречия с залоговой семой, так и исходные глаголы речи и мышления, от которых они образованы, представляющие развернутый (комплектный и некомплектный) и свернутый модус, так как они не образуют предикаты сами по себе, а сопровождают предикат конкретного предложения. Ср.: *I report. It is reported. Reportedly. I don't doubt. It cannot be doubted. Undoubtedly...undoubtedly there was an Airedale concerned in it somewhere...* (S. Fitzgerald)

Будучи несамостоятельными в семантическом плане, в синтаксическом плане, однако, они являются «главными», выступая в качестве подчиняющих предикатов (предложений). Указывая на господствующую синтаксическую позицию типа *несомненно, что.., сомнительно, чтобы...* и т. д., В. В. Виноградов отмечал, что независимость таких

предложений, выполнение ими главной роли должны пониматься в формально-синтаксическом плане ⁶⁶.

Обращает на себя внимание несовпадение модального значения пропозиции, подчиненной различным наречиям ⁶⁷. Предложение *They were well paid for their services* характеризуется модальностью утверждения. Посмотрим, как изменится его модальность в зависимости от семантики подчиняющего наречия.

1. а) *Presumably* they were well paid for their services... (J. Fowles).
- б) *Allegedly* they were well paid for their services.
- в) *Undoubtedly* they were well paid for their services.
2. а) *Regrettably* they were well paid for their services.
- б) They were well paid for their services, *understandably*.
- в) *Incredibly* they were well paid for their services.

Характер модальности зависимой предикации обусловлен характером «квазипредиката» матричного (включающего) предложения ⁶⁸. Наречия, образованные от глаголов типа *regret*, *predict*, имплицируют истинность подчиненной им предикации, зависимая предикация представляется в виде реального факта, т. е. данная предикация характеризуется, по терминологии А. Адамца, фактографической модальностью ⁶⁹. Подчиняющие предикаты такого рода называют фактивными.

Наречия, образованные от глаголов речи и мышления (*allege*, *report*, *presume*, *suppose* и т. д.), в отличие от рассмотренных выше, могут быть отнесены, как и исходные глаголы, к нефактивным предикатам ⁷⁰, так как они имплицируют не истинность подчиненной им предикации, а определенную степень вероятности (*a probably truth-value*). Зависимая предикация представляется не как реальный, а как потенциальный факт. Используя термин А. Адамца, можно сказать, что она характеризуется идеографической модальностью.

В данном исследовании наречий нас интересует, в первую очередь, не характер их модальности, а особенности, обусловленные присутствием в их семантической структуре залоговой семы. Разделение наречий на две группы с учетом характера модального значения зависимой от них предикации непосредственно связано с характером и количеством имплицируемых наречием субъектов, что, в свою очередь, обусловлено их лексической семантикой, а также присутствием в их семантике семы-ретента [пассив].

Рассматриваемые модальные наречия выражают исходящее от субъекта оценки указание на различную степень достоверности того, что сообщается в предложении. Выра-

жение оценки и указание на имплицуемого субъекта оценки обеспечивается «сосуществованием» лексического и грамматического (имплицитного) внутри одной единицы — наречия. Можно говорить о варьировании роли семы [пассив] в семантике наречий и о варьировании вследствие этого роли субъектных начал в высказывании⁷¹. Если значение субъективного отношения автора к сообщаемому, вносимое в предложение наречиями *allegedly* и *reportedly*, сводится, прежде всего, к соотносению сообщения с подразумеваемым источником информации, а собственно модальное значение является производным, сопровождающим их лексическое значение, то наречия *presumably*, *conceivably*, *supposedly*, *admittedly*, *undoubtedly*, *unquestionably*, *unavoidably*, *undisputably*, *unmistakably*, *unarguably* выражают, прежде всего, субъективную оценку сообщаемого автором высказывания с точки зрения его достоверности. Особенность этих наречий состоит в том, что содержащаяся в их семантике залоговая сема обеспечивает импликацию неопределенно-личного или обобщенно-личного субъекта, к которому присоединяется и сам автор сообщения. Другими словами, такие наречия имплицуруют первое и третье лицо, объединяя тем самым автора с другими лицами. Грамматический субъект может быть, следовательно, представлен как «говорящий/пишущий (я) + другое лицо/другие лица (он, они)». Перевешивание роли авторского «я» или третьего лица, «количество» авторского «я» и третьего лица в выражаемой наречием оценке достоверности сообщения может варьироваться в зависимости от контекста.

Противоположным *allegedly* в этом плане является наречие *undoubtedly*, указывающее на уверенность говорящего в истинности сообщения. Если в предложениях с *allegedly* автор всего высказывания и субъект модусной части высказывания — разные лица, то в предложениях с *undoubtedly* наречие имплицурует неопределенно-личный субъект, к которому присоединяется и автор всего высказывания, субъект модусной части как бы усложняется: *undoubtedly — it cannot be doubted by anybody, myself included*.

Наречия, передающие большую степень уверенности, образованы от глаголов пропозиционального отношения, выражающих сомнение, через посредство прилагательных, образованных от последних циркумфиксальным способом. Префиксы *in-*, *in-*, имеющие отрицательное значение, взаимодействуют с лексической семантикой основы, включающей сему отрицания. Присоединение отрицательного префикса меняет содержание основы на обратное: двойное

отрицание сводится к утверждению. Ср.: *dispute — indisputable — indisputably; avoid — unavoidable — unavoidably; doubt — undoubted — undoubtedly; mistake — unmistakable — unmistakably* и т. д.

Субъектом выражаемой оценки достоверности содержания предложения не обязательно является автор повествования, им может быть и персонаж. Такие наречия вместе с подчиненной им предикацией могут рассматриваться как вклинивающиеся в авторский текст части несобственно-прямой речи: *He remembered he had forgotten to ask about the dog; but presumably she would have thought of it* (J. Fowles). *Towards evening Mr. Pinford went on deck. There was no sign of land, nor of the Spanish ship which had brought the officials and, presumably, was lying off somewhere below the horizon* (E. Waugg).

Если лексическая семантика исходного предиката позиционального отношения указывает на степень уверенности, то залоговая сема дает возможность устранить субъект оценки. К модальной оценке высказывания, исходящей от персонажа, может присоединиться и сам автор: *Presumably they were well paid for their services, both literally and figuratively* (J. Fowles). Использование наречия, имплицитующего конкретный субъект — персонаж, дает возможность соединять в одном высказывании прямую и несобственно-прямую речь (речь имплицитующего наречием персонажа): «*That's what the Captain says*», said a new voice, the ship's surgeon *presumably* (E. Waugh) → «*That's what the Captain says*» — said a new voice, *Pinfold presumed* that it belonged to the ship's surgeon.

В данном случае можно говорить о многоплановости текста, обусловленной его расслоением на авторскую речь, относящуюся непосредственно к данной обстановке, и вкраплением «чужой» речи, предполагающей другие «опосредованные контекстом ситуации». Нельзя не согласиться с тем, что прямое или косвенное воспроизведение чужой речи всегда предполагает наличие вводящих слов, уточняющих опосредованную обстановку⁷². В данном случае в качестве таких «вводящих слов» выступают наречия.

Употребление рассматриваемых наречий с залоговой семой в разной степени характерно для всех функциональных стилей речи. Обращая внимание на разную степень очевидности проявления модальности в разных типах текстов, И. Р. Гальперин противопоставляет поэтические тексты, в которых большая роль отводится субъективно-оценочной характеристике предмета мысли, научным текстам, типичные качества которых (бесстрастность, логичность, аргу-

ментированность) не оставляют, по его мнению, места субъективно-оценочной модальности, которая поэтому может быть определена как нулевая. «Правда,— продолжает автор,— сомнение в правильности своих постулатов — неотъемлемое качество подлинно научного подхода к объекту наблюдения и исследования — тоже может рассматриваться как одно из проявлений модальности. Но, к сожалению, авторы научных работ редко выражают вербально свое отношение к собственным выводам»⁷³.

Если при употреблении наречий с пассивнойемой в художественной прозе можно говорить о вариативности субъектов оценок, имплицитруемых наречиями в зависимости от контекста, так же, как и «доли» участия автора высказывания и «других лиц», имплицитруемых наречиями, то при их употреблении в научных текстах, отличающихся аргументированностью и логичностью изложения, вряд ли можно говорить о вариативности имплицитруемых субъективных начал. Скорее речь может идти о равных долях участия «я» и «они», имплицитруемых наречием. В данном случае, очевидно, имеет место совпадение мнения говорящего с мнением третьих лиц, в употреблении таких наречий следует, думается, усматривать рефлекс «пассива скромности», столь характерного для научной прозы. Имплицитруя первое и третье лицо, такие наречия как бы объединяют имплицитруемого автора с другими лицами (также подразумеваемыми), усиливая тем самым эффект достоверности: *Admittedly, there are many verbs that can function now as performatives ...* (L. Vendler) *Admittedly* имплицитрует обобщенный субъект, указывая на определенное мнение. *It is admitted* → *everybody admits* → *I admit too*; *undoubtedly* → *it cannot be doubted, nobody doubts, I don't doubt either*.

Примечательно, что в подтверждение своей мысли о близости наречий к вводным предложениям Г. Шурверг трансформирует *undoubtedly* в пассивное предложение, естественно предполагающее обобщенно-личный субъект, включающий и автора: *There will be undoubtedly similar revisions later* → *There will be — this cannot be doubted — similar revisions later*⁷⁴. Автор сообщения (в данном случае научной статьи), т. е. прагматический субъект и имплицитруемый обобщенный субъект, образуют единое целое. Выражаемая автором оценка сообщаемого (уверенность) основывается на мнении всех членов определенного коллектива (социума). Употребляющиеся в научном стиле речи наречия *admittedly, allegedly, supposedly* могут рассматри-

ваться как указание на авторское согласие с определенным общепринятым мнением, своеобразную уступку ему.

Исследователи языка научной литературы выделяют в качестве ее специфической черты, диаметрально противоположной специфике, например, разговорно-бытовой речи, употребление безличных или неопределенно-личных конструкций как средства выражения обобщенности. Сопоставляя синтаксические конструкции с подлежащим, выраженным местоимением в научной литературе XIX века, и их аналогами в современной научной литературе, Н. М. Разинкина обращает внимание на употребление пассивного залога вместо активного с целью «скрытия» «я» автора в случаях типа: I studied the report — the report was studied; I found it difficult — it was found difficult и т. д., а также широкое употребление вместо вставок типа I believe в современной научной литературе конструкции Nominative with the Infinitive: 1) The pictures, *I believe*, may be taken on the whole for what they purport to be. 2) The pictures *are believed* to be identical images of real process⁷⁵. Необходимо отметить, что употребление грамматического пассива вместо актива — не единственный способ «освободить» изложение научных фактов от личности ученого. В данном случае следует указать на наречия с семой [пассив], которые могут рассматриваться как «преемники» конструкций с местоимением I, употребляющихся для введения того или иного положения, аргументации. На смену конструкциям типа I must admit that, I may suppose that (ср. также I don't doubt that...) пришли не только глаголы в пассивном залоге, но и наречия с пассивной семой, устраняющие субъект: The interpretation of energy quantization of cavity modes is *admittedly* controversial (American Journal of Physics). Сравним также: ...this restriction to times between measurements is *presumably* common knowledge... (American Journal of Physics). Although *presumably* well recognized, the idealization ... does not seem to us to be sufficiently emphasized. ...a time reversal could *conceivably* invert the apparent order of these events (American Journal of Physics). Можно предположить, что имплицитруемый наречием субъект объединяет а) автора, б) читателя и в) ученых, работающих в конкретной области исследования. Включаемая наречиями *presumably*, *conceivably*, *supposedly* сема гипотетической модальности свидетельствует о недостаточности объективных данных по определенной проблеме у субъекта речи.

Вряд ли можно поэтому согласиться с тем, что наречия типа *supposedly* (модальные слова, по терминологии

Б. Б. Шувалова) в группе вводных модальных слов располагаются обособленно, поскольку они не выражают ни отношения высказывания к действительности, ни отношения к самому высказыванию⁷⁶. У таких наречий особый статус по сравнению с другими модальными словами, но создается он именно присутствием в их семантической структуре залоговой семы. Наречия как способ выражения модально-оценочного значения, а также средство «скрытия» авторского «я», употребляются параллельно с местоимением *one* и пассивным залогом для обозначения неопределенного лица. В функционировании подобных наречий в научной литературе проявляется общая тенденция к «безличной» манере изложения, которой принадлежит большое значение в формировании языковых особенностей стиля научной прозы.

Различие лексической семантики модальных наречий с залоговой семой состоит в том, что они приписывают определенную степень вероятности (от сомнения до уверенности) связанной с ними и зависимой от них предикации. На важность для стилистики изучения модальных значений, передающих различные отношения говорящего к сообщаемому (усиленное утверждение, сомнение и т. д.), указывает И. В. Арнольд⁷⁷. Из этого следует, что наречия с залоговой семой, выражающие значение субъективной модальности, также заслуживают самого пристального внимания при толковании предложения и текста. Наречия *allegedly, reportedly, supposedly* и т. д. и *undoubtedly, indubitably, unarguably* и т. д. можно рассматривать как образующие группы слов, передающих сомнение (проблематическая достоверность) и уверенность (категорическая достоверность). Выражаемая наречиями градация степеней достоверности (более сильная/более слабая) позволяет расположить их на модальной шкале степеней достоверности. На одном полюсе окажутся наречия *allegedly, reportedly*, указывающие на косвенный характер высказывания с исходящим отсюда значением неуверенности в его достоверности, на другом — *unavoidably*, выражающее наибольшую степень уверенности. Все другие наречия займут места между этими двумя полюсами в порядке степени увеличения доли уверенности субъекта оценки в соответствии содержания предложения-высказывания действительности, отображенной в нем. Например, наречия а) *conceivably*, б) *presumably* и в) *undoubtedly, unquestionably* характеризуются как выражающие а) менее 50% уверенности, б) более 50% уверенности, в) высокую степень уверенности соответственно со стороны субъекта оценки в достоверности

содержания сообщения⁷⁸. Примечательно, что двусубъектный характер сообщается высказыванию наречиями, занимающими начальную позицию на шкале модальности. Можно, очевидно, полагать, что выполняемая данными наречиями одноплановая характеристика высказывания позволяет рассматривать их как синонимы: *She was with a very small boy, unmistakably her brother... Bringing up the rear was an efficient-looking woman in a limp felt hat — presumably their governess (J. Salinger). ...the body of the other (the Governor) is supposedly buried, presumably upright, somewhere in the woods on the side of Far Hill... (J. Updike)*

В группу наречий с семой [пассив], кроме модальных (модально-оценочных), входят наречия, выражающие эмоциональную оценку сообщаемого (сочувствие, сожаление и т. д.): *understandably, comprehensibly, incomprehensibly, regrettably, predictably, incredibly, unbelievably*. Они указывают на определенное (положительное или отрицательное) отношение субъекта оценки (одновременно — субъекта называемого наречиями статического процесса), т. е. образуют квалификативный модус высказывания. Кваликативная структура высказывания относится к его прагматическому аспекту, так как, указывая на отношение говорящего к описываемому событию, она представляет собой субъективную часть значения предложения⁷⁹. Названные производные наречия сохраняют значение исходного глагола (и прилагательного), поэтому в словарях они лишь фиксируются (без толкований) в статьях, посвященных исходному глаголу или прилагательному. Подтверждением наличия в их семантике залоговой семы может служить дефиниция отглагольного прилагательного, от которого непосредственно образовано наречие; прилагательное толкуется через глагол в пассивном залоге: *understandably — understandable — that can be understood*. Ср.: *His reluctance to agree is understandable. He is understandably furious (Hornby)*. Предикаты пропозиционального отношения, от которых образованы эти наречия, предполагают обязательную сочетаемость с личным субъектом, эмоциональное или рациональное отношение которого они фиксируют (*I understand, I regret, I don't believe* и т. д.), т. е. субъект оценки в таких случаях всегда эксплицитен. В конструкциях с образованными от них прилагательными с аналогичным оценочным значением субъект, как правило, подразумевается: *It was incomprehensible that she should care so much for a man who was so indifferent, so selfish... (S. Maugham)*, однако, может все же в некоторых случаях по-

лучать косвенное выражение, оформляясь в виде предложного дополнения: *it was understandable (incomprehensible) to me*. Выражаемая наречиями оценка исходит от конкретного субъекта, пассивная сема наречия имплицитует, однако, обобщенно-личный субъект. Следовательно, использование таких наречий позволяет конкретному субъекту оценки избегать категоричности в выражении оценок, указывая на то, что данное мнение принадлежит не только ему, а целому ряду лиц, что это — мнение коллектива: *They became engaged. Five years later and incomprehensibly, the engagement was broken (J. Fowles)*. Исходящая от автора оценка как бы сливается с мнением других людей, а субъект оценки может быть представлен в виде формулы: говорящий/пишущий (я) + другие люди (он, она, они).

Принято говорить о различной «мере субъективности» в квалификативных структурах модуса, поскольку оценка может представлять не только субъективное мнение ее автора, но и быть своеобразным отражением обычного, «нормативного» положения вещей в данном социуме⁸⁰.

Существующая в языке возможность выражать оценку сообщаемого при помощи 1) сочетаний «личный субъект + глагол пропозиционального отношения», 2) конструкций, образуемых отглагольными прилагательными, и 3) наречий позволяет говорить о вариативности эксплицитный — имплицитный субъект, а в двух последних случаях — о вариативности личный — неопределенно-личный — обобщенно-личный субъект, обеспечивающейся присутствием в структуре производных семы [пассив]. Все названные оценочные структуры употребляются в качестве вводных элементов. На возможность параллельного употребления глаголов в сочетании с личным местоимением и наречий в качестве вводных элементов неоднократно обращалось внимание в литературе. Отмечая безличный характер наречий и личный характер вводных глаголов (*agenthetical verbs*), Урмсон, например, ставит в соответствие употребляющемуся в качестве вводного элемента *I regret* наречие *unfortunately*, не упоминая, однако, *regrettably*⁸¹. Большая «безличность» наречий состоит, очевидно, не только в невозможности образования наречиями оценочных структур с эксплицитным субъектом оценки (у наречия отсутствует синтаксическая субъектная валентность). «Безличность» наречий с залоговой семой имеет иную природу, чем безличность наречий, нейтральных в залоговом отношении. Имплицитруемый пассивными наречиями субъект (неопределенно- или неопределенно-обобщенно-личный) выступает не только субъектом оценки, но и субъектом процесса,

на который указывается в основе наречия (семантика исходных глаголов позволяет определить данный процесс как статический). Можно говорить, следовательно, о гетерогенности группы эмоционально-оценочных наречий, поскольку она включает не только наречия с пассивным значением, но и слова, нейтральные в залоговом плане: *unfortunately*, *happily*, *luckily* и т. д.; выступая в качестве вводных слов, такие наречия, в отличие от наречий с семей [пассив], имплицитно конкретный (определенно-) личный субъект. Поэтому неудивительно, что Д. Болинджер усматривал в таких наречиях «остатки перформативов»⁸².

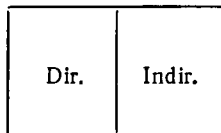
Оценочные наречия с залоговой семей, как и всякие оценочные наречия, в отличие от модальных, имплицитно истинность зависимой предикации, представляя ее как реальный факт. Например, наречие *regrettably*, как и исходный глагол *regret*, выражает отношение, состоящее в том, что второй аргумент пассивной конструкции, образуемой исходным глаголом *regret* (обобщенно-личный субъект), который является факультативным и поэтому чаще всего остается невыраженным, или первый аргумент активной конструкции (обязательный, нефаккультативный) выражают определенное отношение (сожаление) по поводу факта, названного в подчиненной пропозиции⁸³. Аналогичным образом могут быть описаны и другие оценочные наречия с семей [пассив].

Наречия с залоговой семей, употребляющиеся в функции вводных слов, как и всякие вводные элементы с модальным, эмоциональным и другими значениями, не имеют определенного места в предложении. Они могут употребляться в начале предложения, предваряя, как это свойственно модусу, диктум и выполняя роль добавочной ремы: *Admittedly*, there are many verbs that can function now as performatives (Z. Vendler). *Presumably* they were well paid for their services (J. Fowles). *Undoubtedly* it awoke some memory in him... (J. Fowles)

Наречие с залоговой семей, представляющее собой свернутый модус, обладает тем преимуществом перед развернутым модусом, что, занимая различные позиции в предложении, может указывать на предикативную противопоставленность непосредственно внутри сообщения: логический субъект (тема) — модальный элемент (индикатор косвенности) — логический предикат (рема). Вклинивание наречия между субъектом и предикатом — явление, обычное для двусоставных предложений с глагольным и именным сказуемым (см. табл. 3).

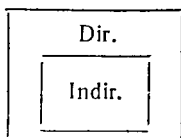
№ п/п	Формулы моделей предложения	Примеры
1	$N_1 \text{cop} N$	She is governess here
2	$N_1 \text{cop} (\text{Adv}_{\text{pass}}) N$ $N_1 \text{Vf}$ $N_1 (\text{Adv}_{\text{pass}}) \text{Vf}$	She is <i>presumably</i> governess here (J. Fowles) The practice overcame a variety of evils. The practice <i>allegedly</i> overcame a variety of evils (H. Lee) ... the consideration her husband had <i>presumably</i> received before (J. Galsworthy) Grace... would unquestionably love in return (I. Shaw) Even then I was supposedly writing a book about Dresden (K. Vonnegut)
3	$N_1 \text{cop} \text{Adj.}$ $N_1 (\text{Adv}_{\text{pass}}) \text{Adj.}$	The interpretation... is controversial The interpretation of the energy quantization of cavity modes is <i>admittedly</i> controversial (American Journal of Physics)

Рассматриваемые наречия могут соотноситься с отдельными членами предложения, описывающего неэлементарную ситуацию. Например, в нижеследующем предложении, представляющем собой конъюнкцию двух пропозитивных номинаций, объединенных причинными отношениями, индикатор «косвенность» (Indir) следует отнести ко второй из них, эксплицирующей причину: The actress's mother died, *allegedly* of drink (I. Murdoch). Описываемая неэлементарная ситуация может быть, следовательно, представлена в виде двух непересекающихся квадратов с различными индексами (операторами), указывающими на «непосредственный» и опосредованный характер пропозитивных номинаций.

Наречие может указывать на опосредованный характер информации о ситуации, включенной в другую ситуацию, сообщение о которой принадлежит непосредственно автору высказывания: The distinction, which is *reportedly* made overt in some languages, can be seen in sentences 1 and 2 (J. Fillmore).

Графически такая сложная ситуация может быть представлена так:

Следовательно, наречия обеспечивают совмещение в одном высказывании объективных и субъективированных (авторизованных) способов подачи информации. При включении таких наречий в предложение увеличивается не только количество предикаций; сообщаемое как бы раздваивается в плане субъективности, а вследствие этого, и модальности.

Подвижность позиции в предложении характерна и для других наречий с семей [пассив], «собственно» модальных, выражающих различную степень уверенности не называющего себя субъекта. Разная доля гипотетичности может относиться к отдельным аспектам описываемой ситуации (или отдельным включенным ситуациям), оформленной, например, в виде а) обстоятельств и б) определений: а) The experience of Dr. Lobo seems to justify the hope that the students are able to progress in their further studies of quantum mechanics ... *presumably* because they feel that have a firm foundation for understanding the calculations that they are performing (American Journal of Physics). Although *presumably* well recognized, the idealization... does not seem to us to be sufficiently emphasized... (American Journal of Physics). б) An *admittedly* unsystematic set of linguistics and topics is treated in a chapter on «Contributions from outside the school» (Language). ...but here I'd gone all the way up there for a nice, friendly... *supposedly* happy football game (E. Hemingway).

Вариативность позиций, занимаемых в предложении наречиями с семей [пассив], сводится, следовательно, к их отнесенности ко всему предложению или к отдельным его членам, в последнем случае подчеркивается смысловая самостоятельность члена предложения. Обособленно стоит наречие *preferably*, вносящее мнение «со стороны», но соотносимое только с определенными членами предложения, а не со всем предложением: I intended to read it over at dinner, *preferably* by candlelight (J. Salinger). Употребление приведенных наречий как бы отчленяет определенный компонент предложения, усиливая его самостоятельность. Что касается «авторства», то подобные высказывания являются гомогенными образованиями, поскольку имплицитный наречиями субъект обозначенного в их основе действия и автор высказывания совпадают.

Нельзя не отметить текстосвязующей функции, выполняемой указанными наречиями. Цепочка из двух предложений может не восприниматься как нечто целое, в то время как введение наречия *admittedly* позволяет осмыслить их как связанные между собой. Ср.: 1) *The research was promising. It wasted time.* 2) *Admittedly, the research was promising. But it was wasted time.* Введение наречия обеспечивает связь высказываний и позволяет расположить их в логической последовательности, указывая на существующее между ними отношение уступительности. Можно, очевидно, говорить о союзном значении наречий, которое не должно обязательно ограничиваться рамками отдельных предложений. Связь, осуществляемая наречием, может выходить за пределы предложения на уровень абзаца. Вполне правомерно поэтому отнесение таких наречий, как *admittedly, announcedly, conceivably, supposedly, reputedly*, а также безличных предложений типа *it is believed, it is conceived* и т. д. к словам-организаторам научной и технической мысли⁸⁴, констатирующим степень достоверности информации и превращающим абсолютное высказывание в относительное, что соответствует формально-логическому (коллективному, т. е. безличному) характеру изложения научного материала, обычному для функционального стиля научной и технической литературы.

Рассматриваемые наречия, выполняющие функцию модусных слов, выражают отношение говорящего/пишущего к описываемым событиям и собственной речевой деятельности. Представляя модус в свернутом виде, уводя его субъект в импликацию, наречия обеспечивают проникновение модального компонента в диктальную часть высказывания. Высказывания с такими наречиями являются, следовательно, «многослойными»: 1) собственно высказывание (предмет высказывания) и 2) высказывание о высказывании. Высказывание о высказывании, т. е. часть высказывания, содержащая голос автора: его оценки, комментарии и т. д., это метатекст. Вводные наречия, характеризующиеся субъективной модальностью, выполняют функцию метатекста в тексте, обладая именно тем смыслом, который принято вкладывать в понятие «метаязыковость»⁸⁵. Выступая в качестве скомпрессованного высказывания о высказывании, наречия обуславливают гетерогенность высказывания, так как в нем сочетаются текст и метатекст.

В отличие от развернутых двухкомпонентных метатекстовых вкраплений в текст, построенных по формуле субъект + предикат, наречие является свернутым, скомпрессованным метатекстом, указывающим непосредственно на

голос не эксплицитного, а имплицитного им автора (субъекта называемого исходной основой глагола действия). Целесообразность рассмотрения метаязыковой функции наречий диктуется непосредственно характером высказывания, включающим субъективный и объективный моменты. На необходимость составления для каждого языка перечня всех его метаязыковых средств, использующихся в качестве инструкций при интерпретации десигнатов, указывал У. Вайнрайх⁸⁶.

Рассматривая особенности семантической структуры различных средств метатекста, А. Вежбицка обращает внимание на характер их информативности, пытаясь выяснить, «не функционирует ли, например, выражение «прежде всего» скорее как сигнал исключительной коммуникативной значимости факта, чем метатекстовое предупреждение?» и приходит к выводу, что «это действительно сигнал важности сообщаемого факта (в глазах говорящего)»⁸⁷. Комментируя этот вывод, Н. А. Слюсарева справедливо отмечает, что категория важности «относится к семантико-информативной области высказывания, т. е. соотносится с актуальным аспектом синтаксиса и, следовательно, может рассматриваться в категориях тема-рематической организации»⁸⁸. Какая же роль принадлежит рассматриваемым здесь наречиям с семой [пассив] с точки зрения актуального синтаксиса? В высказываниях с двухкомпонентным модусом обнаруживается два типа предикативных отношений: 1) отношение между сообщением и субъектом высказывания и 2) отношение между компонентами самого сообщения⁸⁹. Конструкции двухкомпонентного модуса следует рассматривать как полные тема-рематические конструкции, их коммуникативная цель включения в предложение сводится к введению в него добавочной информации. Вполне логично рассматривать их в качестве добавочного тема-рематического состава в предложении⁹⁰. При замене двухкомпонентного модуса однокомпонентным — наречием с семой [пассив] — субъект модуса остается не выраженным, а имплицитным, добавочный тема-рематический состав предстает в скомпрессованном виде и оказывается сведенным к одному компоненту — добавочной реме.

Заключение

Изучение языка во всей динамике его функционирования предполагает детальное рассмотрение формального и семантического варьирования его единиц. В этой связи закономерен интерес к функциональному и семантическому сближению частей речи, в значительной степени основывающемуся на существующих между ними словообразовательных связях и отношениях, в результате которых смысловая структура слов той или иной части речи предстает в виде сложной комбинации первичных и вторичных значений, как, например, «процесс» и «предмет», «процесс» и «признак» и т. д., столь характерных, в частности, для глагольных производных. Важность вторичных значений для характеристики частей речи, а точнее их периферии, состоит в том, что нередко именно они выступают в качестве своеобразной основы для семантической корреляции слов различных грамматико-лексических классов.

Что касается производных переходных глаголов определенных словообразовательных моделей, то существование первичных и вторичных значений в их семантике, дающее основание характеризовать их как гибридные образования, не исчерпывает, однако, особенности их семантической структуры. Значительный интерес в этом плане представляют заимствованные производными грамматические значения исходных глаголов.

Проведенное исследование показало, что в результате взаимодействия с переходными глаголами в аспекте словообразования существительные¹, прилагательные и наречия сохраняют пассивные значения исходных глаголов.

До настоящего времени не только не были изучены особенности семантики и синтаксиса различных частей речи с заимствованными грамматическими значениями, но не выявлен и репертуар таких значений ни в одном языке. Актуальность их изучения определяется необходимостью восполнения существующих грамматических описаний языков с целью обеспечения их адекватности. Несомненный

интерес представляют подобные исследования и для практики лексикографии.

Анализ абсолютной частотности употребления глаголов в пассивном залоге и частей речи с семой [пассив], проведенный на материале произведений английских и американских авторов общим объемом 4 тыс. страниц, показал, что употребление глаголов в пассивном залоге составляет примерно половину зарегистрированных употреблений частей речи с семой [пассив] (3410^2 — 52,63%). В остальных случаях (47,37%) пассивная сема обнаруживается в семантической структуре производных существительных (1858—28,67%), прилагательных (1004—15,49%) и наречий (207—3,19%).

Вполне закономерным представляется поэтому характерное для английского языка многообразие способов выражения пассивной предикации, в оформлении которых заняты глагольные производные, принадлежащие к различным частям речи. Варьирование пассивных предикаций обеспечивается возможностью выражения пассивного участия субъекта в действии, названного не только глаголом в пассиве, но и «пропускаемом» сквозь призму предметного или признакового значения. В этой связи необходимым восполнением современной грамматической теории представляется комплексное изучение категории залога во всей сложности взаимодействия в ней словообразования, лексики, морфологии и синтаксиса. Филологические наблюдения в области неглагольных способов выражения категориальных значений залоговости вызывают постановку новых вопросов в философии грамматики в аспекте вариативности категориальных и некатегориальных способов выражения грамматического значения с их противопоставлением эксплицитного и имплицитного, выбора средств номинации с выявлением характера межуровневых связей, в которых проявляется тенденция к экономии языковых средств, в изучении языковых форм как в семасиологическом, так и в ономасиологическом плане.

Анализ грамматических значений, содержащихся в лексической семантике производных, естественно, связывается с проблемой «скрытой» грамматики, привлекающей все большее внимание в лингвистических исследованиях последних лет и представляющей несомненный интерес для контрастивной лингвистики с ее интересом к передаче близких значений разноуровневыми единицами сопоставляемых языков.

Исчерпывающее описание семантического и формального варьирования единиц языка с семой [пассив] во всей

динамике их функционирования ориентировано на их углубленное изучение в номинативном аспекте.

В семантической структуре слов, относящихся к различным грамматико-лексическим классам с их несовпадающими общекатегориальными значениями, словообразовательными особенностями и функциями в предложении, значение пассива выступает в виде семы-ретента, что и определяет архитектуру настоящего исследования — анализ глагольных производных с семой-ретентом [пассив] проводится по частям речи с учетом их словообразовательных, семантических и функциональных особенностей.

Плодотворность изучения частей речи с семой [пассив] не исчерпывается выявлением их варьирования в тексте с пассивными формами исходных глаголов вследствие их сближения в процессе функционирования. Проведенный анализ отглагольных прилагательных и наречий, в словарных дефинициях которых эксплицируется сема [пассив], выявил различную способность этих частей речи к актуализации заимствованной грамматической семы, обусловленной ее местом в семантической структуре слова.

Основой конструктивного объединения изучаемых лексических единиц с семой [пассив] может служить понятие «степень эффективности семы [пассив]», при установлении которой учитываются как контекстно-связанные, так и контекстно-независимые значения исследуемых производных, их валентностные характеристики и сочетательные способности. Изменение места семы [пассив] в иерархии семантических компонентов анализируемых частей речи, ее ослабление, препятствующее их функциональному сближению с глаголами в пассивном залоге, связываются с проблемой семантической вариативности производных, лексикализации и метафоризации их значений.

Наивысшая (первая) степень эффективности семы [пассив] характерна для так называемых неингерентных прилагательных, образованных на синтаксической основе и сохраняющих концептуальное значение, словообразовательные и семантические связи с исходным глаголом, наследующих его валентностные характеристики и особенности управления. Меньшая (2-я) степень эффективности семы [пассив] прослеживается у прилагательных, сохраняющих словообразовательные и семантические связи с мотивирующими глаголами, но выражающих не актуальный, а постоянный (ингерентный) признак. Таким прилагательным не свойственно глагольное управление. Их валентностные характеристики совпадают с глагольными на семантическом уровне и редуцируются на синтаксическом.

Отмечая моделиобразующую роль таких прилагательных, нельзя не обратить внимание на то, что предложения с такими прилагательными-предикативами являются поверхностной реализацией двух различных семантических типов предложений: а) релятивных и б) релятивно-детерминирующих, дистинктивным компонентом которых является факультативный член модели — предложно-именное сочетание, выражающее семантический субъект. Прилагательные с семой [пассив] представляют, следовательно, непрерывный ряд производных от прилагательных, наиболее близко примыкающих к глаголу и наследующих его валентностные свойства (прилагательные с семой [пассив]) до прилагательных-интенсификаторов. В промежуточной зоне располагаются прилагательные с оценочным значением.

В корпусе наречий с семой [пассив] выделяются также три группы, различающиеся по степени эффективности залоговой семы. Анализ предикатной семантики наречий с семой [пассив] связывается с проблемами субъективной и объективной модальности, полисубъектности высказывания и его опосредованного характера, вариативности собственно элементов текста и метатекста с текстообразующей функцией последних, сводимых в конечном счете к языковому процессу авторизации сообщения.

Выявление динамики функционирования рассматриваемых производных на синтаксической основе с семой-ретентом [пассив] в лингвистическом и социолингвистическом аспектах происходит через познание их роли в тема-рематической организации предложения и в социально-ориентированном общении соответственно.

Осмысление связей, отношений и функциональных свойств частей речи с различными заимствованными грамматическими значениями, выяснение их значимости в системе языка невозможны без учета конкретной формы наименования и неотделимы, следовательно, от исследования номинативных функций частей речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Ленин В. И. Философские тетради.— Полн. собр. соч., т. 29, с. 162.

² Кубрякова Е. С. Части речи в ономастологическом освещении. М., 1978, 115 с.; Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978. 258 с.

³ Степанова М. Д. Части речи и корреляция лексических единиц.— В кн.: Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976, с. 139—144; Кубрякова Е. С. Цит. работа.

⁴ Знаки ± перед названием заключенного в скобки семантического компонента употребляются в случае нерасчлененности его залогового значения.

Вопросы теории грамматического залога

¹ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 52—53.

² Гайсина Р. М. Сема «отношение» и способы ее представления на разных уровнях языка.— Филол. науки, 1981, № 5, с. 57, 59.

³ Шендельс Е. И. О грамматических значениях в плане содержания.— В кн.: Принципы научного анализа языка. М., 1959, с. 56—58.

⁴ Кацнельсон С. Д. О грамматической семантике.— Всесоюз. науч. конф. по теоретическим вопросам языкозн. (11—16 нояб. 1974 г.). Тезисы докл. и сообщ. пленарных заседаний. М., 1974, с. 73. С. Д. Кацнельсон рассматривает пассив как категорию интенциональной конверсии.

⁵ Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964. 294 с.; Королев Э. И. О залогах русского глагола.— В кн.: Мысли о современном русском языке. М., 1969, с. 199—215; Nyish V. The Structure of Modern English. Leningrad, 1971. 366 p.; Басова Р. В. Категория страдательного залога в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. 27 с. Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975. 156 с.; Мухин А. М. Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. Л., 1976. 282 с.; Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Пер. с англ. М., 1978. 339 с.; Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов / Под ред. А. А. Холодовича, Л., 1974. 383 с.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978. 288 с.; Svartvik J. On Voice of the English Verb. The Hague, 1966. 200 с.; Iofic L. I., Chachoyan L. P., Pospelova A. G. Readings in the Theory of English Grammar. Leningrad, 1981. 223 p.; Stein G. Studies in the Functions of the Passive. Tübingen, 1979. 249 p.

⁶ Понятие бинарной привативной оппозиции к описанию грамматических категорий, в том числе и залога, одним из первых ввел Р. Якобсон (*Якобсон Р.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол.— В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, с. 95—113). Э. И. Королев рассматривает действительный и страдательный залог как эквиполентную (равнозначную) оппозицию (*Королев Э. И.* Цит. работа, с. 214).

⁷ *Фортуатов Ф. Ф.* О залогах русского глагола.— Изв. Академии наук, 1899, т. 4, кн. 4, с. 1153—1158; *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. 511 с.

⁸ *Гухман М. М.* Цит. работа, с. 6.

⁹ *Басова Р. В.* Цит. работа.

¹⁰ *Циммерман И.* Синтаксические функции актантов, залог и переходность.— В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978, с. 71—78.

¹¹ Залог правомерно считается единственной категорией, участвующей в предикации; посредством залога глагол включается в синтаксис (см.: *Мартынов В. В.* Категории языка. М., 1982, с. 116, 118).

¹² *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 2, т. 4. Глагол. М., 1977. 406 с.; *Мецианинов И. И.* Члены предложения и части речи. Л., Наука, 1978. 387 с.; *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958. 404 с.; см. также: *Матезиус В.* О системном грамматическом анализе.— В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 232; *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972, с. 494 и след.

¹³ См., например, *Панфилов В. З.* Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971. 231 с.; *Мухин А. М.* К проблеме залога в германских языках.— В кн.: Исследования по языку и литературе. Памяти академика Виктора Максимовича Жирмунского. Л., 1973, с. 138—145.

¹⁴ *Мухин А. М.* К проблеме залога в германских языках, с. 139.

¹⁵ *Холодович А. А.* Залог (определение и исчисление).— В кн.: Категория залога (материалы конф.). Л., 1970, с. 1—26.

¹⁶ *Храковский В. С.* Пассивные конструкции.— В кн.: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог. Л., 1974, с. 42—43.

¹⁷ См.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941. 620 с.; *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974. 447 с.; *Khlebnikova I. V.* Notes on Grammatical Category.— *Philologica Pragensia*, 1967, N 10, p. 28—33.

¹⁸ *Сильницкий Г. Г.* Глагольная валентность и залог.— В кн.: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог. Л., 1974, с. 54—72. Указанные случаи различного толкования залога с точки зрения его уровневой принадлежности объединены одним фактором: члены залоговой оппозиции рассматриваются как грамматические формы глагола. Такое мнение, однако, оказывается не единственным. Т. П. Ломтев, например, считает, что в предложениях «Художник написал картину» и «Картина была написана художником» написал и была написана не являются формами одного глагола, поскольку данные единицы соотносятся как слово и словосочетание. Залог, по мнению Т. П. Ломтева,— это не грамматическая и не лексико-грамматическая категория, а частный случай грамматической категории конвертируемости отношений (*Ломтев Т. П.* Предложение и его грамматические категории. М., 1972, с. 49—50).

¹⁹ Несоответствие подлежащего и дополнения как грамматических категорий и агенса и пациенса — как понятийных отмечалось и ранее (см.: *Курилович Ю. Г.* Эргативность и стагнальность в язы-

²⁰ Храковский В. С. Цит. работа, с. 13.

²¹ Холодович А. А. Цит. работа, с. 13.

²² Храковский В. С. Цит. работа, с. 29.

²³ Отмечая, что общепризнанного семантического определения залога нет и сомневаясь в его необходимости и даже возможности формулирования, С. Е. Яхонтов, например, предлагает формальное определение залога, исходя из различий в управлении глагольных форм, противопоставленных по залогу (Яхонтов С. Е. Формальное определение залога.— В кн.: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог. Л., 1974, с. 46—53).

²⁴ См., например, определение залога, предложенное М. М. Гухман (Гухман М. М. Цит. работа, с. 8, 9). Понятие направленности действия по отношению к его носителю используется многими авторами при описании грамматической категории залога как в английском, так и в других языках (см., например, Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка. М., 1973. 423 с.; Бархударов Л. С. Цит. работа; Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977. 293 с. Русская грамматика. М., 1980, т. 1. 783 с.).

²⁵ Циммерман И. Цит. работа, с. 74.

²⁶ Ср. справедливое замечание А. В. Бондарко: «Если бы синтаксические актаны представляли лишь план выражения и не обладали своим содержанием, то было бы непонятно, почему для значения залога существенно, какому синтаксическому актанту соответствуют понятийные категории Sb и Ob. Само по себе сочетание Sb и Ob как семантических величин с разными синтаксическими актантами как чисто формальными величинами не привело бы ни к каким семантическим изменениям» (Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978, с. 48—49).

²⁷ В работе используются следующие символы и сокращения: Sb — субъект; Ob — объект; N — любое имя существительное; N₁ — имя существительное — объект (пацценс); N₂ — имя существительное — субъект (агенс, экспериенцер); Vtr — переходный глагол; V_{pass} — глагол в пассивном залоге; Adj — прилагательное; Adj_{pass,1} — прилагательное с семей пассив 1-й степени эффективности; заключение индекса пассива у прилагательного в скобки указывает на ретенированный характер его залоговой семьи; Adv — наречие; p — предлог; сор — глагол-связка.

²⁸ Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. 175 с.; см. также: Русская грамматика. М., 1980, т. 1. 783 с.; т. 2. 709 с.

²⁹ Потеня А. А. Цит. работа, с. 251. См. также: Мещанинов И. И. Общее языкознание. Л., 1940, с. 63, 64; Виноградов В. В. Цит. работа. 614 с.

³⁰ Качала Я. О грамматической и семантической перспективе предложения.— В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978, с. 92.

³¹ Шендельс Е. И. Взаимодействие между лексическими и грамматическими значениями.— Иностр. языки в школе, 1962, № 4, с. 92—102.

³² Гухман М. М. Цит. работа, с. 12.

³³ Бондарко А. В. К теории поля в грамматике — залог и залоговость.— Вопр. языкозн., 1972, № 3, с. 29.

³⁴ Русская грамматика. М., 1980, т. 1. 783 с.

³⁵ Гухман М. М. Цит. работа. Точка зрения, согласно которой все глагольные формы являются залоговыми, основывается на том факте,

что глагольная семантика всегда ориентирована на связь с носителем действия (см.: *Басова Р. В.* Цит. работа, с. 8). Глаголы, как известно, образуют группу признаков (в широком смысле слова) слов, куда входят и прилагательные. Всякий выражаемый признак ориентирован на носителя. Вряд ли из этого должно следовать, что все формы «признаковых» слов являются залоговыми.

³⁶ *Циммерман И.* Цит. работа.

³⁷ *Мухин А. М.* К проблеме залога в германских языках; *он же.* О грамматической категории залога в современном английском языке (В связи с проблемой уровней языка).— *Филол. науки*, 1975, № 3, с. 74.

³⁸ *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 148.

³⁹ *Туун Н.* Semantics and the notion of transitivity in passive conversion.— *Studia neophilologica*, 1970, v. 42, N 1, p. 63.

⁴⁰ *Langendoen T.* Essentials of English Grammar. New York, 1970, p. 160.

⁴¹ *Сильницкий Г. Г.* Цит. работа, с. 54.

⁴² *Tesnière L.* Éléments de syntaxe structurale. P., 1959, p. 243.

⁴³ *Гухман М. М.* Цит. работа; *Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.* О компонентном анализе значимых единиц языка.— В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 302.

⁴⁴ *Циммерман И.* Цит. работа.

⁴⁵ Не случайно то, что глаголы, которые могут употребляться в пассивном залоге, называют процессы или события, представляющие как действия или восприятия (activities or acts), ассоциируемые с лицом (определенным или неопределенным) или лицами. О процессах и событиях, контролируемых агенсами, см.: *Lyons J.* Semantics. Cambridge, 1977, v. 2, p. 485—486.

⁴⁶ *Сильницкий Г. Г.* Цит. работа; *Lyons J.* Цит. работа, с. 487.

⁴⁷ *Курилович Ю. Г.* Цит. работа, с. 387—388.

⁴⁸ Интересным представляется изучение «фигурального» смысла пассива, основанного на редуцировании не одной, а обеих валентностей глагола (название деятеля и объекта действия), обеспечивающее метафорическое представление действия вследствие его абсолютизации (см.: *Шендельс Е. И.* Грамматическая метафора.— *Филол. науки*, 1972, № 3, с. 54).

⁴⁹ *Haiman J.* Agentless Sentences.— *Foundations of Language*, 1976, v. 14, p. 33.

Некатегориальные способы выражения категориального значения пассива

¹ Данной проблеме отдельный раздел в своей книге посвящает Г. Стайн. См.: *Stein G.* Studies in the Functions of the Passive. Tübingen, 1979. 249 p.

² *Lakoff R.* Passive Resistance.— Papers from the 7-th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, 1971, p. 149—161.

³ *Stanley J.* Passive Motivation.— *Foundations of Language*, 1975, v. 13, N 1, p. 25—39.

⁴ *Payne L. V.* The lively Art of Writing. New York and Scarborough, Ontario, 1965. 192 p.

⁵ *Turner G. W.* Stylistics. Zondon, 1977, p. 242.

⁶ Предпочтение, отдаваемое в данном случае противопоставлению «субъект — не-субъект» перед «субъект — объект», объясняется не только неоднозначностью объектной позиции, но и возможностью

актанта, выполняющего разнообразные семантические роли (объекта, локатива и т. д.), занимать субъектную позицию в пассивном предложении.

⁷ *Zimek P.* Понимание пассивной перспективы предложения в чешской лингвистике.— В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978, с. 85.

⁸ *Mathesius V.* A Functional Analysis of Present-Day English on a General Linguistic Basis. Prague, 1975, p. 707.

⁹ *Mathesius V.* Op. cit., p. 101.

¹⁰ По терминологии Г. Г. Почепцова (*Почепцов Г. Г.* Синтагматика английского слова. Киев, 1976. 111 с.).

¹¹ Чешский ученый Г. Зимек отмечал, что изучение разнообразных способов выражения пассивной перспективы как в отдельных языках, так и в их сопоставлении является задачей лингвистов (*Зимек P.* Цит. работа, с. 87).

¹² *Haiman J.* Agentless Sentences.— *Foundations of Language*, 1976, v. 14, p. 36.

¹³ О функциональных значениях как системоприобретенных свойствах слов см.: *Солнцев В. М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1977, с. 207—210; о взаимодействии «подкласс слов — типовая схема предложения» см.: *Солнцев В. М.* К вопросу о глубинной структуре и порождении смысла предложения.— В кн.: Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976, с. 114—124.

¹⁴ См.: *Уфимцева А. А.* Лексика.— В кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 440.

¹⁵ *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 142; *Солнцев В. М.* К вопросу о глубинной структуре и порождении смысла предложения, с. 119.

¹⁶ *Солнцев В. М.* К вопросу о глубинной структуре и порождении смысла предложения.

¹⁷ *Бондарко А. В.* Категориальные и некатегориальные значения в грамматике.— В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 186—187; *он же.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978, с. 147.

¹⁸ *Бондарко А. В.* Категориальные и некатегориальные значения в грамматике, с. 183.

¹⁹ *Бархударов Л. С.* Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975, с. 147.

²⁰ Цит. по: *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974, с. 106.

²¹ *Сепир Э.* Язык. Введение в изучение речи. М.; Л., 1934, с. 65.

²² Косвенные способы выражения значения пассива различаются с точки зрения их маркированности/немаркированности (ср. эксплицитности/имплицитности), причем маркировка не является грамматической. Ср., например, «всегда пассивные» существительные на -ee, называющие объект действия (addressee), и существительные типа *runishment*, которые могут выражать процесс субъектной (центробежной) и объектной (центростремительной) направленности.

²³ Известны различные толкования сущности имплицитности, скрытых категорий в отечественной и зарубежной лингвистике, обусловленные различными теоретическими посылками и методическими подходами их авторов. См., например: *Уорф Б. Л.* Грамматические категории.— В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, с. 44—61; *Старикова Е. Н.* Имплицитная предикативность в современном английском языке. Киев, 1974, 142 с.; *Звегинцев В. А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976. 307 с.; *Шендельс Е. И.* Имплицитность в грамматике.— Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1977, вып. 112, с. 109—123;

Харитонова И. Я. О понятии «скрытая грамматика» (на материале немецких устойчивых словосочетаний).—Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1978, вып. 125, с. 119—127; *Fillmore Ch. J. Types of Lexical Information.*—In: *Kiefer F. (ed.) Studies in Syntax and Semantics.* Dordrecht. 1969, p. 109—137.

²⁴ Кацнельсон С. Д. Цит. работа, с. 78, 83, 93.

²⁵ Кацнельсон С. Д. Цит. работа, с. 92.

²⁶ Ревзин И. И. Скрытые категории в грамматике и словообразовании.—Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1975, вып. 91, с. 166—171.

²⁷ Харитонова И. Я. Цит. работа.

²⁸ Бондарко А. В. Категориальные и некатегориальные значения в грамматике, с. 187.

²⁹ Ревзин И. И. Цит. работа.

³⁰ Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972. 614 с.

³¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, с. 111; см. также: Виноградов В. В. Цит. работа.

³² Иванникова Е. А. К вопросу об аспекте изучения категории вида у отглагольных существительных в русском языке.—Изв. АН СССР, от-ние лит. и яз., 1972, т. 31, вып. 2, с. 113—123

³³ Мигрофанова О. Д. Отглагольные имена существительные в научных текстах (к вопросу о «номинативном» характере научного стиля).—Филол. науки, 1973, № 5, с. 54—65.

³⁴ Апресян Ю. Д., Жолковский А. К., Мельчук И. А. О системе семантического синтеза. III. Образцы словарных статей.—Науч.-техн. информ. Сер 2, 1968, № 11, с. 8—22.

³⁵ Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953, с. 246; *Brinkmann H. Die Deutsche sprache.* Düsseldorf, 1962, p. 23; *Прокочук О. О. Про дієслівні граматичні значення німецьких дієприкметників.*—Іноз. філологія, 1971, вип. 23, с. 55—57; *он же.* Дієслівні значення іменних віддієслівних утворень.—Мовознавство, 1975, № 1, с. 33—37; *Степанова М. Д., Хельбиг Г.* Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978, с. 129.

³⁶ *Vachek J. Some Less Familiar Aspects of the Analytical Trend of English.*—Brno Studies in English, 1961, v. 3, p. 9—78.

Правомерным представляется различение двух аспектов аналитизма: 1) аналитизм как выражение отношений между словами в предложении и словосочетанием с помощью средств, лежащих вне данных слов и 2) аналитизм как выражение категориальных значений слова с помощью средств, находящихся за его пределами. (см.: *Плоткин В. Я.* О путях эволюции аналитизма в германских языках.—В кн.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии, вып. 4; Взаимодействие языковых структур в системе. Л., 1980, с. 58).

³⁷ *Рождественский Ю. В.* Типология слова. М., 1969, с. 190.

³⁸ *Николаевская Р. Р.* О соотношении лексического и грамматического уровней в системе современного английского языка.—Филол. науки, 1981, № 4, с. 55—61.

³⁹ *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958, с. 192—193, 329—330.

⁴⁰ См., например, *Bengtsson E. Studies on Passive Nouns with a Concrete Sense in English.* Lund, 1927. 164 p.; *Богоева Л. В.* К вопросу о месте ее-derivатов в лексической системе современного английского языка.—В кн.: Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. М., 1968, с. 141—147; *Дегтярь И. Г.* Производные (суффиксальные) существительные, выражающие понятие «дей-

ствующее лицо» в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973. 15 с.

⁴¹ См., например, *Гинзбург Е. Л.* Словообразование и синтаксис. М., Наука, 1979. 264 с.; *Кубрякова Е. С.* Теория номинации и словообразование.— В кн.: Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977, с. 222—303; она же. Семантика производного слова.— В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 81—155; *Adams V.* An Introduction to Modern English Word-Formation. Longman, 1973. 230 p.

⁴² *Кубрякова Е. С.* Производное как особая единица системы языка.— В кн.: Теория языка. Англистика. Кельтология, с. 82.

⁴³ Русская грамматика. М., 1980, т. 1, с. 133.

⁴⁴ О понятии моно/полимотивированность производных см.: *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977, с. 92.

⁴⁵ *Бенвенист Э.* Цит. работа, с. 241, 256.

⁴⁶ Как справедливо отмечает Н. А. Слюсарева, проблему функционально-семантических или лексико-грамматических полей можно ставить для языков с широко развитой морфологической системой. При ведущем положении функциональной морфологии «целесообразно выделять особую область функциональной морфологии, которая занимается значением и функционированием морфологических форм», в то время как в языках с преимущественно аналитизма «на первый план выступают проблемы функционального синтаксиса» (*Слюсарева Н. А.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981, с. 58—59).

⁴⁷ *Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969. 183 с.

⁴⁸ *Бондарко А. В.* К проблематике функционально-семантических категорий.— *Вопр. языкозн.*, 1967, № 2, с. 18—32.

⁴⁹ *Бондарко А. В.* Грамматическая категория и контекст. Л., 1971, с. 28.

⁵⁰ *Бондарко А. В.* К проблематике функционально-семантических категорий, с. 34.

⁵¹ «Пассивность» не следует понимать буквально. «Неудобство» данного термина неоднократно отмечалось в литературе. Необходимость его сохранения в данном случае подсказана традицией.

⁵² *Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке, с. 10.

⁵³ *Шендельс Е. И.* Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970, с. 15—16.

⁵⁴ Это не значит, однако, что «неграмматические» конститuentы поля залоговости не различаются по выражаемому ими значению, они различны хотя бы уже потому, что не тождественными являются глагольные и именные номинации. В данном случае, однако, когда речь идет о структуре поля, эти различия иррелевантны.

⁵⁵ О семантических и функциональных свойствах единиц различных уровней см.: *Слюсарева Н. А.* Цит. работа, с. 70 и след.

⁵⁶ *Виноградов В. В.* Учение акад. А. А. Шахматова о грамматических формах слов и частях речи в современном русском языке.— Докл. и сообщ. института языкозн. М., 1952, с. 47.

⁵⁷ *Стеблин-Каменский М. И.* К вопросу о частях речи.— В кн.: Спорное в языкознании. Л., 1974, с. 23.

⁵⁸ *Савченко А. Н.* Части речи и категории мышления.— В кн.: Язык и мышление. М., 1967, с. 226.

⁵⁹ *Плоткина К. З.* О полевой природе имени существительного в английском языке.— *Филол. науки*, 1975, № 4, с. 86.

⁶⁰ *Кацнельсон С. Д.* Цит. работа, с. 153.

⁶¹ См., например, *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 130; *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая.— Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 61; *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, с. 164; *Кубрякова Е. С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978, с. 70; *она же.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981, с. 145 и след.

⁶² *Щур Г. С.* Теория поля в лингвистике. М., 1974. 254 с.; *Гухман М. М.* Грамматическая категория и структура парадигм.— В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, с. 117—175; *Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке; *Бондарко А. В.* Грамматическая категория и контекст. 115 с.

⁶³ *Адмони В. Г.* Основы теории грамматики. М.; Л., 1964. 105 с.; *он же.* Полевая природа частей речи (На материале числительных).— В кн.: Вопросы теории частей речи. Л., 1968, с. 98—107.

⁶⁴ *Плоткина К. З.* Цит. работа, с. 83—90; *Иванова И. П.* О полевой структуре частей речи в английском языке.— В кн.: Теория языка. Методы его исследования и преподавания. Л., 1981, с. 125—128.

⁶⁵ *Адмони В. Г.* Основы теории грамматики, с. 49 и др.; *Степанова М. Д., Хельбиг Г.* Цит. работа, с. 118 и др.

⁶⁶ *Зернов Б. Е., Попова О. Д.* К вопросу о «центре» и «периферии» в системе частей речи (На материале английского языка).— В кн.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Взаимодействие языковых структур в системе. Л., 1980, вып. 4, с. 45—57.

⁶⁷ *Прокочук О. О.* Цит. работы; *Кубрякова Е. С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. 115 с.

⁶⁸ Данный термин был впервые предложен для обозначения «удержанных» лексических средств одного языка в другом параллельно с однокоренным термином «ретенирование» (от лат. *retinere* «удерживать», «сохранять») для обозначения самого явления использования лексики такого рода (см. *Семенец О. Е.* Изменения в английском языке на территории Бирмы.— В кн.: Вопросы языковой структуры. Киев, 1976, с. 80).

⁶⁹ *Зернов Б. Е., Попова О. Д.* Цит. работа, с. 45—57.

⁷⁰ Или лексико-семантической структурой, в целом входящей в дифференциальное значение знака, представляющей его «значимость» (см.: *Степанова М. Д., Хельбиг Г.* Цит. работа, с. 138).

⁷¹ Под семантической структурой слова как двусторонней единицы языка принято понимать совокупность (упорядоченное множество) его лексико-семантических вариантов (*Арнольд И. В.* Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966.— Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 295), с. 29; см. также: *Arnold I. V.* The English Word. Moscow; Leningrad, 1973. 304 с.

⁷² *Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.* О компонентном анализе значимых единиц языка.— В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 312.

⁷³ *Арнольд И. В.* Цит. работа; *Степанова М. Д.* Вопросы компонентного анализа в лексике (На материале современного немецкого языка).— Иностр. языки в школе, 1966, № 5, с. 34—40; *Ахманова О. С., Глушко М. М.* и др. Основы компонентного анализа. М., 1969. 98 с.

⁷⁴ См., например, *Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.* О компонентном анализе значимых единиц языка, с. 291—313.

⁷⁵ *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 32.

⁷⁶ См., например, *Скорородько Э. Ф.* Форма и содержание определения в толковых словарях.— Филол. науки, 1965, № 1, с. 97—107; *Арнольд И. В.* Цит. работа, с. 20 и след.; *Кацнельсон С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965, с. 20; *Кабакчи В. В.* Словарное толкование и грамматическое исследование.— В кн.: *Студия германистика*. Л., 1976, с. 210—220; *Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений, с. 53—61; *Dixon R. M. W.* A Method of semantic description.— In.: *An Interdisciplinary reader in Philosophy, Linguistics and Psychology*/Ed. by Danny D. Steinberg and Leon A. Jacobovits. Cambridge, 1971, p. 436—471.

⁷⁷ *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. 295 с.; *Кабакчи В. В.* Цит. работа.

⁷⁸ *Dixon R. M. W.* Op. cit., p. 435.

⁷⁹ О семном анализе производных слов см.: *Степанова М. Д.* Части речи и корреляция лексических единиц.— В кн.: *Теория языка*. Англистика. Кельтология, с. 139—144; *Кубрякова Е. С., Харитончик З. А.* О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа.— В кн.: *Принципы и методы семантических исследований*. М., 1976, с. 202—232.

⁸⁰ *Степанова М. Д.* Проблемы теории валентности в современной лингвистике.— *Иностр. языки в школе*, 1973. № 6, с. 12.

⁸¹ *Степанова М. Д., Хельбиг Г.* Цит. работа, с. 138, 139. Интересный анализ сочетательных способностей лексических единиц, их семантического варьирования и синтаксических связей проведен А. А. Уфимцевой (*Уфимцева А. А.* Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968, с. 200—244).

⁸² *Степанова М. Д., Хельбиг Г.* Цит. работа, с. 139.

⁸³ *Tesnière L.* *Éléments de syntaxe structurale*. Аналогичное мнение о центральной роли глагола в предложении и о нескольких пустых местах, которые имеет глагол и которые заполняются наименованиями предметов, высказано приблизительно в то же время Н. М. Александровым (*Александров Н. М.* К вопросу о классификации частей речи в индоевропейских языках.— В кн.: *Вопросы теории частей речи*. На материале языков различных типов. Л., 1968, с. 107—109).

⁸⁴ Детальное освещение указанных направлений дано Г. Хельбигом (*Степанова М. Д., Хельбиг Г.* Цит. работа, с. 151 и след. См. также: *Арнольд И. В.* Цит. работа, с. 104). Следует отметить, что в отечественной лингвистике понятие валентности («свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами») было введено С. Д. Кацнельсоном (*Кацнельсон С. Д.* О грамматической категории.— *Вест. ЛГУ*, 1948, № 2, с. 114—135).

⁸⁵ *Колшанский Г. В.* Проблемы коммуникативной лингвистики.— *Вопр. языкозн.*, 1979, № 6, с. 54—55.

⁸⁶ *Москальская О. И.* Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1981. 175 с.

⁸⁷ *Слюсарева Н. А.* Цит. работа. 206 с.

⁸⁸ О существительных с семей [пассив] см.: *Медведева Л. М.* Номинативы пассивного значения в современном английском языке.— В кн.: *Номинализация в современном английском языке*. Киев, 1982, с. 121—153.

- ¹ *Lakoff G.* Irregularity in Syntax. N. Y., 1970, p. 10. См. также: *Чейф У. Л.* Значение и структура языка. М., 1975, с. 114.
- ² *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 85; см. также: *Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. М., 1957, с. 152.
- ³ *Вольф Е. М.* Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978, с. 7.
- ⁴ *Стеблин-Каменский М. И.* К вопросу о частях речи.— В кн.: Спорное в языкознании. Л., 1974, с. 26.
- ⁵ См.: *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972, с. 151 и след.
- ⁶ Имеется в виду логическая формула, отражающая смысловую структуру предложения.
- ⁷ Семантическая типология реляционных предложений, как утверждает *О. И. Москальская*, не исчерпывается понятием акциональности (*Москальская О. И.* Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1981. 175 с.).
- ⁸ «Действие» в данном случае понимается широко, игнорируется его потенциальный и актуальный аспекты и т. д.
- ⁹ Группа относительных прилагательных включает слова, называющие признак относительно а) действия, б) материала, в) времени и т. д.
- ¹⁰ *Виноградов В. В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии.— Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975, с. 118.
- ¹¹ *Abraham Werner.* A. Criterion of Naturalness in Grammatical Analysis; The Adjective — Papers in Linguistics, 1970 a, v. 3, N 1, p. 161—172. *Abraham Werner.* Passiv und Verbableitung auf E.-able, Dt.—bar — Folia Linguistica 1970, b. № 4, p. 38—52.
- ¹² *Kastovsky D.* (review). Intensification and Semantic Analysis. Some Notes on Bolinger's Degree Words.— Foundations of Language, 1976, v. 14, p. 386.
- ¹³ *Степанова М. Д.* Части речи и корреляция лексических единиц.— В кн.: Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976, с. 140.
- ¹⁴ *Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981, с. 129.
- ¹⁵ Там же, с. 128.
- ¹⁶ *Степанова М. Д., Хельбиг Г.* Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978, с. 129; *Кубрякова Е. С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978, с. 67, 68; *Прокочук О. О.* Дієслівні значення іменних віддієслівних утворень.— Мовознавство, 1975, № 1, с. 33—34; *Мухин А. М.* Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. Л., 1976, с. 107; *Мурашов Р. З.* Словопроизводство и грамматические категории.— Вopr. языкозн., 1979, № 3, с. 60—69.
- ¹⁷ *Степанова М. Д.* Словообразование современного немецкого языка. М., 1953, с. 246; *Степанова М. Д., Хельбиг Г.* Цит. работа, с. 129.
- ¹⁸ *Brunot F.* La pensée et la langue. Paris, 1922, p. 364—365; *Илия Л. И.* Очерки по грамматике современного французского языка. М., 1970, с. 81.
- ¹⁹ *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958, с. 192—193; см. также: *Раевська Н. М.* Субститути пасива в сучасній англійській мові.— Вісн. КДУ. Серія іноз. філології, 1972, № 6, с. 58—62.

²⁰ Шахова Н. И. К вопросу о значении производных слов в английском языке.— В кн.: Романо-германская филология. М., 1961, вып. 3, с. 148—182.

²¹ Смирницкий А. Н. Синтаксис английского языка. М., 1957, с. 247.

²² Инфантьева Р. Н. Прилагательное или причастие? — Иностр. языки в школе, 1972, № 2, с. 12—17.

²³ Гвишиани Н. Б. Полифункциональные слова в языке и речи. М., 1979. 200 с.

²⁴ Dubois J. Étude sur la derivation suffixale en français moderne et contemporain. P., 1962, p. 52.

²⁵ Marchand H. The Categories and types of Present-Day English Word Formation. München, 1969, p. 229. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. М., 1976, с. 82.

²⁶ Карацук П. М. Словообразование английского языка. М., 1977, с. 125.

²⁷ Jespersen O. Modern English Grammar on Historical Principles, p. 4. Morphology. Copenhagen, 1942, p. 398.

²⁸ Lehnert M. Reverse Dictionary of Present-Day English. Leipzig, 1971. 596 p

²⁹ Беляева Т. М. Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке. М., 1979, с. 69—70.

³⁰ Там же, с. 70.

³¹ Отнесение суффикса к непродуктивным лишь на том основании, что после его отделения нельзя определить корневую морфему (Хаскина Е. М. Продуктивные способы словообразования в современном английском языке.— Иностр. языки в школе, 1953, № 6, с. 20—29) представляется не совсем правомерным, поскольку такой тест «приложим» как к непродуктивным суффиксам -ible, -uble, так и к продуктивному -able: aud-ible, sol-uble, abomin-able, vulner-able. В то же время корневая морфема «узнаваема» после отделения как -able, так и -ible: speak-able, ir-resist-ible.

³² Barnhart C. L., Steinmetz S., Barnhart R. K. A Dictionary of New English. Longman, 1973. 512 p.

³³ Кубрякова Е. С., Харитончик З. А. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа.— В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 204.

³⁴ О свободных и связанных формах см.: Блумфилд Л. Язык. М., 1968, с. 167.

³⁵ О неполночленности см.: Беляева Т. М. Цит. работа, с. 11.

³⁶ Lyons J. Semantics, v. 2, p. 333.

³⁷ Vendler Z. Adjectives and Nominalizations. The Hague; Paris, 1968, p. 110.

³⁸ Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966, с. 21.

³⁹ О дифференцированности / недифференцированности значения слова в одном языке сравнительно с другим см.: Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975, с. 78 и след.

⁴⁰ Терзян Р. В. Отглагольные прилагательные с суффиксом -able в современном английском языке / Учен. зап. Ереванского ун-та, 1962. Сер. филол. наук, вып. 2, с. 15—22.

⁴¹ Анализ толкований производных проводился по следующим словарям:

Fowler H. W. A Dictionary of Modern English Usage. 2nd edition. Oxford, At the Clarendon Press, 1978. 725 p.;

Funk and Wagnalls Standard Desk Dictionary. N. Y. / Published by Thomas Y. Crowell, 1977. 890 p.;

Hornby A. S., with Cowie A. P., Gimson A. C. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Revised and Updated. Oxford University Press, 1974. 1037 p.;

Longman Dictionary of Contemporary English. L., Longman, 1978. 1303 p.;

The Oxford English Dictionary Supplement. Oxford. Clarendon Press, 1976. 1282 p.;

The Shorter Oxford English Dictionary on historical principles. Oxford. At the Clarendon Press, 1975, v. 1, 2;

The Concise Oxford Dictionary. 6th edition. Oxford. At the Clarendon Press, 1978. 1368 p.;

The Random House Dictionary of the English Language. College Edition. New Delhi etc., 1980. 1568 p.;

Webster's Dictionary of Synonyms. Springfield. Mass., USA. 1951.;

Webster's New World Dictionary of the American Language. Cleveland and N. Y., 1964. 882 p.;

Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Unabridged. Springfield, USA, 1961, v. 1. 1288 p., v. 2. 1259—2662 p.

⁴² «Негативное» отношение к образованиям такого рода отчетливо выражено в словаре Фаулера: *Come-at-able* was made as long ago as the 17th c., but, except in *get-at-able* (1799), the experiment has not been successfully repeated, and probably will not be (*Fowler H. W. Op. cit.*, p. 96).

⁴³ В некоторых случаях трудно установить характер (глагольный или именной) исходной основы (см. *Marchand H. Op. cit.*, p. 229—230). Некоторые авторы считают, что таким прилагательным свойственно исключительное активное залоговое значение (*Терзян Р. В.* Цит. работа; *Хаскина Е. М.* Продуктивные способы словообразования в современном английском языке.— *Иностр. языки в школе*, 1953, № 6, с. 20—29. *Боровик М. А.* Трансформационный анализ некоторых производных прилагательных современного английского языка / Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1965, т. 272, с. 41—58).

⁴⁴ Элементы типа *for*, *on* (account *for*, *rely on*) обозначаются в литературе по-разному: частица, наречная частица, предлог, наречие, постфикс, постпозиция, послелог и т. д. «Частицы» и «предлоги», употребляемые здесь, используются цитируемыми авторами: *Marchand H. Op. cit.*, p. 202; *Adams V. An Introduction to Modern English Word-Formation*. Longman, 1973, p. 10.

⁴⁵ *Adams V. Op. cit.*, p. 12.

⁴⁶ *Magnusson R. Studies in the theory of the parts of speech*. Copenhagen, 1954. 120 p. Ср. конверсивности.

⁴⁷ См.: *Ломтев Т. П.* Предложение и его грамматические категории. М., 1972. 197 с.; *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. 216 с.; *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. 366 с. Известно и другое мнение. См.: *Храковский В. С.* Проблемы синонимии и конверсивности пассивных и активных конструкций.— В кн.: Универсалии и типологические исследования. М., 1974, с. 88—91; *Богданов В. В.* Залог и семантика предложения.— В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978, с. 40.

⁴⁸ *Fowler H. W. Op. cit.*, p. 2.

⁴⁹ *Lyons J. Op. cit.*, v. 2, p. 530—532.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 532.

⁵¹ *Инфантьева Р. Н.* Цит. работа, с. 12.

⁵² Терзян Р. В. Цит. работа, с. 15—22; см. также: Хаскина Е. М. Цит. работа, с. 20—29.

⁵³ Ullmann S. Semantics. An Introduction to the Science of Meaning. Oxford, 1977, p. 156.

⁵⁴ Апресян Ю. Д. Цит. работа, с. 212; Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979. 264 с.

⁵⁵ Кубрякова Е. С. Производное как особая единица системы языка.— В кн.: Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976, с. 83.

⁵⁶ Lyons J. Op. cit., p. 531.

⁵⁷ Onions C. T. Advanced English Syntax. London, 1904, p. 106.

⁵⁸ Будагов Р. А. Система и антисистема в науке о языке.— Вopr. языкозн., 1978, № 4, с. 2.

⁵⁹ Есперсен О. Цит. работа, с. 188.

⁶⁰ Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975, с. 111.

⁶¹ Будагов Р. А. Цит. работа, с. 8.

⁶² Такие наречия являются конструктивно значимыми элементами. (См.: Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971, с. 50).

⁶³ Vendler Z. Op. cit., p. 99.

⁶⁴ Ср. понятие активной семантической валентности: Апресян Ю. Д. Цит. работа, с. 119.

⁶⁵ См.: Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978, с. 388.

⁶⁶ Виноградов В. В. Русский язык, с. 498.

⁶⁷ Чейф У. Цит. работа, с. 152.

⁶⁸ Кузьмин Л. А. Синтаксическая и семантическая сочетаемость словообразовательных элементов английских прилагательных с суффиксом -able/-ible.— В кн.: Проблемы английского словообразования. Смоленск, 1976, с. 49.

⁶⁹ Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка, с. 247.

⁷⁰ Barnhart C. L. et al. Op. cit.

⁷¹ Они могут включать и бенефактивные глаголы, проявляющиеся как процессы. См.: Чейф У. Цит. работа, с. 167 и след.

⁷² В определенных условиях контекста возможна актуализация действия (процесса), на основании которого строится выражаемый прилагательными признак.

⁷³ В качестве препятствия процессам адъективного преобразования в прилагательных на -able рассматриваются не только словообразовательные связи с глаголом и семантика суффикса -able, но и внешнее совпадение суффикса -able с прилагательным able, которое в сочетании с глаголом to be выступает в английском языке в качестве эквивалента модального глагола can, выражающего возможность или способность совершения действия (см., например: Терзян Р. В. Цит. работа с. 15—22).

⁷⁴ Имеются в виду глаголы, образующие трансформационно-соотнесительные активные и пассивные конструкции.

⁷⁵ Почепцов Г. Г. Цит. работа, с. 93.

⁷⁶ Факультативные элементы модели предложения заключены в круглые скобки. Об обязательных и факультативных членах модели см.: Daneš F. A Three-level Approach to Syntax.— Travaux Linguistique de Prague, 1964, N 1, p. 226—240; Москальская О. И. Цит. работа, с. 28.

⁷⁷ Москальская О. И. Цит. работа, с. 78.

⁷⁸ Поскольку данная группа включает полночленные и неполночленные прилагательные, точнее будет указать, что одни образованы от глаголов перцепции, а другие соотносятся с ними. Особенностью

многих прилагательных является их способность выражать не только актуальный, но и постоянный признак (ср. неингерентный / ингерентный), ср. 1) *speech intelligible to everybody* и 2) *intelligible remark*.

⁷⁹ Москальская О. И. Цит. работа, с. 78—79.

⁸⁰ См.: Кузнецик Т. А. Агенса пассивных конструкций в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 22 с.

⁸¹ Шмелева Т. В. Социальный аспект смысла предложения.— Рус. яз. за рубежом, 1981, № 2, с. 62—66.

⁸² См.: Stanley J. Passive Motivation.— Foundations of Language, 1975, v. 13, à 1, p. 25—39; Стриженко А. А. Роль языка в системе средств пропаганды. Томск, 1980, с. 198.

⁸³ Bolinger D. Aspects of Language. 2-nd ed. inc. N. Y. (Chicago); San Francisco / Atlanta, 1975, p. 260—261.

⁸⁴ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976, с. 148.

⁸⁵ Ср.: But it was *these words of* apparent agreement that *measured* our hopeless distance, for he had spoken for my sake... (M. Drabble).

⁸⁶ Лайонз Дж. Цит. работа, с. 334.

⁸⁷ Givón T. Notes on the Semantic Structure of English Adjectives.— Language, 1970, v. 46, N 4, p. 816—837.

⁸⁸ Чейф У. Цит. работа, с. 168, 169.

⁸⁹ Лайонз Дж. Цит. работа, с. 335.

⁹⁰ Почепцов Г. Г. Цит. работа, с. 87.

⁹¹ Смирницкий А. И. Цит. работа, с. 245.

⁹² Bolinger D. Degree Words. The Hague; Paris, 1972, p. 39; Kástovský D. Op. cit., p. 377—398.

⁹³ Знак «?» указывает на неустановленный характер степени эффективности семы [пассив]. Сема [пассив] у таких прилагательных эксплицируется, в частности, в их словарных дефинициях: *detestable* — that is or should be detested; *deserving* to be detested; *live(e)able*, *fit* or *pleasant to live in*, that can be lived in.

⁹⁴ Возможность реализации субъектной валентности у прилагательного *unapproachable*, выражающего ингерентный признак, как отмечается в БАРС (*he is unapproachable by anyone*), сомнительна. Некорректность такого предложения отмечена информантом.

⁹⁵ Москальская О. И. Цит. работа, с. 87.

⁹⁶ Lakoff J. Irregularity in Syntax, p. 44.

⁹⁷ Ср.: *He is trustworthy*, где имплицитруется обобщенный субъект, и *He is worthy of your trust*, где возможно указание на конкретный субъект действия, облаченного в форму имени.

⁹⁸ Bolinger D. Truth is a Linguistic Question.— Language, 1973, v. 49, p. 545.

⁹⁹ Ломтев Т. П. Цит. работа, с. 139.

¹⁰⁰ О циркумфиксальном способе образования прилагательных см.: Григорьев В. А. Некоторые циркумфиксальные словообразовательные модели современного английского языка.— В кн.: Структура словаря и вопросы словообразования германских языков. Пятигорск, 1975, с. 32—41.

¹⁰¹ Арутюнова Н. Д. Цит. работа, с. 157.

¹⁰² Вольф Е. М. Цит. работа. 200 с. Масленникова А. А. Семантико-функциональный анализ реляционных прилагательных. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 22 с.

¹⁰³ О категории оценки и о вариативности оценок применительно к прилагательным см.: Ивин А. А. Основания логики оценок. М., 1970. 230 с.; Вольф Е. М. Цит. работа. 200 с.

¹⁰⁴ Ср. отъявленный плут. См.: Арутюнова Н. Д. Цит. работа, с. 13, 351; Вольф Е. М. Цит. работа, с. 37, 40.

¹⁰⁵ Селиверстова О. Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания.— В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 133.

¹⁰⁶ Арутюнова Н. Д. Цит. работа, с. 158; см. также: Вольф Е. М. Цит. работа, с. 29.

¹⁰⁷ О синонимической иррадиации см.: Ullmann S. Semantic Universals.— Universals of Language. Cambridge (Mass.), 1963, p. 182; Апресян Ю. Д. Цит. работа, с. 225.

Наречие

¹ Greenbaum S. Studies in English Adverbial Usage. London, 1969. 212 p.

² Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959, с. 170 и след.; см. также: Ахманова О. С., Микаэляна Г. Б. Современные синтаксические теории. М., 1963. 166 с.; Калабина С. И. О месте некоторых видов наречий в структуре современного английского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. 20 с. Капитонова Т. И. Определители предложения, выраженные наречием или наречным словосочетанием в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 1965. 16 с.

³ Jacobson Sven. Adverbial Positions in English. Stockholm, 1964, p. 18—21. Thomas, Owen. Transformational Grammar and the Teacher of English. New York, 1965, p. 162—171; Schibsbye K. A Modern English Grammar. London, 1965, p. 149; Greenbaum S. Op. cit.; Quirk R., Greenbaum S. A University Grammar of English. L., 1979, p. 125—129; Nilsen Don Lee Fred. English Adverbials. The Hague. 1972. 197 p.

⁴ Адмони В. Г. Наречие.— В кн.: Историко-типологическая морфология германских языков. М., 1978, с. 66.

⁵ Гвишиани Н. Б. Полифункциональные слова в языке и речи. М., 1979, с. 7; Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981, с. 128, 131.

⁶ Bengtsson E. Studies on Passive Nouns with a Concrete Sense in English. Lund, 1927. 162 p.

⁷ Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974, с. 11.

⁸ О воссоздании (реконструкции) словообразовательного акта см.: Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование.— В кн.: Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977, с. 254.

⁹ Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978, с. 219.

¹⁰ Ср. понятие универсального, обобщенного субъекта.

¹¹ См.: Nilsen D. L. T. Op. cit. 197 p.

¹² Ср.: Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 270.

¹³ Fillmore Ch. J. The Case for Case.— In.: Universals in Linguistic Theory / Ed. by Bach E. and Harms R. T. London; New York; Sydney; Toronto, 1968, p. 23. См. также: Nilsen D. L. F. Op. cit. 197 p.

¹⁴ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941, с. 47.

¹⁵ Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л., 1978, с. 346.

¹⁶ Примечательно, что, анализируя функционирование слова *подлинно*, В. В. Виноградов обращает внимание на возможность его употребления в функции «так называемого главного предложения, соеди-

нящегося с последующим изъяснительным предложением посредством союза что: «Уж *подлинно*, что там чудес палата» (*Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке.— *Избранные труды. Исследования по русской грамматике.* М., 1975, с. 68, 69).

¹⁷ *Виноградов В. В.* Цит. работа, с. 72.

¹⁸ *Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка. М., 1957, с. 220, 224; *он же:* Морфология английского языка, с. 171.

¹⁹ *Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л.* Современный английский язык. М., 1956, с. 298—299.

²⁰ *Капитонова Т. И.* Цит. работа. 16 с.

²¹ *Русская грамматика.* М., 1980, т. 2, с. 215.

²² *Виноградов В. В.* Цит. работа.

²³ *Хрычиков Б. В.* Некоторые замечания о переходе наречий в модальные слова.— *Вест. Львов. ун-та, 1973. Сер. филол., вып. 8; Ср.: Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, с. 150.

²⁴ *Hyish V. A.* The Structure of Modern English. Leningrad, 1971, p. 164.

²⁵ *Бархударов Л. С., Штелинг Д. А.* Грамматика английского языка. М., 1973, с. 274.

²⁶ См. *Виноградов В. В.* Цит. работа; *Хрычиков Б. В.* О сущности грамматической категории модальности и о модальных словах в русском языке.— *Вест. Львов. ун-та. Сер. филол., 1969, вып. 6, с. 87—90.*

²⁷ *Зернов Б. Е., Попова О. Д.* К вопросу о «центре» и «периферии» в системе частей речи (на материале английского языка).— В кн.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Взаимодействие языковых структур в системе. Л., 1980, вып. 4, с. 49.

²⁸ *Капитонова Т. И.* Цит. работа, с. 8; см. также: *Байкова З. М.* Лексико-семантическое поле, объединенное модальным значением уверенности, в современном английском языке.— В кн.: Семантические связи лексики. Рига, 1978, с. 5—18.

²⁹ *Ковнер Р. Л.* Проблема вводного члена предложения на материале английского языка.— *Труды по английской филологии. Учен. зап. 1-го Ленингр. пед. ин-та иностр. языков.* Л., 1956, с. 88—101. Субъективность такого, не подкрепленного подсчетами вывода, отмечалась ранее (См.: *Капитонова Т. И.* Цит. работа, с. 11).

³⁰ *Шахматов А. А.* Цит. работа, с. 399.

³¹ *Щетинкин В. Е.* Развитие лексических средств выражения модальности во французском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1956. 12 с.

³² *Hartvigson H. H.* On the Intonation and Position of the so-called Sentence Modifiers in Present-Day English. Stockholm, 1969. 269 p. *Schreiber P. A.* Some Constraints on the Formation of English Sentence Adverbs.— *Linguistic Inquiry*, 1971, v. 2, N 1, p. 83—101; *Jacobson Sven.* On the Use, Meaning and Syntax of English Preverbal Adverbs.— *Acta Universitatis Stockholmiensis*, 1978, N 44. 157 p.

³³ *Капитонова Т. И.* Цит. работа. 16 с.

³⁴ *Шувалов Б. Б.* Модальные слова в современном английском языке.— *Учен. зап. Сталингр. пед. ин-та, 1959, вып. 7, с. 164—169.*

³⁵ *Беликов С. В.* Влияние модальных наречий на общую модальность научного текста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1979.

³⁶ *Бархударов Л. С.* К вопросу об отношении формальных и семантических моделей предложения.— В кн.: Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976, с. 11.

- ³⁷ Золотова Г. А. Цит. работа, с. 277.
- ³⁸ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 55.
- ³⁹ Там же, с. 43—45.
- ⁴⁰ Ср. противопоставления, которые сложились в логических концепциях структуры предложения (см.: Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976, с. 62).
- ⁴¹ Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским. М., 1975. 278 с.
- ⁴² Балли Ш. Цит. работа, с. 54.
- ⁴³ Формальное отличие вводных слов А. А. Шахматов усматривал в их возможности быть замененными полным предложением (Шахматов А. А. Цит. работа, с. 265). О понятии «предикатное выражение» см.: Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977. 204 с.
- ⁴⁴ Золотова Г. А. Цит. работа, с. 263.
- ⁴⁵ Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М., 1934, с. 85.
- ⁴⁶ Стриженко А. А. Роль языка в системе средств пропаганды. Томск, 1980, с. 188.
- ⁴⁷ См.: Виноградов В. В. Цит. работа, с. 75.
- ⁴⁸ Вайнрайх У. О семантической структуре языка.— В кн.: Новое в лингвистике (Языковые универсалии). М., 1970, вып. 5, с. 173.
- ⁴⁹ Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1981, с. 154—156.
- ⁵⁰ Андрейчин Л. Д. Грамматика болгарского языка. / Пер. с болг. Под ред. Н. С. Державина. М., 1949, с. 198 и след.
- ⁵¹ См., например, Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол.— В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, с. 95—113.
- ⁵² Золотова Г. А. Цит. работа, с. 263 и след.
- ⁵³ Austin J. L. How to Do Things with Words. Second Edition. Cambridge, Massachusetts, 1962, с. 105.
- ⁵⁴ См. Москальская О. И. Цит. работа, с. 155, 156.
- ⁵⁵ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981, с. 113.
- ⁵⁶ О развитии теории модальностей в логике см.: Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981, с. 238—240.
- ⁵⁷ Виноградов В. В. Цит. работа; Филипповская И. А. Модальность предложения. Душанбе, 1978. 51 с.
- ⁵⁸ Русская грамматика, т. 2, с. 214 и след., см. также: Гальперин И. Р. Цит. работа. 138 с.
- ⁵⁹ Корнилов А. А. Вводные элементы в современном польском литературном языке (в сопоставлении с русским). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 16 с.
- ⁶⁰ Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978, с. 326.
- ⁶¹ См., например, Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Цит. работа. 423 с. Ермолаева П. С. К вопросу о соотношении модальности и предикативности (на материале современных германских языков).— Филол. науки, 1963, № 4, с. 119—126; Гулыга Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971. 206 с.
- ⁶² Lyons J. Semantics, v. 2. Cambridge, 1977, p. 793; Бондаренко В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке.— Филол. науки, 1979, № 2, с. 54—61.
- ⁶³ Ср.: Русская грамматика, т. 2, с. 214.
- ⁶⁴ Примечательно, что в грамматике английского языка (Quirk R.,

Greenbaum S. A University Grammar of English. L., 1979, p. 244) среди так называемых attitudinal disjuncts выделяются наречия, выражающие а) уверенность и б) определенную степень сомнения, включающие и рассматриваемые здесь наречия с залоговойемой а) admittedly, undeniably, undoubtedly, unquestionably и б) presumably, reportedly, supposedly, причем разная «природа» сомнения, выражаемая, например, наречиями reportedly и presumably, вообще не рассматривается.

⁶⁵ *Степанов Ю. С.* Цит. работа, с. 238. Ср.: *Балли Ш.* Цит. работа, с. 53 и след.

⁶⁶ *Виноградов В. В.* Цит. работа, с. 72—73.

⁶⁷ См.: *Schreiber P. A.* Op. cit.

⁶⁸ Здесь уместно напомнить справедливое замечание Е. В. Падучевой о том, что во многих случаях «различие модального значения подчиненного компонента однозначно определяется подчиняющим предикатом», что дает возможность установить модальность для частей речи, не имеющих никаких формальных показателей склонения (*Падучева Е. В.* Цит. работа, с. 196).

⁶⁹ *Адамец А.* О семантико-синтаксических функциях девербативных и deadъективных существительных.— *Филол. науки*, 1973, № 4, с. 40—46.

⁷⁰ *Kiparsky P. and Kiparsky C.* Fact.— In: *Progress in Linguistics / Eds. Bierwisch M. and Heidolph K. E.* The Hague; Paris, 1970, p. 143—160.

⁷¹ Определяя автора как участника художественного видения, М. М. Бахтин писал: «Я и другой суть основные ценностные категории, впервые делающие возможной какую бы то ни было действительную оценку...» (выделено автором) (*Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 163).

⁷² *Кацнельсон С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965. 109 с.

⁷³ *Гальперин И. Р.* Цит. работа, с. 73.

⁷⁴ *Scheurweghs G.* Present-Day English Syntax. Bristol, 1959. 162 p.

⁷⁵ *Разинкина Н. М.* Внутрстилевая адаптация элементов устной разговорной речи в письменных литературно-книжных текстах (на материале английской научной литературы).— В кн.: *Язык научной литературы.* М., 1975, с. 105; *она же.* Развитие языка английской научной литературы. М., 1978, с. 140.

⁷⁶ *Шувалов Б. В.* Цит. работа, с. 164—169.

⁷⁷ *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. Л., 1973, с. 195.

⁷⁸ *Jacobson S.* Op. cit., p. 28.

⁷⁹ *Вольф Е. М.* Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978, с. 20.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ *Urmson J. O.* Parenthetical Verbs.— In: *Essays in Conceptual Analysis / Ed. Flew A.* London, 1956, p. 228.

⁸² *Bolinger D.* Objective and Subjective: Sentences without Performatives.— In: *Linguistic Inquiry*, 1973, N 3, p. 414—417.

⁸³ *Bierwisch M.* On classifying semantic features.— In: *Semantics. An interdisciplinary reader in Philosophy, Linguistics and Psychology.* Cambridge, 1971, p. 425.

⁸⁴ *Пумпянский А. Л.* Лексические закономерности научной и технической литературы. Калинин, 1980. 83 с.

⁸⁵ *Вайнрайх У.* Цит. работа, с. 180; *Bartsch R.* The Grammar of

Adverbials: a study in the semantics and syntax of adverbial constructions. North-Holland Publishing Company — Amsterdam; New York; Oxford, 1976; *Вежбицка А.* Метатекст в тексте. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М., 1978, вып. 8, с. 402—424. *Иванова Г. Н.* О способах выражения опосредованного высказывания.— В кн.: Семантико-стилистические исследования текста и предложения. Л., 1980, с. 65—70.

⁸⁶ *Вайнрайх У.* Цит. работа, с. 189.

⁸⁷ *Вежбицка А.* Цит. работа, с. 412.

⁸⁸ *Слюсарева Н. А.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981, с. 180.

⁸⁹ *Балли Ш.* Цит. работа, с. 54 и др.; *Гак В. Г.* Цит. работа, с. 271.

⁹⁰ О добавочном тема-рематическом составе предложения см.: *Слюсарева Н. А.* Цит. работа, с. 178.

Заключение

¹ См.: *Медведева Л. М.* Номинативы пассивного значения в современном английском языке.— В кн.: Номинализация в современном английском языке. Киев, 1982, с. 121—153.

² Первая цифра в скобках обозначает количество зарегистрированных употреблений частей речи (абсолютная частота).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Вопросы теории грамматического залога	7
О глагольной номинации	7
Уровни языка и залог	8
Залог и диатеза	10
Залог и переходность	12
Валентность и залог. О семантике залога	14
Некатегориальные способы выражения категориального значения пассива	17
Пассивная перспектива предложения и пассивная предикация	17
Категориальное значение и способы его выражения	23
К проблеме функционально-семантической категории [пассив]	31
О полевой структуре частей речи	34
Методы исследования частей речи с семой-ретентом [пассив]	37
Имя прилагательное	42
Словообразовательные и семантические особенности пассивных прилагательных	42
Об эффективности семы [пассив] у прилагательных	53
Прилагательные с семой [пассив ¹]	61
Прилагательные с семой [пассив ²]	73
Прилагательные с семой [пассив ³]	83
Наречие	90
Типы наречий с семой [пассив]	90
Наречия с семой [пассив ¹]	94
Заключение	121
Примечания	125